

ВАЛААМСКІЕ МИССИОНЕРЫ

54
176 ЧВЪ АМЕРИКЪ

ГОСУДАРСТВЕНН
КНИЖНЫЙ ФОНД

4654

(въ концѣ XVIII столѣтія).

Съ приложеніемъ:

- 1) Портрета Американскаго миссіонера, монаха Валаамскаго монастыря Германа и его факсимиле; 2) вида на островъ Кадьякъ;
- 3) вида острова Еловаго; 4) рукописи іеромонаха Гедсона и переписки,—матеріаловъ для исторіи Кадьякскаго миссіи, ранѣе не бывшихъ въ печати.

Изданіе Валаамскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій, 8.

1800.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать раз-
рѣшается. С.-Петербургъ, 14 апреля 1900 года.

Цензоръ Архимандритъ Иннокентій.

13946-41

200706

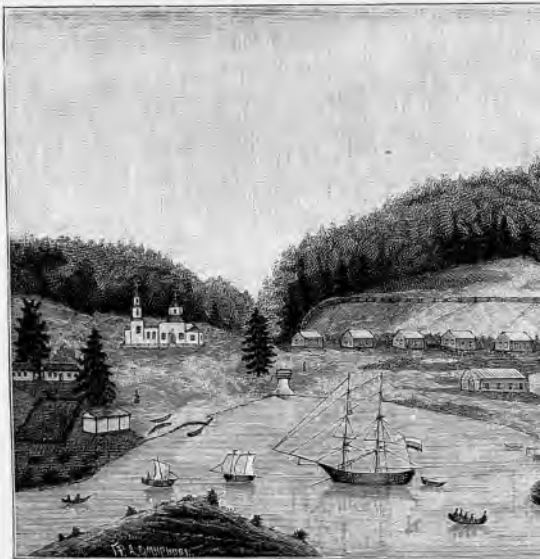
„Люде сидяци во тмъ видѣ-
ша свѣтъ велий, и спящымъ во
странѣхъ и снѣхъ смертнѣхъ, свѣтъ
возсѣя имъ“.

(Ев. Матѣ., IV, 16).

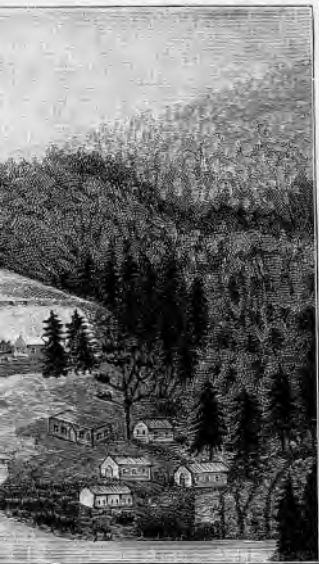

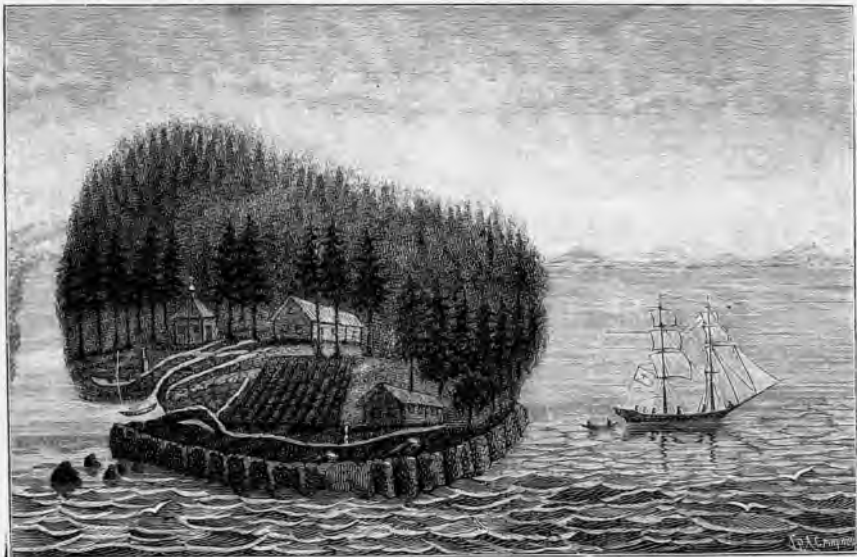
убогій ГЕРМАНЪ

I.

II. Видъ на о. Кадьякъ.

III. Видъ о. Еловато.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

25 сентября 1894 года, въ день памяти преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, Радонежскаго чудотворца, совершено торжественное *празднованіе столѣтняго юбилея православія въ Сѣверной Америкѣ*, разрѣшенное Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію преосвященнаго Николая, епископа Алеутскаго,—о чемъ, для всеобщаго извѣстія *всѣхъ православныхъ сыновъ Христовой церкви*, и было напечатано въ № 3-мъ «*Церковныхъ Вѣдомостей*», отъ 15 января того года.

Тамъ-же читаемъ нижеслѣдующее: «Въ сентябрѣ 1894 г. исполнится сто лѣтъ съ того времени, когда впервые возсіялъ свѣтъ православной вѣры въ предѣлахъ Сѣверной Америки, среди малоизвѣстнаго тогда племени алеутовъ. Для проповѣдыванія слова Божія посланы были Святѣйшимъ Синодомъ изъ *Валаамской обители* нѣсколько *иноковъ*, во главѣ которыхъ стоялъ архимандритъ Юсафъ, впоследствии епископъ Кадьякскій».

Православная вѣра принесена въ Сѣверную Америку первыми прибывшими туда русскими промышленниками, въ половинѣ прошлаго вѣка. Но еще весьма долгое

время не было тамъ проповѣдниковъ—священнослужителей, пріавшихъ чрезъ рукоположеніе дары Духа Святаго и облеченныхъ властію совершать таинства,—не было такихъ учителей вѣры, такихъ благолѣтниковъ слова Божія, къ которымъ во всей полнотѣ относятся слова Спасителя: *«Якоже посла мя Отецъ, и азъ посылую вы. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся»* (Ев. Іоанн., XX, 21, 23);—*«шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учяще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ самъ»* (Ев. Матѣ., XXVIII, 19—20);—*«шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари»* (Ев. Марка, XVI, 15). Православная миссія съ проповѣдниками—священнослужителями прибыла въ русскія владѣнія Сѣверной Америки въ 1794 году—ровно столѣтію тому назадъ.

Какъ увидимъ далѣе, миссія эта состояла почти исключительно изъ иноковъ Балаамскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ (іеромонахъ Ювеналій) сподобился мученическою смертію окончить свое равноапостольное служеніе, убитый дикарями, которымъ проповѣдывалъ слово Божіе; другой (монахъ Германъ) долгіе годы оставался одинокимъ свѣтильникомъ вѣры православной, яркимъ приѣздомъ христіанской жизни и высокой нравственности для Кадьякскихъ американцевъ. Такимъ образомъ, дѣло миссіи—родное дѣло для Балаамскаго монастыря, судьбы ея близки нашему сердцу. Поэтому Балаамскій монастырь не долженъ забывать имена и дѣятельность своихъ духовныхъ чадъ.

Прибывшая въ Сѣверную Америку въ 1794 году православная миссія окончила свое существованіе въ 1837 г., со смертію монаха Германа. Объ этой миссіи

и будетъ наша рѣчь. Такъ какъ миссіонеры прибыли прямо на о. Кадьякъ, гдѣ былъ сооруженъ первый православный храмъ, гдѣ было коренное, такъ сказать, мѣстопребываніе миссін, откуда они отправлялись въ разныя стороны для проповѣди слова Божія, то, по имени острова, и самую миссію принято называть *Кадьякскою*.

Для всякаго истиннаго христіанина несомнѣнно пріятно слышать и знать о распространеніи христіанства между людьми, еще не озаренными свѣтомъ Евангелія. Къ этому дѣлу долженъ съ искреннимъ сердечныхъ сочувствіемъ отнестись *каждый христіанинъ*, тѣмъ болѣе—*каждый православный русскій человекъ*, такъ какъ слово истины Евангельской было принесено на далекіе берега Сѣверной Америки и проповѣдано тамъ *православными русскими благовѣстниками*.

Предложить читателямъ *полную исторію Американской православной миссін 1794 г.* (иначе сказать—*Кадьякской миссін*) мы не имѣемъ намѣренія. Отвѣтить, въ общихъ чертахъ, на вопросы: *чѣмъ, какими новыми обстоятельствами въ русской жизни были вызваны Кадьякская миссія; какова была почва, на которую предстояло сѣять сѣмя слова Божія, т. е. каковы были, въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, тѣ народы, къ которымъ миссіонеры пришли тамъ съ проповѣдью Евангелія; какой былъ составъ миссін; каковы были результаты миссіонерскихъ трудовъ; въ чемъ и въ комъ заключались обстоятельства, благоприятныя и неблагоприятныя для дѣятельности миссін; почему, при значеніи миссіонеровъ, выборъ палъ на Валаамскій монастырь?*—отвѣтить по возможности, на всѣ эти вопросы—вотъ скромная цѣль нашего *краткаго очерка*.

Вполнѣ своевременнымъ считаемъ мы воспользоваться и принадлежащимъ собственно Валаамскому монастырю матеріаломъ для исторіи Кадьякской миссіи. Самый матеріалъ помещаемъ при этой же книжкѣ, въ приложеніи. Вѣроятно, не безынтересны будутъ и приложенные къ нашему изданію виды, изображающіе мѣста, гдѣ подвизались наши миссіонеры, и портретъ со снимкомъ почерка (факсимиле) старца Германа, Валаамскаго монаха, съ жизнеописаніемъ котораго, изданнымъ Валаамскимъ монастыремъ много лѣтъ тому назадъ (1868 г.), нѣкоторые изъ читателей, быть можетъ, знакомы.

Затѣмъ, читатели, не интересующіеся подробностями, могутъ, минуя продолженіе предисловія, перейти прямо къ очерку, составляющему, вмѣстѣ съ приложеніями, наше посильное приношеніе въ память торжества столѣтняго юбилея православія въ Америкѣ.

Такъ какъ православная духовная миссія, отправленная въ Америку сто лѣтъ тому назадъ, состояла почти исключительно изъ иноковъ Валаамскаго монастыря, то послѣдній, естественно, принималъ мѣры къ розысканію и собиранію матеріаловъ для исторіи этой миссіи. Старапія его не остались безъ результатовъ, — и въ настоящее время въ распоряженіи Валаамскаго монастыря находятся собственно ему принадлежащій, *ранѣе полностью нигдѣ не напечатанный*, нижеслѣдующій матеріалъ:

1. Довольно обширная переписка, касающаяся исторіи миссіи и преимущественно смиреннаго Валаамскаго монаха Геризна, личности во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной, рѣдкой (по силѣ, глубинѣ и продолжительности духовно-нравственнаго вліяніи) и одного изъ глав-

нѣйшихъ дѣателей миссіи. Переписка эта заключается въ себѣ: нѣсколько писемъ (къ Валаамскому игумену Дамаскину) Семена Ивановича Яновскаго, бывшаго послѣ Баранова главныи правителемъ Россійско-Американскихъ колоній, непосредственно знакомаго съ мѣстными обстоятельствами и весьма близко стоявшаго къ упомянутому монаху Герману; письма преосв. Петра, епископа Новоархангельскаго, а потомъ—Якутскаго, и присланныя имъ свѣдѣнія объ о. Германѣ, собранныя по его (преосв. Петра) порученію и написанныя Кадьякскимъ жителемъ Константиномъ Ларионовымъ,—въ подлинникѣ въ цѣлой особой тетради, состоящей изъ 13 листовъ; письмо стоявшаго во главѣ миссіи архимандрита Іоасафа (изъ Валаамскихъ иноковъ), писанное на имя о. Германа, отъ іюня 1798 г.; письмо высокопр. Иннокентія, архіепископа Камчатскаго и Алеутскаго (а впоследствии—митрополита Московскаго и Коломенскаго), писанное къ иг. Дамаскину и касающееся миссіонера о. Германа; записка объ о. Германѣ Кадьякскаго священника о. Петра Кашеварова, отъ 7 сентября 1867 года; рассказъ богомольца Григорія Михайлова Лазарева *о житіи монаха Германа*; наконецъ, два подлинныхъ письма самого о. Германа къ С. И. Яновскому: одно — отъ 20 іюня 1820, другое—отъ 10 августа 1821 года; копія его-же письма, отъ 28 декабря 1818 года, къ тому-же С. И. Яновскому, и копія письма о. Германа къ Валаамскому игумену Іонаану, отъ 19 декабря 1819 года. Письма о. Германа къ С. И. Яновскому прекрасно обрисовываютъ передъ нами свѣтлую личность *святаго старца*,—какъ многократно называетъ его г. Яновскій въ своихъ письмахъ къ иг. Дамаскину. Копія-же письма о. Германа къ иг. Іонаану особенно драгоценна въ томъ

отношеніи, что въ письмѣ этомъ обстоятельства, касающіяся миссіи (хотя конечно—немногія), передаются правдивѣйшимъ повѣствователемъ, — очевидцемъ и участникомъ. Что копія дѣйствительно списана съ подлиннаго письма о. Германа, а не есть что-либо въ послѣдствіи выдуманное или сочиненное, — за это, помимо прочихъ соображеній, ручательствомъ могутъ служить: во первыхъ, лицо, отъ котораго получена копія (она, какъ и подлинныя письма о. Германа, получена отъ С. И. Яновскаго); во-вторыхъ, совершенное сходство склада рѣчи и тона этого письма съ прочими письмами о. Германа, какъ къ г. Яновскому, такъ и (въ особенности) къ Валаамскому игумену Назарію (послѣдній — въ V-ой книгѣ *Очерковъ Россіи*, Пассека, Москва, 1842 г.). Вся эта переписка, относящаяся до исторіи миссіи 1794 года (Кадьякской миссіи), поступила въ Валаамскій монастырь въ 60-хъ годахъ; значеніе ея очевидно само собою; а всѣ подлинныя документы ее составляющіе, хранятся въ канцелярскомъ архивѣ, въ дѣлѣ № 15, содержащемъ матеріалы для исторіи Валаамскаго монастыря.

2. Рукопись соборнаго іеромонаха Александрo-Невской лавры о. Гедеона, обнимающая время отъ 1803 до 1807 года. Распадаясь по содержанію на двѣ части, рукопись представляетъ въ первой части живое и интересное описаніе путешествія автора отъ Петербурга до Кадьяка, а во второй — пребываніе его на Кадьякѣ, свѣдѣнія о просвѣтительныхъ трудахъ и положеніи Кадьякской миссіи и о собственной его (іеромонаха Гедеона) миссіонерской дѣятельности, изображеніе жителей Кадьяка, ихъ занятій, нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій до принятія христіанства, понятій ихъ о Богѣ и мірѣ, словомъ, этнографическихъ, бытовыхъ и нравствен-

ныхъ особенностей ихъ, а также—отношеній къ нимъ Россійско-Американской Компаніи въ лицѣ ея мѣстныхъ главныхъ правителей, второстепенныхъ и низшихъ служащихъ. Въ рукописи іеромонаха Гедеоны мы находимъ относительно кадьякцевъ нѣчто подобное тому, что высокопр. Инокентій оставилъ въ наслѣдіе наукѣ относительно алеутовъ въ своихъ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*. Мы сказали: нѣчто подобное; но обязаны добавить и то, что высокопр. Инокентій (тогда еще священникъ Іоаннъ Веніаміновъ), раѣе обнародованія своихъ *Записокъ*, пробылъ на Алеутскихъ островахъ (Уналашкинскаго отдѣла) не менѣе 15 лѣтъ, а іеромонахъ Гедeonъ жилъ на Кадьякѣ не болѣе 3 лѣтъ. Собственно къ нашему предмету относится, конечно, лишь вторая часть рукописи, но за-то весь матеріалъ этотъ чрезвычайно цѣненъ. Что касается внѣшней стороны,—вся рукопись занимаетъ, по канцелярскому счету, 81 листъ обыкновеннаго формата писчей бумаги, при ней еще находится письмо, на 2 листахъ, А. А. Баранова къ іером. Гедeonу по интересному вопросу—о крушеніи корабля *Фениксъ*, на которомъ, при гибели его въ 1790 году, утонулъ преосв. Іосафъ, епископъ Кадьякскій, со всею свитою и богатою ризницею. Сама рукопись никакого заглавія не носитъ, а на темнокрасномъ кожаномъ переплетѣ, въ которой она переплетена, нѣтъ тисненіе золотыми буквами: *Путешествіе кругъ свѣта*. Слѣдуетъ замѣтить, что корабль *Нева*, на которомъ ѣхалъ іером. Гедeonъ, и корабль *Надежда* (съ капитаномъ Крузенштерномъ) совершили, отправившись въ 1803 году, первое изъ русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій. Но *форму* рукопись представляетъ копіи весьма пространныхъ писемъ—отчего-то іером. Гедeoны къ митроп-

Амвросію и менѣе обширныхъ писемъ его къ другимъ лицамъ. Еслибы даже и были найдены и напечатаны всѣ подлинныя письма, то и тогда, — мы думаемъ, — рукопись не утратила-бы своего значенія — какъ сборникъ *вѣрныхъ* копій, писанныхъ авторомъ собственноручно и связанныхъ единствомъ содержанія. Подлинная рукопись іеромонаха Гедеопа хранится въ библіотекѣ Валаамскаго монастыря.

3. Тамъ-же находятся рисованные Семеномъ Ивановичемъ Яновскимъ виды, изображающіе мѣстности въ Россійской Америкѣ, *гдѣ жили и въ то время, когда тамъ подвизались наши миссіонеры*, и портретъ одного изъ миссіонеровъ — о. Германа. И виды, и портретъ мы помѣщаемъ въ наше изданіе; но объ этомъ уже было сказано выше.

Въ *приложеніяхъ* къ этой книжкѣ изъ переписки помѣщается лишь то, что относится до миссіи и миссіонера Германа, изъ остального-же — только необходимое для логической связи; а изъ рукописи — почти вся вторая часть цѣликомъ.

Какъ въ *перепискѣ*, такъ и въ *рукописи* мы сохранили все въ полной неприкосновенности, не измѣняя и не переставляя ни одного слова, такъ-что прилагаемыя нами копии суть безусловно-точные, буквальные копии со всего того, что мы помѣщаемъ въ видѣ матеріаловъ; въ выдержкахъ же изъ нихъ, помѣщенныхъ въ наше *очеркъ*, мы, для удобства, держались нынѣ принятаго правописанія.

Излишнимъ полагаемъ помѣщать въ *приложеніяхъ* къ нашей книжкѣ то, что желающіе могутъ найти помимо нашего изданія, напримѣръ: письма миссіонеровъ, которые были напечатаны разѣе, географическія карты и т. п.

При составленіи очерка мы пользовались, кромѣ упомянутыхъ переписки и рукописи, богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ *Запискахъ объ островахъ Уналаш-кинскаго отдѣла* (Санктпетербургъ, 1840 г.), преимущественно во второй части, статьею автора *Записокъ*, напечатанною въ изданіи А. Стурдзы *Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ*, подъ заглавіемъ *Состояніе православной церкви въ Россійской Америкѣ*, и нѣкоторыми, впрочемъ—весьма немногими, другими изданіями.

Валдаиъ,
1900 г.

ОЧЕРКЪ

изъ исторіи Американской православной духов-
ной миссіи.

(Кадьякской миссіи 1794—1837 гг.).

I.

Россійско-Американскія владѣнія.

Изъ среды русскаго народа, щедро надѣленнаго отъ Бога богатствомъ разума и силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, время отъ времени, выдѣляются личности, обладающія способностями; далеко превосходящими разиѣры обыкновенныхъ. Такимъ людямъ всегда бываетъ тѣсно среди обыденной жизненной обстановки; она не удовлетворяетъ ихъ; обыкновеннаго, зауряднаго дѣла для нихъ мало; ихъ выдающимся силамъ нуженъ просторъ.

Не въ *количествѣ* силъ заключается *достоинство* и отдѣльнаго человѣка, и дѣлаго народа, а въ *направленіи* этихъ силъ. Направленіе зависитъ отъ *свободной воли*,— и въ этомъ *нравственное равенство* людей и народовъ. безъ котораго *количественное различіе* силъ было-бы не-

справедливостью. Благо человеку, благо и народу, который употребить на добро данные ему от Бога силы и способности, т. е. будет согласовать свою волю съ волею Божественной, съ Евангельскими заповѣдями любви къ Богу и любви къ ближнему.

Выдающіеся люди, ища простора для широкаго проявленія и прииѣненія своихъ силъ и способностей, идутъ многораазличными путями. Одни изъ людей такого рода уходятъ въ святое подвижничество; другіе всецѣло отдаются наукѣ; третьи — государственной дѣятельности; четвертые безстрашно идутъ въ новыя, невѣдомыя до-толѣ, страны и овладѣваютъ ими, — для общей пользы соотечественниковъ, и т. д. Совершенно чисты отъ всякаго самолюбиваго упрека въ своекорыстіи люди, посвятившіе себя высокому подвигу христіанскаго самоотреченія. Близко подходятъ къ нимъ и безкорыстные искатели истины путемъ науки. Дѣйствіями-же остальныхъ весьма нерѣдко руководить исключительная жажда личнаго обогащенія, личная корысть или себялюбіе. Но не надо забывать, что всемогущій Богъ силенъ, все—и даже самое зло—обратить во благо и на пользу. Самыя ошибки и заблужденія крупныхъ людей поучительны для насъ: въ крупныхъ размѣрахъ все виднѣе и яснѣе.

Какіе изъ русскихъ людей могли *первоначально* рѣшиться направить путь свой въ отдаленную и еще *не-отдохнувшую* намъ Америку? Очевидно, — не тѣ *средніе* люди, которымъ и дома хорошо и привольно, которымъ довольно дѣла и въ узкомъ кругѣ обыденной жизни. Потому, по чужимъ слѣдамъ, идутъ и такіе люди, но тогда, когда невѣдомое успѣло уже стать извѣстнымъ. А впереди—всегда люди съ сильнымъ сердцемъ и богатыми душевными силами. Вотъ что рассказываетъ о *первыхъ* рус-

скихъ поселенцахъ въ Америкѣ миссіонеръ монахъ Германъ въ письмѣ къ Волаамскому игумену Назарію: «Здѣсь слухи объ нихъ (русскихъ) носятъ такіе: что они Новгородцы и во время Царя Ивана Васильевича ушли въ Сибирь и по Ленѣ спустившись пришли на Колыму, сдѣлали 7 судовъ, называемыхъ кочами, и съ Колымы перешли на Анадырь. — Тутъ одно судно разбило, изъ коего люди вышли на берегъ; начали жить, сдѣлали церковь, которой полъ и понынѣ цѣлъ, и сдѣланъ тутъ нынѣ городъ Анадырскъ; прочія же суда пошли въ море и пристали ъ въ Ижигѣ, въ Икумѣ, въ Талску, а шестой дѣвался безъ вѣсти, то и думаютъ, что непременно то судно принесло въ Америку, и живутъ тутъ, гдѣ нынѣ слышимъ, а при отправленіи сего моего письма услышалъ отъ прѣѣхавшихъ съ матерата (берега) отъ Лебедевской компаніи, что тѣ русскіе люди отъ нихъ близко. и хотя они съ ними не видались; но очень слышно и получили чрезъ другихъ ножи большіе съ надписью точно гѣхъ Русскихъ; живутъ-же они, какъ слышно, на большой рѣкѣ, и рыба въ ней Сибирскихъ рѣкъ, которой у насъ на Кадьякѣ нѣтъ. Есть-же у нихъ и русская рыба. щука и налима». (*Очерки Россіи*, Пассекъ. Москва, 1842, кн. V, стр. 230—231). Нѣтъ ничего невозможнаго, что извѣстные въ нашей исторіи своею снѣлою предприимчивостью и обширною колонизаторскою дѣятельностію Новгородцы достигли и отдаленныхъ береговъ Америки. Но, во всякомъ случаѣ, это—скорѣе предположеніе, хотя и вполне вѣроятное. Рыба-же сибирскихъ рѣкъ и русская рыба — щука и налима — могла быть привезена и въ позднѣйшія времена, ранѣе только прибытія въ Америку нашей миссіи.

Извѣстно и вполне достоверно, что, начиная съ цо-

ловныи прошлаго вѣка, русскіе непрерывно предпринимали путешествія въ сѣверозападную часть Америки, съ промышленными и торговыми цѣлями, и завладѣли постепенно сначала островами, лежащими между Камчаткой и Аляской, а потомъ и землями на материкѣ. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играли представители нашего купеческаго сословія, — какъ капиталами своими, такъ и личнымъ трудомъ и предпримчивостью. Много требовалось ума, находчивости, смѣлости, готовности выносить всевозможныя лишения и опасности; много положено было тяжелаго труда и терпѣнія. Дѣло было новое, крупное, — и люди нужны были крупные, выдающіеся; средній человѣкъ шель за ними, отчасти — вмѣстѣ съ ними.

Открывшій Алеутскій островъ капитанъ Берингъ первый показалъ русскимъ путь въ Америку. Собственно открытія Беринга, — кромѣ материка Америки и пролива, отдѣляющаго эту часть свѣта отъ Азіи, — ограничиваются немногими островами, къ числу коихъ принадлежать, напримеръ, *Шумягинскіе*, замѣченные еще при первомъ путешествіи, въ 1728 году, открытые во второе путешествие, въ 1741 году, лежащіе неподалеку отъ южнаго берега Аляски и названныя по имени одного матроса съ Берингова судна, который тамъ похороненъ, а также открытые въ 1728 году острова *Мидный* и *св. Лаврентія*.

Послѣ путешествія Беринга и его товарищей торговая предпримчивость увидѣла новые источники богатства въ новооткрытыхъ земляхъ и островахъ американскихъ, или — точнѣе сказать — предположила, предугадала эти новые источники богатства въ земляхъ еще невѣдомыхъ, но путь къ открытію которыхъ былъ отчасти уже указанъ, — и не ошиблась въ своемъ предположеніи. Частные люди рѣшились немедленно приняться за дѣло. За-

ѣзжіе въ Сибирь и сибирскіе купцы начали составлять небольшія компаніи, складчины, стронть суда, нанимать вольныхъ работниковъ и, благословясь, пускаться въ далекій и опасный путь по неизвѣданному морю, безъ картъ и—случалось—даже безъ компасовъ, на малонадежныхъ судахъ, имѣя на защиту нѣсколько ружей и топоровъ, предводимые бывалымъ мореходомъ, который правилъ по зіѣздамъ небеснымъ. Иногда, носимые бурей, сбитые съ пути, они плыли на-авось, куда вѣтеръ занесетъ, гибли, или находили новые острова и земли, получали на нихъ богатую добычу, сражались съ дикарями, подчиняли ихъ подъ царскую власть. Не менѣе трудно было самое возвращеніе, и гибель ждала нерѣдко отважныхъ путешественниковъ даже вблизи тихой пристани, у знакомаго берега родной земли. Но за все вознаграждала вывозимая промышленниками добыча, иногда дѣйствительно громадная и богатая, составлявшая,—случалось,—цѣнность въ 300,000 рублей.

Смѣлый и предпріимчивый сержантъ Нижнекамчатской команды *Емельянъ Басовъ*, узнавъ, какую богатую добычу вывели спутники Беринга, рѣшился самъ испытать счастье. Въ товариществѣ съ московскимъ купцомъ *Андреемъ Серебренниковымъ*, онъ, первый изъ русскихъ, пустился въ 1743 году на промыселъ за бобрами, на своемъ собственномъ суднѣ. Неизвѣстно, кто былъ у него штурманомъ, или, какъ тогда называли, *мореходомъ*; но въ это путешествіе Басовъ не пошелъ далѣе *Берингова* острова, гдѣ провелъ зиму, и на слѣдующій годъ возвратился въ Камчатку. Потомъ онъ совершилъ еще три путешествія, въ компаніи съ иркутскимъ купцомъ *Никифоромъ Трапезниковымъ*. Басовъ умеръ богачемъ и показать соотечественникамъ новую дорогу къ обширной и

богатой промышленности. Именем *Васова* и судна его *Петръ*, бывшего съ нимъ въ третье путешествіе (1747 г.), до сихъ поръ называются двѣ губы *Мѣднаго* острова: *Васовская* и *Петровская*. Промышленные удачи Васова вызвали соревнованіе. Купцы *Чупровъ*, *Чебаевскій* и тотъ же *Тринезниковъ* послали въ сентябрѣ 1745 г. судно *Евдокію*, поручивъ его тобольскому крестьянину *Михаилу Неводчикову*. Изъ перваго путешествія онъ вывезъ товару на 20,000 рублей, а второе путешествіе его было неудачно, и Неводчиковъ погибъ. Но съ тѣхъ поръ суда отъ разныхъ частныхъ торговыхъ компаній начали отправляться ежегодно.

Около 1743 года селенгинскій купецъ *Андрейиз Толстыхъ* открылъ острова, извѣстные подъ именемъ *Андреевскихъ*.

Въ 1759 году промышленникъ *Глотовъ*, плававшій на суднѣ купца Никифорова, открылъ *Лисьи* острова, получившіе свое названіе отъ множества лисицъ, на нихъ находившихся.

Штурманъ *Гааріилъ Прибыловъ* открылъ въ 1786 г. острова, названные въ честь его островами *Прибылови*. Лежатъ они на Сѣверъ отъ Алеутскихъ острововъ и противъ Лисьихъ, между 57° и 56° сѣв. широты. Ихъ два: островъ св. *Павла*, имѣющій въ окружности около 90 верстъ, и лежащій къ югу отъ него островъ св. *Георгія*, значительно меньшій перваго.

Новые промышленники, да и прежніе, отправлявшіеся на промыселъ во второй или въ третій разъ, не только постигали ранѣе извѣстные острова, но и открывали новые. Такимъ образомъ, пройдя всю гряду Алеутскихъ острововъ, достигли они полуострова Аляски и материка Америки. Существенно важно то, что они не только

заботились о полученіи добычи. о приобрѣтеніи собственныхъ выгодъ, но вѣстѣ (хотя отчасти и это вытекало изъ тѣхъ-же личныхъ расчетовъ) заводили поселенія на новыхъ земляхъ, собирали *ясакъ* (дань) съ тамошнихъ народовъ въ пользу русскаго правительства и такимъ образомъ постепенно подчиняли эти народы русской государственной власти. Кромѣ *ясака*, правительство получало отъ промышленниковъ и *часть прибылей* и за все это щедро награждало предпріимчивыхъ торговцевъ и отважныхъ мореплавателей медалями, подарками, почетнымъ званіемъ *именитыхъ гражданъ*.

Было-бы утомительно, да и бесполезно для нашей цѣли перечислять *все* путешествія и *всѣхъ* путешественниковъ. Но нельзя не сказать о самомъ замѣчательномъ и выдающемся изъ всѣхъ торговыхъ предпринимателей, путешествовавшихъ въ Америку съ цѣлію открытія новыхъ мѣстъ и источниковъ для промышленности. Таковымъ, по обширности замысловъ и по удачному выполненію умно обдуманыхъ плановъ, былъ, безспорно, *Григорій Ивановичъ Шелеховъ*. Бѣдный мѣщанинъ города Рыльска, онъ ушелъ въ богатую Сибирь искать счастья, началъ торговать, приобрѣлъ небольшія средства и въ 1776 году отправилъ отъ себя на промыселъ первое судно. Потомъ, въ компаніи съ богатымъ сибирскимъ откупщикомъ, курскимъ купцомъ *Голиковымъ*, ему удалось значительно расширить свои предпріятія. Но такой обыкновенный, хотя и удачный, ходъ дѣлъ не удовлетворялъ Шелехова. Планы его были шире, цѣли—возвышеннѣе. Онъ сознательно поставилъ главнѣйшею задачею—*упрочить за Россією новооткрытые земли и острова, привести ихъ обитателей изъ ея подданство, завести охотность и привить гражданственность вездѣ, гдѣ*

только представлялась къ тому возможность. Положимъ, и другіе, какъ мы уже сказали, дѣйствовали отчасти въ томъ-же духѣ, но преимущественно въ той мѣрѣ, въ какой это было нужно для ихъ личныхъ цѣлей. Шелеховымъ управляло сознательное чувство русскаго гражданина. При этомъ, онъ отлично понималъ, что личные интересы его, при такомъ образѣ дѣйствій, не пострадаютъ, — и не ошибся. — Не ранѣе 1783 г. Шелеховъ могъ привести въ исполненіе свои обширные планы: 16 августа онъ самъ, сопровождаемый женою, выступилъ въ море на трехъ карабляхъ, построенныхъ на своей собственной верфи, близъ Охотскаго порта, и первый доставилъ основательныя свѣдѣнія о вновь открытыхъ островахъ. 21 іюня 1784 года, Шелеховъ прибылъ къ острову Кадьяку, наибольшему изъ прилежащихъ къ матеріку Америки и населенному воинственными народами, который еще въ 1761 и 1776 годахъ отражалъ русскихъ промышленниковъ. То же сопротивление встрѣтить и Шелеховъ, который, имѣя съ собою не болѣе 200 человекъ экипажа, подвергся большой опасности, но, дѣйствуя отлично отъ прежнихъ промышленниковъ, онъ ласками и подарками вскорѣ успѣлъ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ островитянъ, а слухи о дѣйствіи пороха и силѣ русскихъ мало-по-малу склонили къ союзу и другіхъ. Дикари приводили къ Шелехову аманатами своихъ дѣтей и просили учить ихъ говорить и читать по-русски, и онъ устроилъ школу для 25 мальчиковъ. Исполнивъ великое дѣло приобретенія для Россіи многочисленнаго народа, Шелеховъ открылъ путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ по сѣверному берегу Америки. Въ 1785 г. онъ отправилъ въ 4-хъ байдарахъ 52 чел. русскихъ и 120 алеутовъ къ востоку до Кенайскаго залива, чтобы

ознакомиться съ мѣстностью и народами, населяющими на пути лежащіе острова и берега Америки. Посланные возвратились въ августѣ, имѣвъ сношенія съ островитянами, кенайцами и чугачами, и привезли съ собою 20 человѣкъ заложниковъ отъ разныхъ племенъ. Подобная поѣздка совершена и въ 1786 г. къ мысу Иліп, причемъ были выстроены укрѣпленія на Афагнакѣ и при Кенайской губѣ. По возвращеніи въ Иркутскъ, Шелеховъ ѣздилъ въ Петербургъ и за свои услуги пожалованъ золотою медалью, осыпанною орденами, шпагою и похвальною грамотою. Въ 1793 г., по ходатайству Шелехова, на островъ Кадьякъ была отправлена духовная миссія. Для основанія ремеслъ и земледѣлія посланы туда, по его представленію, 20 человѣкъ изъ ссыльных мастеровыхъ, кузнецовъ, слесарей и пр. и 10 семействъ хлѣбопашцевъ. Шелеховъ умеръ въ Иркутскѣ 20 іюля 1795 г., на 48 году отъ роду. По смерти его Императрица Екатерина II даровала его женѣ и потомству право наследственнаго дворянства, не лишая ихъ притомъ права производить торговлю“.

Первоначально наша американская промышленность производилась отдѣльными частными лицами или не большими частными торговыми компаніями. Такой порядокъ привелъ, съ теченіемъ времени, къ излишнему развитію конкуренціи, въ ущербъ дѣлу и интересамъ общей пользы. Последнее частное промысловое судно *Зосима и Савоатій* было отправлено въ 1792 году и принадлежало иркутскому купцу Киселеву. Затѣмъ, до 1797 г. работала одна крупная компанія *Шелехова и Голиковыхъ*, изъ которой въ слѣдующемъ 1798 году образовалась *Россійско-Американская Компанія*, подъ покровительствомъ Государя, съ главнымъ правленіемъ въ Петербургѣ. Ея

отданы были въ распоряженіе всѣ американскіе острова и берега. Актъ Высочайше дарованный Россійско-Американской Компаніи привилегіямъ положилъ конецъ всѣмъ малымъ компаніямъ, кои не пожелали присоединять свои капиталы къ капиталамъ Шелехова и Голикова; такимъ образомъ прекратились *всякія* частныя предпріятія, съ предоставленіемъ, впрочемъ, всѣмъ и каждому брать свободныя компанейскія акціи и такимъ путемъ участвовать въ прибыляхъ Компаніи. И такъ, Компаніи была предоставлена торгово-промышленная монополія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ. Кромѣ того, правительство предоставило ей права и возложило на нее обязанности по администраціи края и по всѣмъ предметамъ, касавшимся гражданскаго благоустройства и народнаго просвѣщенія, не выключая и просвѣщенія религіознаго, такъ какъ на Компанію возложено было строить церкви и содержать духовенство.

„Вся Россійская Америка,—сказано въ предисловіи къ *Запискамъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*,—находятся въ вѣдѣніи Россійско-Американской Компаніи и состоитъ подъ главнымъ управленіемъ *начальника колоній*, избираемаго Компаніею изъ флотскихъ офицеровъ и утверждаемаго правительствомъ. Въ каждомъ отдѣлѣ Компанія имѣетъ свои конторы, состоящія подъ управленіемъ *правителя конторы*, изъ коихъ каждый есть виѣстъ и начальникъ своего отдѣла. Всѣ меньшіе отдѣлы и мѣстечки, состоящіе подъ начальствомъ *управляющаго или бийдарника*, причисляются къ которому-нибудь изъ *главныхъ отдѣловъ*“.

Упомянутыя *Записки* напечатаны въ 1840 году. Такой порядокъ продолжался до 1867 года, когда Россійско-Американскія владѣнія правительствомъ нашимъ были

уступлены Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Укажемъ, въ общихъ чертахъ, границы и составъ російско-американскихъ владѣній. Сѣверный Ледовитый океанъ, Беринговъ проливъ; наши владѣнія въ Азіи съ Бобровымъ моремъ до южной части Камчатки; Великій океанъ до $54^{\circ}41'$ сѣв. шир., — вотъ границы съ трехъ сторонъ; а отсюда восточныя границы материковой части владѣній шли по сѣверо-западному направленію, почти параллельно морскому берегу, до горы св. Іліи; потомъ—по меридіану горы св. Іліи вплоть до Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Въ составъ владѣній входили: острова, лежащіе въ Бобровомъ морѣ, какъ о. св. *Лаврентія*, *Мидный*, острова *Прибылова*; длинная гряда *Алеутскихъ* острововъ, идущихъ въ видѣ группъ разныхъ наименованій (*Крысьи*, *Андреевскіе*, *Лисьи*) отъ Камчатки до полуострова Аляски; полуостровъ *Аляска* и земли на материкѣ, граничившія на востокѣ съ Великобританскими владѣніями, а на югѣ доходившія до $54^{\circ}41'$ сѣв. широты; острова, примыкающіе къ этой части владѣній и лежащіе въ Великомъ океанѣ, какъ *Ситха*, *Кадыкхъ*, *Афогнахъ* и др.

„Американская часть Россіи (говоритъ Вадимъ Пасекъ въ *Очеркахъ Россіи*, ч. I, статья *Горы Россіи*) гориста по всему ея протяженію. Эти горы, образуя мысъ Аляску, далеко вдаются въ океанъ и направляются островами до восточнаго берега Камчатки. Наши американскія горы, поднявшись островершини оконечностями, круто спускаются къ океану и отъ самыхъ вершинъ до поверхности воды одѣты лѣсами, которыхъ не успѣлъ еще человекъ истребить, украсить и обезобразить“.

Такова значительная часть бывшихъ нашихъ владѣ-

ній въ Америкѣ, извѣстная подъ названіемъ *Алеутскихъ острововъ*. Относительно владѣній на материкѣ и прилежащихъ къ нимъ острововъ слѣдуетъ сказать, что внутренняя часть ихъ также покрыта высокими горами, склоняющимися, съ примѣтнымъ пониженіемъ, къ сѣверу; высочайшая изъ нихъ гора св. Іліи. На востокъ тянутся обширные лѣса, особенно сосновые. Берега утесисты; также и острова, прилежащіе къ нимъ, омываемые Великимъ океаномъ, покрыты горами и скалами, большею частию вулканическаго образованія. Вершины многихъ горъ,—какъ на Алеутскихъ островахъ, такъ и на островахъ, лежащихъ въ Великомъ океанѣ, напр., на о. Кадьякъ, и на материкѣ Америки,—покрыты снѣгомъ. Высота снѣжной линіи въ разныхъ мѣстахъ различна, какъ и самая высота горъ. Климатъ вообще умѣренный. Но въ болѣе сѣверной части владѣній зимы довольно продолжительны и суровы, съ мятелями и вьюгами. Море подвержено частымъ и долгимъ волненіямъ. Туманы и сырость обыкновенны. Последнее объясняютъ отчасти снѣжными вершинами горъ, отчасти положеніемъ владѣній на границѣ двухъ океановъ, Сѣвернаго и Великаго—холоднаго и теплаго. Снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ октябрѣ и лежитъ до мая. При климатѣ вообще умѣренномъ, хлѣбные злаки, какъ рожь, овесъ и тому подобные, тамъ, т. е. въ большей части владѣній, лежащихъ на сѣверѣ, не вызрѣваютъ, — и это вслѣдствіе частыхъ тумановъ и частыхъ перемѣнъ погоды. По крайней мѣрѣ, такъ было въ то время, о которомъ мы говоримъ. Наоборотъ, огородныя овощи, какъ рѣпа, картофель, морковь, брюква, росли отлично; капуста—гораздо хуже; а огурцы, растеніе болѣе нѣжное, и вовсе не привились. Но тамошніе жители, до прибытія русскихъ, и не знали

никакихъ культурныхъ растеній. Они довольствовались разными ягодами, которыя произрастали тамъ въ изобиліи: малина, черника, княженика, клюква, морошка, шикша (*empetrum nigrum*). *Шикша* имѣетъ порядочный вкусъ, и эту ягоду какъ алеуты, такъ и кадыяцы запасали на зиму, употребляя ее съ китовымъ жиромъ. Въ большомъ употребленіи былъ также корень *саранги*. Но не въ растительномъ царствѣ находили тамошніе жители средства къ пропитанію. На островахъ не мало озеръ и рѣкъ, хотя и небольшихъ; кругомъ море. Рыба рѣчная и морская ловилась въ изобиліи и заготовлялась на зиму въ вяленомъ видѣ, подъ названіемъ *юколы*. Разныя птицы, звѣри, животныя (киты, нерпы, сивучи, коты морскіе, бобры, лисицы) доставляли имъ мясо для пищи, жиръ, матеріалъ для байдаръ и байдарокъ, въ которыхъ они ѣздили по морю охотиться за этими животными.

При всемъ томъ, безлечные дикари нерѣдко терпѣли крайній недостатокъ, даже голодъ и питались *морскою капустой* (*fucus esculentus*), годной скорѣе для удобренія почвы, чѣмъ для питанія человека.

II.

Алеуты и кадьякцы въ религіозномъ и нравствен- номъ отношеніяхъ.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, *какимъ путемъ* и *какія земли* въ Америкѣ были приобрѣтены подѣ власть Россіи къ концу прошлаго вѣка.

Земли эти были населены языческими народами. Намъ предстояло обратить ихъ къ православной вѣрѣ Христовой, просвѣтить ихъ свѣтомъ истины.

Каковы-же были, *въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ*, тѣ народы, къ которымъ мы, русскіе, шли съ проповѣдью Евангелія, другими словами — *какова была почва для сѣянія слова Божія?* Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ излишнимъ для нашей цѣли разсмотрѣніе этого вопроса. Таковымъ, вмѣсто всякихъ возраженій, мы укажемъ на Евангельскую притчу о сѣятелѣ: *„Се изыде сѣяй, да сѣетъ. И сѣющу ему, ова падоша при пути: и придоша птицы, и позобаша я. Другая же падоша на каменныя, и въ не имѣяху земли мнози; и абѣ прозлѣбаша, зане не имѣяху глубины земли. Солнцу же возсѣвшу, присвянуша: и зане не имѣяху коренія, изсхоша. Другая же падоша въ терніи, и възиде терніи, и*

подави ихъ. Другая же падоши на земли добрый, и даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестидесятъ, ово же тридесять“. (Ев. Мате. XIII, 3—8). Итакъ одинъ съятель, одно сѣмя; но различная почва, различныя условія—и различные результаты.

Физико-географическія и всѣ прочія условія, среди которыхъ живетъ народъ, имѣютъ рѣшительное и неотражимое вліяніе на образованіе его умственного склада и характера, его религіозныхъ и нравственныхъ понятій, когда народъ находится въ *естественномъ* состояніи, т. е. внѣ полного и прямого дѣйствія и вліянія Божественнаго откровенія. Разсмотрѣніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ условій объясняется, *почему у извѣстнаго народа, находящагося въ естественномъ состояніи, сложились такія или иные религіозныя, нравственныя и прочія понятія.* Но разрѣшеніе такихъ вопросовъ—дѣло *подробнаго изслѣдованія*; а намъ, въ нашемъ *криткомъ очеркѣ*, достаточно представить, *какія* были религіозныя и нравственныя понятія у народовъ, обитавшихъ въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, до принятія ими христіанства, оставляя въ сторонѣ вопросъ, *почему* у нихъ были именно такія понятія. Нельзя, конечно, не коснуться (хотя слегка) и племенныхъ ихъ особенностей, ихъ умственного развитія и характера ихъ, такъ какъ все это находится въ тѣснѣйшей взаимной связи.

Но и въ этихъ границахъ мы будемъ говорить только о тѣхъ народахъ, которымъ православная вѣра христіанская была проповѣдана членами *Кадьякской миссіи*, а не о всѣхъ народахъ бывшихъ нашихъ владѣній въ Америкѣ. *Алеуты* разныхъ наименованій, *кадылцы* (жители острова Кадьяка), *чугачи* (жившіе на материкѣ Америки)—вотъ тѣ народы, среди которыхъ подвизалась

Кадыякская миссія. Всестороннія, научно обработанныя свѣдѣнія объ *алеутахъ* мы находимъ въ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*, къ которымъ и отсылаемъ читателей, интересующихся подробностями; о *кадыякахъ* много сообщаетъ іеромонахъ Гедeonъ въ своей рукописи (см. въ *Приложеніяхъ*); *чугичи*—тѣ же кадыякы.

Выше мы сказали, что вся гряда острововъ отъ Камчатки до Аляски носить общее названіе *Алеутскихъ* острововъ; а жители всѣхъ этихъ острововъ извѣстны подъ именемъ *алеутовъ*. Сами себя народы эти называли разными наименованіями, но отнюдь не алеутами; названіе же *алеутовъ* дано имъ русскими промышленниками. Авторъ *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла* даетъ слѣдующее остроумное объясненіе этого названія: „Зная языкъ алеутскій и ихъ обычаи, можно думать, что алеуты, при первоначальномъ свиданіи съ русскими — первыми посѣтителями и первыми людьми, которыхъ они увидѣли, кроиѣ себя и своихъ сосѣдей—вѣроятно отъ удивленія говорили между собою: *аликх уал*, или сокращенно *алиуал*, т. е. *что это*, или *что это такое?* И также на всѣ вопросы русскихъ, безъ сомнѣнія не знавшихъ алеутскаго языка, не понимая ихъ, отвѣчали тѣми же словами *аликх*, *алиуал*, которыя очень часто употребляются и въ обыкновенныхъ разговорахъ, а иногда какъ присловіе. Русскіе же, очень часто слыша такіе звуки, могли подумать, что жители такъ называютъ сами себя; или, не имѣя возможности узнать настоящаго имени, начали называть ихъ *алиутами*, а потомъ—*алеутами*. Эту же самую догадку касательно названія алеутовъ предполагаетъ и г. Шамиссо (бывшій на Уналашкѣ въ 1817 году)“. Скуловатое лицо, узкіе гла-

за, кривыя ноги, черныя и грубыя волосы, сутуловатая фигура — вотъ наружныя признаки, по которымъ *алеутовъ* можно причислить къ народамъ *монгольскаго* племени, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они пришли на обитаемыя нии острова изъ Азіи. Совершенное несходство *алеутскаго* языка съ *кадьякскимъ* и никогда не прекращавшаяся, непримиримая вражда между *алеутами* и *кадьяками* могутъ служить указаніями на племенное различіе этихъ двухъ народовъ, — хотя не только въ образѣ жизни (что объясняется мѣстными физико-географическими условіями), но и въ самой наружности, обычаяхъ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ ихъ слишкомъ много поразительно сходственнаго, или — точнѣе сказать — общаго, одинаковаго. Не потому ли все жители нашихъ бывшихъ владѣній въ Америкѣ болѣе извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ *алеутовъ*? И, напр., іеромонахъ Гедeonъ, въ рукописи своей, называетъ жителей острова Кадьяка то *алеутами*, то *кадьякскими американцами*.

Кадьяки, — надо полагать, — американскаго племени, хотя американскій типъ и далеко не сохранился у нихъ во всей чистотѣ. По преданію *кадьякцевъ*, — предки ихъ жили прежде на сѣверной сторонѣ *Аляски*, близъ большой рѣки *Кивикнакъ*. У нихъ *ананюгахъ* (хозяинъ, начальникъ) былъ именовъ *Атлювиту*; онъ имѣлъ одну только дочь, которую очень любилъ. Она пропала безъ вѣсти. Взявъ своихъ людей и пригласивъ съ собою другаго *ананюга*, по имени *Якунака*, онъ отправился искать дочь. Ходили они долгое время по разнымъ мѣстамъ. Приблизившись же къ южной сторонѣ *Аляски*, увидѣли землю и называли ее *Кивиктакъ*, что собственно на ихъ языкѣ значитъ *островъ*. (Этимъ именемъ назывался *Кады-*

какъ до самаго прибытія русскихъ). *Атлювану* и *Яку-накѣ* захотѣли полюбопытствовать и, увидѣвъ тамъ свои выгоды, согласили прочихъ со всѣми семействами переселиться на *Кигихтанѣ* (*Кадьякѣ*). Сходство языковъ *алаякинскаго* съ *кадьяжскимъ* подтверждаютъ справедливость такого событія.

Алеуты, при среднемъ и выше средняго ростѣ, далеко не отличаются красивою наружностью. Они, напротивъ, неуклюжи, неповоротливы, мѣшковаты. Мужчины обыкновенно худощавы, или, какъ говорится по-русски, поджаристы; женщины же и дѣти, при обильномъ питаніи, напримѣръ — китовиной, бываютъ часто довольно полны, а иногда — безобразно толсты. Черепъ не малъ. Глаза хотя и небольшіе, но быстрые и зоркіе. Когда русскій едва замѣчаетъ что-либо на морѣ, алеутъ можетъ различить, однолючная то, или двухлючная байдарка; а когда русскій разсмотритъ байдарку, алеутъ узнаетъ въ лицо и самыхъ гребцовъ. Объясняется это, между прочимъ, и наслѣдственной привычкой цѣлаго ряда поколѣній. Движенія алеутовъ вообще медленны, невѣрны. Но въ случаѣ нужды у алеута являеся быстрота, поворотливость, ловкость, живость, расторопность, — какъ будто онъ перерождается, дѣлается другимъ человекомъ. На морѣ, въ своей однолючной байдаркѣ, алеутъ показывается съ самой лучшей стороны. Тутъ никакой русскій не сравнится съ алеутомъ, — и въ этомъ опять надо видѣть результатъ наслѣдственной привычки, воспитанной длиннымъ рядомъ поколѣній.

Кадьяжскіе американцы, — по описанію очевидца, іеромонаха Педеопа, — роста средняго, собою рѣдкіе статны и стройны, а по большей частѣ сутоловаты, лицо имѣютъ немного широкое, смуглое, иные румяноблое,

ность средней величины, глаза и волосы черные, брови густыя, уши широкія, губы нѣсколько толстыя, зубы бѣлыя. При условіяхъ жизни почти одинаковыхъ съ алеутами, *кадыакцы* не менѣе алеутовъ прианы къ морю и байдаркѣ: и тѣ, и другіе чувствуютъ здѣсь себя вполне на своемъ мѣстѣ.

Алеуты очень переничивы. Они быстро научились отъ русскихъ всѣмъ ремесламъ, какія видѣли. Скоро явились между ними хорошіе столяры, плотники, кузнецы, слесаря, сапожники. Живость воображенія алеутовъ видна изъ ихъ умѣнья подмѣчать смѣшныя стороны въ человѣкѣ. Они несомнѣнно любознательны, такъ какъ и взрослые алеуты нерѣдко выказывали охоту учиться грамотѣ. Вообще, они обладаютъ порядочными умственными способностями и при этомъ хорошею памятью. Все дѣло—въ развитіи, котораго они были лишены слишкомъ долгое время. То же можно сказать и объ умственныхъ способностяхъ *кадыакцевъ*: онѣ неопровержимо засвидѣтельствованы чрезвычайно успѣшнымъ ходомъ школьнаго образованія на Кадыакѣ. Около 1805 года въ тамошней школѣ производились формальные публичные экзамены, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ; число учениковъ простиралось до восьмидесяти. А двадцать лѣтъ назадъ, кадыакцы, по описанію Шелехова, были такими дикарями, что, напримѣръ, зеркало или порохъ не только приподили ихъ въ удивленіе выше всякой мѣры, но поселяли въ душѣ ихъ суевѣрный ужасъ передъ русскими, въ которыхъ они видѣли людей съ сверхъестественною, чудодѣйственною силою. Тогда кадыакцы не умѣли даже выстроить для себя порядочное жилище, при обидѣ лѣса, потому что у нихъ не было самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ простыхъ орудій, вродѣ топора. Кадыакцы,

какъ и алеуты. по большей части молчаливы: таково, вѣрно. вліяніе окружающей природы и всей жизненной обстановки. Но нѣкоторые отвѣты ихъ, быстрые и находчивые, ясно указываютъ на природное остроуміе. Іеромонахъ Гедeonъ, увидѣвъ на утесѣ множество чашекъ, спросилъ у одного кадыкца, можетъ-ли онъ пересчитать ихъ. Тотъ отвѣчалъ: „я пересчиталъ-бы ихъ, еслибы онѣ каждыгодно не клали яицъ“.

По замѣчанію автора *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла*, къ алеутамъ поражаетъ полное отсутствіе разнообразія, оригинальности характеровъ; всѣ какъ одинъ и одинъ какъ всѣ. Но что было въ чистыхъ алеутахъ, того уже не было въ потомствѣ смѣшанномъ, напр. въ *креолахъ*, рожденныхъ отъ матерей-алеутокъ и отцовъ русскихъ: креолы и тогда уже обнаруживали больше развитости.

Терпѣливость — самая рѣзкая, сильная, выдающаяся черта въ характерѣ какъ *алеутовъ*, такъ и *кадыкцевъ*. — не простая терпѣливость, свойственная до нѣкоторой степени и другимъ племенамъ и народамъ, а терпѣливость безграничная, доходящая до какой-то безчувственности. — „Кажется, невозможно придумать такой трудности и такого невыносимаго обстоятельства, которыя-бы поколебали алеута и заставили его роптать. Въ случаѣ голода, для него ничего не значитъ пробыть три, четыре дня совершенно безъ всякой пищи; и онъ никакими знаками не дастъ вамъ знать, что уже нѣсколько дней не ѣлъ ничего. Въ болѣзненномъ состояніи не услышите отъ него ни стону, ни крику, даже при самой жестокой боли“. То же надо сказать и о кадыкцахъ. Въ рукописи іеромонаха Гедeона описаны способы леченія нѣкоторыхъ болѣзней, употреблявшіеся кадыкцами. Самые способы эти слиш-

комъ ясно свидѣтельствуя о *поразительной терпѣливости* пациентовъ. Если у челоѣка показывалась опухоль и желваки на тѣлѣ, то ему *прорѣзывали пята до кости*; когда-же пятки заживали, то, въ довершеніе леченія, *прорѣзывали и снимали на верхней части головы кожу въ полтора вершка длины и болѣе полувершка ширины*. При застарѣлой глазной болѣзни. палочкою, *выточенною изъ медвѣжьей кости*, прокалывали съ обѣихъ сторонъ. начиная немного повыше оконечности бровей. такъ, чтобы палочка, минуя глазное яблоко, прошла до самой переносицы. Когда производили эту, по-истинѣ ужасную, операцію, въ ротъ страдальцу клали еловый сукъ, чтобы онъ, отъ нестерпимой боли, не откусилъ себѣ языкъ. Отъ головной болѣзни—прорѣзывали кожу до костей пониже темени и т. д. Подобные-же способы леченія употребляли кадыкцы и въ другихъ болѣзняхъ. При всѣхъ вообще болѣзняхъ соблюдали строжайшую діету, причемъ даже дѣти терпѣливо и безъ принужденія воздерживались отъ ѣды. Замѣчательная выносливость во всѣхъ и всякихъ трудахъ на сушѣ и на морѣ была въ равной мѣрѣ присуща и алеутамъ, и кадыкцамъ,—какъ-бы ни были труды эти продолжительны и нестерпимы для всякаго другого, напр.—для русскаго. Гдѣ-же причина такой терпѣливости и выносливости? Въ суровой обстановкѣ жизни людей, которые родились въ холодной юртѣ и *съ дѣтства* привыкли ко всевозможнымъ лишеніямъ.

Терпѣливые до послѣдней степени и воспитанные въ привычной имъ суровой жизненной обстановкѣ *алеуты* и *кадыкцы* не прихотливы и равнодушны къ стяжаніямъ, чужды злой зависти, вредной для другихъ и мучительной для того, кто ею зараженъ. При такихъ условіяхъ имъ не было нужды воровать,—и преступленіе это было

между ними крайнею рѣдкостью. Но то же равнодушіе къ земнымъ благамъ порождало беззаботность, безпечность, непривычку къ *добровольному* постоянному труду. Нерѣдко имъ приходилось терпѣть голодъ *и по своей винѣ*, именно благодаря *безпечности*. При изобиліи съѣстныхъ припасовъ, — что случалось обыкновенно осенью и въ началѣ зимы, — начинались пирушки. или *игрушки*: съѣзжались гости. Потомъ запасы истощались, и наступало полное оскудѣніе: питались морской капустой или сидѣли по нѣскольку дней вовсе безъ пищи. Выручало привычное терпѣніе. Но это, во всякомъ случаѣ, — оборотная сторона медали.

Ни у *алеутовъ*, ни у *кадьякцевъ*, до принятія ими христіанства, не было никакой строго выработанной и опредѣленной религіозной системы: такой степени развитія они не достигли. Ихъ нравственныя понятія, хотя и не были въ противорѣчіи съ ихъ религіозными вѣрованіями, но и не вытекали логически изъ послѣднихъ. Да и самыя нравственныя понятія, конечно, не были приведены въ систему, а либо выражались въ небольшомъ числѣ изреченій и правилъ, либо проявлялись практически, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, семейныхъ и общественныхъ. Тутъ, — какъ у *алеутовъ*, такъ и у *кадьякцевъ*, — мы видимъ болѣе хорошихъ чертъ и задатковъ, чѣмъ дурныхъ.

Если болѣе исправный алеутъ и пользовался большимъ уваженіемъ и почетомъ, то отнюдь не за богатство собственно, а за трудолюбіе, бойкость, ловкость и подобныя качества, зависяція отъ доброй воли каждаго или развиваемыя при ея содѣйствіи. Богатство-же само по себѣ, при отсутствіи этихъ качествъ, ничего не значило въ ихъ глазахъ и скорѣе заслуживало насмѣшку,

какъ случайно и даже неправильно приобрѣтенное. Не всѣ и просвѣщенные люди могутъ похвалиться такимъ взглядомъ на *личное нравственное достоинство* человѣка.

Расположеніе, привязанность, любовь къ человѣку и *алеуты* и *кадьякцы* обнаруживали не на словахъ, а на дѣлѣ; они даже стѣснялись, стыдились внѣшняго выраженія этихъ чувствъ. Житель Кадьяка, уѣзжая на промыселъ, въ далекій путь и на продолжительное время, безъ твердой надежды на возвратъ домой, или отправляясь на войну, едва удостоивалъ свою жену однимъ, — и то произнесеннымъ сквозь зубы, — короткимъ словомъ: *бай* — прощай! А оставшаяся дома жена, изъ любви и почтенія къ мужу, не употребляла пищи, иногда все время, пока мужъ былъ въ отсутствіи. Даже дѣтей ласкали безъ стѣсненія однѣ только старухи.

Гостепріимство процвѣтало и у *алеутовъ*, и у *кадьякцевъ*. У послѣднихъ мы прямо видимъ нравственнаго характера заботливость о человѣкѣ, находящемся въ пути и, слѣдовательно, могущемъ встрѣтить нужду въ пищѣ: уходя изъ дому, кадьякцы непремѣнно оставляли въ незапертомъ жилищѣ какое-нибудь кушанье. Отѣзжающихъ гостей хозяева обязательно снабжали съѣстными припасами на дорогу.

Но что особенно привлекательно было и въ *алеутахъ*, и въ *кадьякцахъ* — это полная готовность подѣлиться съ нуждающимся послѣднимъ кускомъ. Если, напр., случилось, что промыселъ для многихъ былъ неудаченъ, а одинъ доставалъ что-либо, то болѣе счастливый, зная нужду сосѣдей, не дожидаясь никакихъ просябъ съ ихъ стороны, раздѣлялъ добытое между всеми поровну, отдѣливъ и себѣ равную съ прочими часть; если-же при дѣлежѣ кто-либо случайно былъ забытъ, то владѣлецъ

добычи удѣлялъ и этому — уже изъ своей части. Такой способъ дѣйствій, — столь достойный подражанія и со стороны людей цивилизованныхъ, — едва ли можно объяснить однимъ разчетомъ, одними соображеніями выгоды. Для насъ, по крайней мѣрѣ, тутъ очевидно проявленіе внутренняго нравственнаго закона, написаннаго въ сердцѣ человѣка Творцомъ вселенной. И дикость, и ложная цивилизація покрываютъ толстою корою грѣха написанное на скрижаляхъ сердца. Снимите кору, — и будетъ видна искра Божія.

Скрытые по самому свойству своей натуры, или скорѣе — сосредоточенные, молчаливые и угрюмые, *алеуты* и *кадыкцы* не обладаютъ искусствомъ внѣшней привѣтливости (которая такъ часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ душевнымъ расположеніемъ), но умѣютъ на дѣлѣ доказать благодарность за сказанное имъ добро. Вообще не склонные ко лжи и обману, они очень довѣрчивы и часто даже легковѣрны. Сами не оскорбляя другихъ, крайне чувствительны къ незаслуженнымъ оскорбленіямъ, — что несомнѣнно указываетъ на высокую степень нравственной деликатности. Вотъ, что рассказываетъ іеромонахъ Гедеонъ о кадыкцахъ: „Кто несправедливо назоветъ другого бѣднымъ, нещепорнымъ, лѣнивымъ и непромышленникомъ, того обиженный вызываетъ вонъ, при свидѣтеляхъ рассказываетъ свою обиду другимъ и наконецъ удовольствуется тѣмъ отищеніемъ, что при постороннихъ выругаетъ и наплюетъ въ глаза. У нихъ никакихъ нѣтъ особенныхъ для ругательства словъ“. Часто единственнымъ ищеніемъ служило просто молчаніе: обиженный на долгое время переставалъ говорить съ обидчикомъ.

Хорошія семейныя отношенія, — между мужемъ и же-

ной, а также между родителями и дѣтьми, — господствовали и среди *алеутовъ*, и среди *кадьякцевъ*. Мужья съ женами обходились вообще весьма миролюбиво и ласково. Ни выговоры другъ другу, ни даже суроваго, недовольнаго вида въ присутствіи постороннихъ: это было бы принято за величайшую, несносную обиду. Опять — черта нравственной деликатности. Но если жена замѣчала, что мужъ не отвѣчаетъ ея любви, то, подѣ влияніемъ чувства гнѣва и ревности, бросаясь на него и царапала ему лицо ногтями. Это бываетъ и не у дикарей. Тогда, — какъ повѣствуетъ іер. Геденъ о кадьякахъ, — „виновный мужъ сидитъ, повѣся голову на лѣвую сторону, не отваживаясь даже поднять руки на сію правосудную истительницу“. Только въ послѣдствіи мужья стали наказывать женъ за безпорядочную жизнь; а раньше воздерживались отъ наказанія по той причинѣ, что жены угрожали побѣгомъ или лишеніемъ себя жизни, что нѣкоторыя и дѣйствительно исполняли. Мужъ, изобличившій жену въ невѣрности и не видѣвшій ни малѣйшаго исправленія съ ея стороны, прогонялъ отъ себя невѣрную жену; а въ знакъ того, что она прогнана именно за невѣрность, отрѣзывалъ ей носъ, а сердитою откусывалъ зубами. Жена, уличившая въ невѣрности своего мужа, имѣла право свободно его оставить и уйти къ другому. Въ общемъ, мы видимъ съ одной стороны деликатность чувствъ и отношеній, которой нѣтъ не достаётъ и людямъ цивилизованнымъ, а съ другой стороны (напр. въ откусываніи носовъ, царапаньи лица) — дикость и грубость, которой послѣдніе не всегда чужды. Въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ — любовь самая искренняя, самая чистая, самая нѣжная и гуманность, доходившая даже иногда до вреднаго излишества. При воспи-

таніи дѣтей строго наблюдалось, чтобы не допускать до плача не только младенца, но и подростающаго ребенка, напр.—семилѣтняго. Тѣлесныхъ наказаній не употреблялось никакихъ; только увѣщанія и совѣты. Если при-мѣчали неисправленіе, то выговаривали и стыдили при собраніи стариковъ. Это, конечно, хорошо. Но дурно вотъ что. Если не дѣйствовали и выговоры при старикахъ, то, презирая не поддающагося исправленію (ребенка или юношу), всѣ почитали его дуракомъ или дикимъ, отшатаывались отъ него. Вотъ это мы и называемъ *излишней, ложной гуманностью*,—будь она у алеутовъ, у кадьяковъ или у насъ, подъ другими формами. Дѣтей приучали къ труду съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Если лѣтъ и бездѣлье — зло, то такой обычай — прекрасная черта нравственнаго характера. Мальчики съ семи лѣтъ занимались, вмѣсто забавы, дѣланіемъ стрѣлокъ, веселочекъ, байдарочекъ, бросали стрѣлки на берегу и этимъ путемъ приучались къ будущимъ промысламъ; также помогали въ заготовленіи кореновыхъ припасовъ; съ четырнадцати лѣтъ ихъ приучали ѣздить на байдаркахъ въ тихую погоду—удить рыбу по бухтамъ и гонять стрѣлками птицъ; съ шестнадцати лѣтъ отцы или родственники брали ихъ въ партію, для промысла бобровъ. Нельзя не признать, что такая постепенность весьма разумна. Дѣвочки тоже не проводили время въ праздности: съ шестилѣтняго возраста начинали онѣ сучить нитки, вязать плетенки и такъ постепенно приучались ко всѣмъ женскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству. Сказанное относится къ *кадьякамъ*. Таково-же приблизительно было воспитаніе дѣтей и у *алеутовъ*. Любовь родителей къ дѣтямъ проявлялась вездѣ и во всемъ. Когда, послѣ продолжительнаго невольнаго поста, вслѣдствіе отсутствія съѣстныхъ

припасовъ, удавалось, наконецъ, достать какой-нибудь пищи, то отецъ или мать никогда не начинали ѣсть сами первые, а прежде всего сѣдѣли накормить дѣтей. Если любимый ребенокъ утонулъ въ морѣ, то, случалось, отецъ или мать добровольно бросались въ море, съ горя и тоски по умершемъ.

У *алеутовъ* допускалось безнравственное съ нашей, христіанской, точки зрѣнія множенство; объясненіе его надо искать въ одномъ несимпатичномъ ихъ свойствѣ— сластолюбіи. Какъ у *алеутовъ*, такъ и у *кадыкцевъ*, дозволялось женщинамъ имѣть двухъ мужей, которые назывались *половинщиками* и обыкновенно жили мирно. Такими преимуществами изъ алеутскихъ и кадыкскихъ женщинъ пользовались только наиболѣе работающія и ручкодѣльныя. Вѣроятно, женщины же нерѣдко бывали и причинами войнъ и междоусобій, отъ которыхъ не мало страдала и алеуты, и кадыкцы. Не безъ того, конечно, чтобы гуть не играли роли и мелкое честолюбіе и славолюбіе, свойственныя, какъ извѣстно, и не однимъ дикимъ народамъ. Довольно и того, что въ частной и общественной жизни они были далеко не только отъ убійствъ или покушеній на убійства, но даже отъ простыхъ дракъ и ссоръ. Дѣти—и тѣ не дрались между собою. Пустая гордость, тщеславіе, прыщистію, хитрость, коварство и тому подобное не имѣли мѣста въ характерѣ алеутовъ.

Приведемъ нѣкоторыя нравственныя правила *алеутовъ*, достойныя полнаго уваженія со стороны каждаго и подражанія со стороны тѣхъ людей, которые, будучи христіанами по имени, стоятъ, къ несчастію для себя, ниже этихъ правилъ, не прониклись ими. Родителей,—учили алеуты,—мы должны почитать за то, что они родили насъ въ болѣзняхъ и воспитывали съ великими

трудами и заботами, съ любовію къ намъ и лишеніями для себя, не щадя своего здоровья и притомъ не зная, *каковы мы будемъ къ нимъ*. Истинную любовь къ родителямъ должно доказывать на самомъ дѣлѣ, т. е. питать ихъ своими трудами и покоить до смерти. Бросать родителей считалось самымъ безчестнымъ, постыднымъ поступкомъ. По смерти отца, мѣсто его занималъ старшій братъ. Выѣнялось изъ обязанность уважать и всѣхъ вообще стариковъ, слушать ихъ наставленія и, въ случаѣ нужды, удѣлять имъ кусокъ изъ своего промысла, помогать имъ своими трудами. *Кто будетъ исполнять это, тотъ будетъ должовиченъ, счастливъ въ промыслѣ и на войнѣ и, когда будетъ старъ, не будетъ осрамленъ, не потерпитъ нужды даже и на чужой сторонѣ*. Бѣдныхъ — не только не презирать, но, по возможности, помогать имъ и защищать отъ обидъ, ибо судьба переменчива: сегодня ты богатъ, а завтра можешь сдѣлаться бѣднякомъ. Поэтому, въ богатствѣ не слѣдуетъ забываться, зазнаваться и превозноситься, но напротивъ — быть милостивымъ, снисходительнымъ и дѣлиться съ бѣдными избыткомъ своихъ средствъ; а бѣдный долженъ скромно и терпѣливо переносить свое состояніе. Слѣдуетъ быть гостепріимнымъ; всякаго пріѣзжаго или заходяго человека принять, угостить и успокоить, чтобы, воротясь домой, онъ сказалъ доброе слово. Принимать странниковъ, — по убѣжденію алеутовъ, — первая добродѣтель, такъ какъ и предки ихъ когда-то странствовали; кромѣ того, *все мы произошли отъ одного отца и одной матери, а потому все между собою — братья*. Не быть болтливымъ, больше слушать, меньше говорить, ибо много зла и несчастія происходитъ отъ языка. Не смотря на то, что *алеуты*, какъ мы сказали, были сластолюбивы по натурѣ, по своимъ

естественнымъ склонностямъ, а быть можетъ — именно въслѣдствіе этого, *соблюденіе целомудрія и чистоты телесной* считалось у нихъ однимъ изъ главнѣйшихъ правящихъ нравственнаго поведенія. *Воздерживаться отъ женъ* предписывали и *кадыкцы* — ради сохраненія здоровья и долголѣтія. Но у кадыкцевъ это выражено между прочими правилами и не такъ настоятельно, какъ у алеутовъ. Да и вообще мы не имѣемъ о кадыкцахъ такихъ полныхъ и подробныхъ свѣдѣній, какія даетъ намъ объ алеутахъ авторъ *Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго острова*.

Ни *алеутовъ*, ни *кадыкцевъ* нельзя назвать идолопоклонниками въ настоящемъ, полномъ значеніи этого понятія: у нихъ не было ни идоловъ, ни капищъ, ни жрецовъ. Ни у тѣхъ, ни у другихъ не было ни развитой миеологіи, ни даже какой-нибудь стройной религіозной системы. Во всякомъ случаѣ они были язычниками, чуждыми истинной религіи.

„*Алеуты* вѣрили и признавали, что есть и долженъ быть *Творецъ* всего видимаго и невидимаго, котораго они называли *Агугукъ* (т. е. Творецъ). Но, не умѣя составить понятій о его неограниченныхъ свойствахъ, они слишкомъ отдѣляли его отъ міроуправленія, до того, что они не дѣлали ему никакого поклоненія. Но, не покладаясь одному, они поклонялись всѣмъ, кого только считали могущественнѣе себя. Властителями и управителями всего окружающаго они признавали двухъ духовъ или два рода духовъ, которые также дѣйствовали и на самаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали болѣе въ пользу человѣка, а другіе ко вреду. Но какъ далеко простиралось ихъ дѣйствіе, и гдѣ ограничивалась власть ихъ, этого вѣроятно и самые лучшіе

ихъ богословы не могли-бы сказать. Въ прежнихъ алеуткахъ можно подозрѣвать нѣкоторое поклоненіе свѣту и почитаніе небесныхъ свѣтилъ и даже стихій*.

Мы уже сказали, что у нихъ не было ни храмовъ, ни идоловъ. Но они совершали жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Для этого при каждомъ селеніи было священное, заповѣдное мѣсто: какой-нибудь бугоръ, утесъ. Въ заповѣдныхъ мѣстахъ приносили не какія-нибудь опредѣленныя, извѣстныя жертвы, а кто что вздумаетъ: разныя вещи, звѣринныя шкуры и т. п. Были при этомъ мелочные обряды, съ прошеніемъ помощи для отщепенія врагамъ или для удачнаго промысла, — смотря по надобности. Была, кромѣ того, опредѣленная жертва, состоявшая изъ перьевъ урильего хвоста и пестрыхъ перьевъ сыча. Такую жертву могъ приносить каждый мужчина и гдѣ угодно; но приносили больше въ пути.

Алеуты хотя и неопредѣленно, но вѣрили въ безсмертію души человеческой и будущей жизни. Это видно изъ того, что почетные, умирая, завѣщавали убивать *калловъ* (работъ) и класть съ собою, въ томъ мѣстѣ, что они тамъ ему будутъ прислуживать такъ-же, какъ и здѣсь. И хотя они не могли сказать, въ какомъ состояніи на будущемъ свѣтѣ были души умершихъ, но, судя по тому, что не всякій калла удостоивался чести быть виѣстѣ съ господиномъ, но только заслуженный и любимый, можно заключить, что если не всё, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые надѣялись жить хорошо и въ той жизни. Но вообще всё думали и вѣрили, что души умершихъ, или, какъ они называли, тѣни невидимо обитали между своими родными, сопутствуя имъ и на землѣ, и на морѣ, и особенно съ тѣми, кого они любили; и что они въ состояніи были дѣлать всякое добро и зло; а потому

живые призывали ихъ на помощь въ опасности и особенно въ войнахъ, предпринимаемыхъ въ отищеніе за безчестіе, нанесенное всему ихъ роду“.

О происхожденіи перваго человѣка или первыхъ людей у алеутовъ существовало нѣсколько мнѣній. Приведемъ одно изъ нихъ. Сначала земля была пуста и никѣмъ не обитаема; потомъ съ неба на землю упали два существа, по виду похожія на людей, но съ длинною шерстью на тѣлѣ. Отъ нихъ родилась пара такихъ-же существъ, только безъ шерсти; а отъ этой пары произошли все люди и распространились на востокъ, западъ и сѣверъ (па югъ они не предполагали людей). Достоинво вниманія мнѣніе алеутовъ о первоначальной и дальнѣйшей жизни рода человѣческаго: *„Мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни бурь, но всегдашнее благораствореніе воздуха. Первые люди были долговѣчные, крѣпкіе и сильные. Сначала люди жили мирно и дружно, не зная никакой ни зависти, ни ненависти, ни вражды, и также не знали никакой нужды. Но съ умноженіемъ людей начали появляться недостатки и нужды, а нужды научили дѣлать орудія для промысла животныхъ. Потомъ появились несогласія, вражды и оружіе обратилось на людей. Недостатки и притѣсненія отъ сильнѣйшихъ заставили удаляться отъ перваго мѣста далѣе и далѣе, и отъ того произошли все народы“.*

О религіозныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ кадьякцевъ мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Они, какъ и алеуты, вѣрили въ безсмертіе души человѣческой, въ жизнь послѣ смерти. На такое ихъ вѣрованіе указываютъ два стиха изъ пѣсни, записанной іеромонахомъ Гедеономъ:

*„Полно плакать! Святъ этотъ не безсмертенъ:
Ажакъ (или умершаго) какъ человекъ умеръ,—
оживетъ“.*

Итакъ, по мнѣнію кадыяцевъ, этотъ свѣтъ не безсмертенъ; умершій человекъ оживетъ. Но гдѣ и какъ, по понятіямъ кадыяцевъ, долженъ жить человекъ, когда онъ оживетъ,—о томъ мы ничего не знаемъ.

Вѣровали кадыяцы и въ Творца вселенной; но и это вѣрованіе ихъ было крайне неопредѣленно, неясно и отчасти наивно. О сотвореніи міра они имѣли слѣдующее понятіе, или — правильнѣе сказать — мнѣніе. Былъ нѣкто *Кашшахильонъ* (мудрецъ, или хитрецъ). Въ то время не было ни дня, ни ночи. Опъ началъ дуть въ соломину. Отъ этого *постепенно выходила изъ воды земля* и непримѣтно расширялась. Потомъ, — *когда онъ еще не переставалъ такъ же дуть*, — открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды, и возшелъ мѣсяцъ. Наконецъ, увидѣли звѣрей и людей. Вотъ и все, что мы знаемъ о религіи *алеутовъ* и *кадыяцевъ*. Добавимъ, что и у тѣхъ, и у другихъ было не мало всевозможныхъ суевѣрій; но между послѣдними не было ни упорныхъ, ни особенно вредныхъ, за исключеніемъ вышеупомянутаго дикаго обычая — убивать камговъ (рабовъ) на могилахъ ихъ господъ. *Шаманы* какъ у алеутовъ, такъ и у кадыяцевъ, отнюдь не имѣли значенія могущественной касты жрецовъ и сильнаго религіознаго или нравственнаго вліянія; скорѣе они играли роль знахарей, или колдуновъ, находящихся въ сношеніяхъ съ духами.

Позволимъ себѣ остановить *особенное* вниманіе читателей на нѣкоторыхъ религіозныхъ понятіяхъ и нрав-

ственныхъ правилахъ алеутовъ и кадьякцевъ. Эти понятія и правила имѣютъ то отдаленное, то весьма близкое сходство съ сказаніями и заповѣдями Священнаго Писанія. — а) *Мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни бурь, но всегдашнее благораствореніе воздуха. Сначала люди жили мирно, не знали никакой нужды. Первые люди были долговѣчныя*, и такъ далѣе (понятіе алеутовъ о первоначальной и дальнѣйшей жизни рода человѣческаго выше приведены нами полностію). Что-же находимъ мы въ этихъ понятіяхъ? Въ далекомъ прошломъ—мирная жизнь людей въ прекрасныхъ мѣстахъ, гдѣ царствовала вѣчная весна,— жизнь безъ вражды и безъ нужды. Это—библейскій рай. невинное и блаженное состояніе первыхъ человѣковъ. конечно—не съ буквальной точности, а въ нѣкоторомъ, однако весьма сходственномъ, отраженіи. Долговѣчность первыхъ людей—долговѣчность библейскихъ патріарховъ. Дальше, по понятіямъ алеутовъ, наступаетъ нужда и вражда,—исторія человѣчества, съ его *естественномъ* состояніи и развитіи, послѣ паденія, не противорѣчащая и сказаніямъ *Библии*. Существенное различіе—въ томъ, что у алеутовъ и причины указаны только *естественныя*, а не помраченіе природы челомѣка чрезъ преступленіе заповѣди Божіей, чрезъ *грѣхопаденіе*, — какъ это было въ дѣйствительности.—б) По сказанію кадьякцевъ о сотвореніи міра, былъ нѣкто *Кашипахилонъ* (мудрецъ), т. е. (персведемъ на болѣе ясныя понятія) было нѣкоторое премудрое и притомъ личное начало—Творецъ міра. Не говорится, чтобы уже и тогда существовалъ еще кто-либо, или существовало еще что-либо; значить, кромѣ премудраго Творца, тогда еще никого и ничего не было. Не есть-ли это затемненное, искаженное долгины вѣками

естественнаго состоянія понятіе о вѣчномъ, безначальномъ *Богѣ*? Тогда, по сказанію кадыяцевъ, не было ни дня, ни ночи; и *Библія* то же говоритъ. Онъ (Кашияхилюкъ, мудрецъ) началъ дуть въ соломинку; отъ этого постепенно выходила изъ воды земля и непримѣтно расширялась. И *Библія* повѣствуетъ о подобномъ постепенномъ возникновеніи, или происхожденіи земли изъ безднъ первосозданнаго хаоса. Итакъ, Мудрецъ, Творецъ премудрый, создалъ землю единымъ дуновеніемъ устъ своихъ. Въ псалмѣ 32-мъ царь и пророкъ Давидъ говоритъ: *Словами Господними небеса утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ**, то-есть: *Словами Господа сотворены небеса, и духомъ устъ Его—все воинство ихъ**. Небеса не вышли земли? И, однако, все воинство небесное сотворено духомъ устъ Господнихъ: такова безпредѣльная сила, безграничное могущество Безначальнаго и Безконечнаго. И наивная соломинка не указываетъ-ли на величіе Творца и ничтожество земли по сравненію съ Нимъ? Онъ, Творецъ міра, такъ вѣнзѣмѣрно великъ и могущественъ сравнительно съ Своимъ созданіемъ, что для Него и дуновенія достаточно было, чтобы создать землю, ибо ея не было раньше.—Потомъ, когда она (мудрецъ) еще не переставалъ дуть (т. е. міротворение продолжалось),—открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды и возшелъ мѣсяцъ. Это, по сказанію *Библіи*,—четвертый день творенія.—Наконецъ увидѣли звѣрей и людей. Если подѣ звѣрями разумѣть всѣхъ животныхъ безъ исключенія, то вотъ—пятый и шестой дни міротворенія, по библейскому сказанію. Есть пропуски, есть искаженія сравнительно съ *Библіей*, но и дѣйствительная послѣдовательность въ твореніи міра не изгладилась вовсе. Мудрецъ не пере-

ставалъ дуть во все продолженіе міросозданія. Это дуновеніе, это вѣяніе духа жизни, — какъ ни наивно выражено оно въ вѣрованіяхъ дикихъ бадьякцевъ, — становится для насъ понятнымъ (хотя и несомнѣнно искаженнымъ) отраженіемъ священной истины, — въ сопоставленіи съ вдохновеннымъ словомъ псалмопѣвца; и въ *Библіи* — читаемъ: „и созда Богъ человека, персть (возмъ) отъ земли, и одуну въ лице его дыханіе жизни“ (кн. Бытія, гл. 2, стр. 7). Опять — дыханіе жизни, дуновеніе. Въ полудикихъ алеутахъ или кадьякахъ намъ слишкомъ понятна темная неопредѣленность понятій о Богѣ: и для насъ, христіанъ, просвѣщенныхъ чрезъ Сына Божія всею полнотою нужнаго для человѣка Божественнаго Откровенія (ибо Господь открываетъ намъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы въ силахъ вмѣстить), Богъ — существо недостижимое. — „Богъ не есть имя, но мысль, всажденная въ природу человѣческую, о чемъ-то неизглаголанномъ“, — сказалъ святой мученикъ Іустинъ философъ. (Апология 2, гл. 6). — в) Подробныя нравственныя правила о почтеніи къ родителямъ и вообще къ старшимъ, съ обѣщаніемъ за это долголѣтія и прочихъ жизненныхъ благъ (см. выше, а также въ *Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, часть 2-ая, стр. 136—137*), не представляютъ-ли того-же самаго нравственнаго предписанія, которое кратко выражено въ пятой заповѣди закона Моисеева: „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будешь на земли“ (*Исходъ, гл. 20, стр. 12*). — г) „Всѣ мы родились отъ одного отца и одной матери, между собою братья“. (*Записки, ч. 2, стр. 142*). Здѣсь выражены и нравственное понятіе о братствѣ всѣхъ людей между собою, и убѣжденіе о происхожденіи всѣхъ лю-

дей отъ одной пары,—что говорить намъ и Священное Писаніе.

Вообще чистыя и возвышенныя нравственныя понятія *алеутовъ* и *кадьякцевъ* и религіозныя воззрѣнія ихъ, въ сущность сходственныя съ библейскими сказаніями, хотя и крайне отрывочныя, затѣянные продолжительнымъ *естественнымъ* состояніемъ этихъ народовъ, приводятъ насъ къ нижеслѣдующему поучительному выводу. Сказанія этихъ народовъ подтверждаютъ происхожденіе *всѣхъ людей, всего рода человеческого отъ одной пары прародителей*. Иначе — какими образомъ у *алеутовъ* и *кадьякцевъ*, жившихъ въ громадной отдаленности отъ иѣста и народа, въ которомъ и у котораго создалась *Библия*, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, мы могли-бы встрѣтить представленія о міротвореніи и первоначальной жизни человѣчества, сходственныя съ библейскими сказаніями? Неполнота-же, отрывочность религіозныхъ взглядовъ *алеутовъ* и *кадьякцевъ* вполне объясняется тѣмъ, что они слишкомъ долгое время находились, какъ и многіе другіе народы, *въ прямого вліянія Божественнаго Откровенія*, которое одно сообщаетъ людямъ всю полноту *необходимыхъ для нихъ знаній о Богѣ и мірѣ*. Первоначально-же *Божественное Откровеніе* сохранялось во всей чистотѣ лишь у одного народа еврейскаго. Нельзя не видѣть, что, по неисповѣданнымъ судьбамъ Божіимъ, *алеуты* и *кадьякцы* не были совсѣмъ оставлены благодатию Божественною, силою которой въ нихъ сохранялась нравственность, оберегавшая ихъ отъ окончательнаго паденія.

Единство человеческой природы для насъ — не вопросъ, а твердое убѣжденіе. Но замѣтимъ, что и *антропология*,—съ тѣхъ поръ, какъ болѣе было обращено вни-

манія на изученіе различныхъ народовъ со стороны психологической,—не можетъ уже не признать, что *„основныя черты человеческой психологии представляются сходными у людей самого различного цвета кожи“*. Истинная наука только подтверждаетъ Священное Писаніе. И хотя ошибки неизбежны въ каждомъ человеческомъ дѣлѣ, однако слѣдуетъ быть осторожнымъ и не принимать легкомысленно за науку всего того, что только само называетъ себя этимъ великимъ именемъ.

Нравственные правила могутъ быть прочны, дѣйствительны, могутъ имѣть обязательную силу только тогда, когда они основываются на религіи, вытекаютъ изъ религіи, когорая не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ священна для народа, или—когда самыя правила нравственности священны какъ религія. Последнее мы видимъ у алеутовъ и кадьякцевъ. У нихъ не было стройной системы понятій объ истинномъ Богѣ,—Творцѣ и Промыслителѣ міра. Нравственные правила, чтимыя ими какъ религія, замѣняли для нихъ последнюю,—до тѣхъ поръ, пока милосердому Богу угодно было послать имъ свѣтъ истиннаго просвѣщенія.

Ш.

Кадьякская миссія 1794—1837 г.

Соображая все сказанное о религіи и нравственности *алеутовъ* и *кадьякцевъ*, слѣдуетъ прийти къ заключенію, что народы эти представляли вообще *благопріятную* почву для проповѣди имъ слова Божія, для просвѣщенія ихъ свѣтомъ Евангельской истины.

Всякая ложная религія, т. е. всякая религія, созданная людьми. выработанная въ стройную систему, съ опредѣленнымъ ученіемъ о богахъ и духахъ (или хотя бы и о единомъ Богѣ—напр. магометанская), съ своеобразными, вытекающими изъ нея нравственными понятіями и правилами, съ своимъ богослуженіемъ и своими священными обрядами, съ своими храмами, жрецами, идолами (или хотя бы и безъ идоловъ), — всякая ложная религія, ясно и твердо установившаяся у извѣстнаго народа, неизбѣжно служить сильнымъ препятствіемъ къ просвѣщенію исповѣдующаго такую религію народа свѣтомъ единой истинной, т. е. христіанской, религіи. Тутъ невозможно обойтись безъ долгой, трудной и упорной борьбы. Доказательствомъ можетъ служить исторія распространенія христіанства и его борьбы съ языческими

религіями древняго, классическаго міра. Сверхчеловѣческая, Божественная высота христіанской религіи и нравственности была невыносима для религіозно-нравственнаго строя греко-римской цивилизаціи, съ его потворствомъ не только людскимъ слабостямъ, но и прямо порокамъ. Сюда же присоединился односторонній іудавизмъ, — и путь, которымъ христіанство шло въ первые вѣка своей исторіи, обозначенъ кровью св. мучениковъ и исповѣдниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и проповѣдь христіанства, напр., магометанамъ или китайцамъ (народамъ съ развитыми, опредѣлившимися религіозно-нравственными понятіями и культомъ) тоже не можетъ обойтись безъ взаимной борьбы и безъ пролитія христіанской крови, хотя истинное христіанство всегда и всюду шло съ словомъ мира и любви.

Народъ хотя бы и съ неразвитыми, но грубыми вѣрованіями и обрядами вродѣ человѣческихъ жертвъ, народъ съ развращенною нравственностію также представляетъ малодобную почву для проповѣди христіанства.

У *алеутовъ* и *кадьяковъ* не было опредѣленной религіозной системы. Но они вѣровали въ Бога — Творца міра; а нравственныя правила, замѣнявшія имъ религію, были чисты и возвышенны. Вотъ почему эти народы представляли *добрую землю* для сѣянія сѣмени вѣры Христовой. Это — общій выводъ изъ разсужденія, основаннаго на опытѣ исторіи. Въ частности, исторія Кадьякской миссіи подтвердитъ его.

Православная кѣра христіанская внесена первоначально въ Россійско-Американскія владѣнія нашими промышленниками. Мѣщанинъ *Иванъ Глотовъ*, открывшій *Тисли* острова, въ 1759 году, въ первое пребываніе свое на о. Умнакъ, такъ подружился съ тамошними жителями,

что ихъ тознѣ (начальникъ) позволилъ ему окрестить своего малолѣтняго сына и даже вывезти въ Камчатку. Этотъ первокрещенный изъ нашихъ алеутовъ былъ названъ Иваномъ, въ честь своего крестнаго отца, и отъ него же заимствовалъ фамилію Глотова. Проживъ на Камчаткѣ нѣсколько лѣтъ, новокрещенный выучился русскому языку и грамотѣ и возвратился на родину съ властію главнаго тозна (надъ всѣми островами), данною ему отъ управляющаго Камчаткою. Крестилъ ли нашъ промышленникъ Гловъ еще кого-нибудь изъ алеутовъ — неизвѣстно. Но весьма вѣроятно, что крестникъ его, новый Иванъ Гловъ, способствовалъ распространенію христіанства среди своихъ соплеменниковъ.

„Подробности дальнѣйшаго распространенія христіанства (среди алеутовъ) совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ того, что умноженіе числа приходившихъ на алеутскіе острова судовъ, уменьшая и раздѣляя взаимныя выгоды, съ тѣмъ вѣстѣ раздѣляло и самыхъ алеутовъ, уменьшенныхъ болѣе чѣмъ на половину *успокоеніемъ*, и слѣдовательно уменьшило число промышленниковъ (т. е. промышленниковъ-работниковъ). Это заставило нѣкоторыхъ изъ русскихъ принять другія мѣры къ умноженію числа промышленниковъ и работниковъ для себя, а именно — убѣждать алеутовъ къ принятію св. крещенія и тѣмъ пріобрѣтать себѣ болѣе приверженцевъ: ибо окрещенные алеуты, уважая воспріемниковъ своихъ, какъ отцевъ, служили имъ исключительно и усердно, и никто другой изъ русскихъ не могъ приманить къ себѣ чужихъ крестниковъ. Итакъ, желаніе русскихъ пріобрѣсти себѣ большія выгоды послужило средствомъ къ распространенію начала христіанства между алеутами и облегчило дѣло для послѣдующихъ миссіонеровъ“.

Среди *кадыакцевъ* христіанство явилось не ранѣе прибытія на Кадыакъ Григорія Ивановича Шелехова, основавшаго первое русское поселеніе на этомъ островѣ (1783 г.). Выше мы сказали, что Шелеховъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире другихъ промышленниковъ, не ставилъ свои личные интересы и выгоды единственною цѣлю своихъ дѣйствій. Онъ преимущественно имѣлъ въ виду распространеніе христіанства среди покоренныхъ нами американцевъ и устройство православныхъ церквей.

Для этой послѣдней цѣли, т. е. для распространенія православной вѣры Христовой, Шелеховъ, по прибытіи въ Россію, въ 1787 году, ходатайствовалъ предъ правительствомъ и высшимъ духовнымъ начальствомъ о назначеніи въ Америку духовной миссіи, которую онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Голиковымъ, взялся доставить на мѣсто и содержать на свой счетъ. Компания *Шелехова и Голиковыхъ* была самая крупная частная торгово-промышленная компанія въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ. Изъ нея вскорѣ затѣмъ образовалась Россійско-Американская Компанія, на обязанность коей и было возложено правительствомъ какъ содержаніе миссіи, такъ и матеріальное устройство церквей въ нашихъ владѣніяхъ въ Америкѣ.

Вслѣдствіе ходатайства Шелехова, по Высочайшему повелѣнію, составлена была въ 1793 году миссія изъ восьми духовныхъ монашествующихъ особъ, съ архимандритомъ Іоасафомъ во главѣ. При миссіонерахъ были отправлены еще два церковно служителя; слѣдовательно, всего—десять человекъ. Кто были эти церковно-служители—намъ совсѣмъ неизвѣстно. Да и о самыхъ миссіонерахъ свѣдѣнія наши крайне скудны. Изъ восьми миссіонеровъ шестеро были иноки Валаамскаго монастыря

(считая въ томъ числѣ и архим. Іоасафа), а остальные двое—изъ иноковъ Коневского монастыря. Начнемъ съ Валаамскихъ.

1) Архимандритъ *Іоасафъ* (Болотовъ) родился въ Кашиинскомъ уѣздѣ 22 января 1761 года, окончилъ курсъ наукъ въ Ярославской духовной семинаріи и въ 1786 году поступилъ въ монастырь. Въ 1797 году онъ выѣхалъ съ Кадьяка въ Иркутскъ, былъ тамъ посвященъ въ санъ епископа Кадьякского и, возвращаясь оттуда въ 1799 году на корабль *Фениксъ* къ мѣсту своего архипастырского и миссіонерскаго служенія, утонулъ вмѣстѣ со всею свитою и богатою ризницею, судя по выброшеннымъ послѣ крушенія корабля нѣкоторымъ вещамъ—недалеко отъ о. Кадьяка. По своему времени, Іоасафъ Болотовъ былъ человекъ довольно просвѣщенный и притомъ даровитый по натурѣ. Онъ первый занялся изученіемъ кадьякскихъ американцевъ, и результаты разнообразныхъ наблюденій его были напечатаны въ журналѣ „*Другъ просвѣщенія*“ 1805 года подъ заглавіемъ „*Топографическое, статистическое и нравственное описаніе острова Кадьяка*“. Какъ человекъ образованный, онъ, конечно, легко могъ бы поступить въ любой изъ столичныхъ монастырей, стать сразу въ болѣе видное положеніе; и то обстоятельство, что онъ избралъ *строгую во всемъ отношеніяхъ* Валаамскую обитель, несомнѣнно свидѣтельствуешь, что Іоасафъ Волотовъ искалъ суровой подвижнической жизни, полной труда и лишеній. Это тѣмъ болѣе характерно, что въ монастырь онъ поступилъ совсѣмъ еще молодымъ человекомъ—двадцати пяти лѣтъ. Въ немногихъ, дошедшихъ до насъ, письмахъ его мы видимъ человека энергичнаго, чуждаго лишнимъ словъ, всецѣло преданнаго дѣлу. Такого человека безошибочно

можно было поставить во главѣ миссіи. По-человѣчески, позволительно пожалѣть лишь о томъ, что слишкомъ скоро прервалась его архинастырская и миссіонерская дѣятельность; но судьбы Божіи неисповѣдимы.

2) Иеромонахъ *Ювеналій*, изъ горныхъ офицеровъ, въ 1796 году убитъ дикарями, которыхъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, на материкѣ сѣверо-западной Америки, близъ озера *Илльми*, или *Шелхова*; но объ этомъ — рѣчь впереди.

3) Иеромонахъ *Аоанасій* до 1825 года исправлялъ должность священника при Кадыякской церкви, а въ 1825 году выбылъ въ Россію.

4) Иеродіаконъ *Нектирій* въ 1806 году выбылъ въ Иркутскъ и въ 1814 году, будучи иеромонахомъ, скончался въ Киренскомъ монастырѣ.

5) Монахъ *Иосифъ*, умеръ на Кадыакѣ въ 1823 году.

6) Монахъ *Германъ*, портретъ котораго приложенъ къ этой книжкѣ, умеръ на островѣ Елѣвомъ, близъ Кадыака, въ 1837 году. Съ его смертію окончилось и самое существованіе *Кадыякской* миссіи. Но объ этомъ *рѣдкомъ* человѣкѣ придется говорить еще много.

Изъ иноковъ Коневскаго монастыря въ миссіи находились двое:

7) Иеромонахъ *Макарій*, креститель и просвѣтитель алеутовъ. Въ 1796 году онъ выбылъ въ Иркутскъ, а на возвратномъ пути оттуда на Кадыакъ, въ 1799 году утонулъ, вмѣстѣ съ прочими, на кораблѣ *Фениксъ*.

8) Иеродіаконъ *Стефанъ*, изъ офицеровъ, также погибъ на кораблѣ *Фениксъ*,

Къ дѣятелямъ *Кадыякской* миссіи мы должны причислить и соборнаго иеромонаха Александро-Невской

лавы *Гедгоки*, жившаго на Кадьякѣ въ періодъ времени 1805—1807 г.

Ня о происхожденіи большинства названныхъ миссіонеровъ, ни о прежнихъ ихъ занятіяхъ, ни о томъ даже, какими именами и фамиліями назывались они до поступленія въ монашество, — никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Не зная ихъ прежней жизни, не знаемъ и побужденій, приведшихъ ихъ къ монашеству, не знаемъ и характеровъ ихъ ранѣе того времени, когда каждый проявилъ себя такъ или иначе на поприщѣ миссіонерскаго служенія.

Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкъ во многихъ отношеніяхъ оригинальный. Своеобразный духъ времени коснулся и русскаго образованнаго общества: и оно не избѣжало *наноснаго* зла — невѣрія. Но не въ конецъ испорченная русская патура умѣла и имѣла нравственную силу отъ полного невѣрія и разврата переходить къ веригамъ и подвижничеству. Известный впоследствии *Теодоръ Ушakovъ* немало не усомнился свой блестящій гвардейскій мундиръ промѣнять на нищенское рубище (это—буквально) и отъ кощунствующей роскоши и богатства прелестнаго міра бѣжать въ дикіе сѣверные лѣса на предвидѣнную нужду и лишенія. Вѣроятно, изъ среды образованнаго общества были и другіе, подобные ему. Неизрѣченное милосердіе Божіе печальными посѣщеніями и скорбями многихъ обращало и обращаетъ съ пути заблужденія и гибели на путь истины и спасенія: „щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многотщесливъ“.

Болѣе, чѣмъ о другихъ, знаемъ мы о миссіонерѣ *Германѣ*, какъ изъ писемъ Семена Ивановича Яповскаго, которому о. Германъ многое самъ рассказывалъ, между

прочимъ,—и о первыхъ годахъ своей монашеской жизни, такъ и изъ другихъ источниковъ.

Монахъ Германъ происходилъ изъ купеческаго сословія города Серпухова, Московской губерніи. Какъ онъ назывался до постриженія въ монашество, и какая была его фамилія, — неизвѣстно. Отъ юности возымѣлъ онъ великую ревность къ благочестію и шестнадцати лѣтъ пошелъ въ монахи. Въ то время, къ которому относятся годы дѣтства, годы первоначальнаго воспитанія и юности будущаго подвижника, строго-благочестивый складъ жизни былъ обычнымъ въ средѣ нашего купечества; а книжное просвѣщеніе было уже не чуждо этому сословію. Въ каждой мало-мальски зажиточной купеческой семьѣ можно было встрѣтить такія книги, какъ *Библія*, *Чети—мнени*, *Прологъ*, нѣкоторыя *Творенія* св. отцовъ и учителей церкви; и книги эти не лежали мертвымъ капиталомъ: ихъ усердно читали, ими назидались, изъ этого чистаго источника почерпали жизненные уроки. Рѣшившись идти въ монахи, сначала поступилъ онъ въ Троицко-Сергіеву пустынь, лежащую близъ Финскаго залива, на Петерговской дорогѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга. Въ то время Сергіева пустынь была приписана къ Троице-Сергіевой лаврѣ, и управлялась присылаемыми изъ лавры строителями. Свято Троицкая Сергіева лавра находится въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы. Рѣдкіе изъ москвичей и подмосковныхъ жителей не совершали благочестиваго путешествія пѣшкомъ, для поклоненія чтимому во всѣхъ концахъ земли русской преподобному Сергію, Радонежскому чудотворцу. Вѣроятно, бывалъ тамъ и о. Германъ и имѣлъ случай узнать о святой отрасли св. лавры, Троицко-Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ,—и это, быть можетъ, и послужило поводомъ

къ поступленію его въ пустынь. Лавра слишкомъ многлюдна; а ревностный молодой подвижникъ, естественно, стремился къ полному, пустынному уединенію.

Въ Сергіевой пустынѣ съ о. Германомъ былъ, между прочимъ, слѣдующій случай, обнаружившій въ юномъ монахѣ глубокую вѣру въ Бога, совершенное упованіе на Его милосердіе и безграничную преданность Его всесвѣтой волѣ. На горлѣ у о. Германа, съ правой стороны подъ бородой, образовался нарывъ: боль была ужасная, опухоль быстро возрастала и обезобразила все лицо; весьма трудно было глотать; запахъ былъ нестерпимый. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти, о. Германъ не обратился къ земному врачу; но, затворивъ келью, съ теплою молитвою и слезами припалъ онъ предъ образомъ Царицы небесной, прося у Ней исцѣленія; молился всю ночь, потомъ мокрымъ полотенцемъ обтеръ образъ Божіей Матери и этимъ полотенцемъ обвязалъ свою опухоль; продолжая молиться со слезами. въ изнеможеніи заснулъ на полу и видѣлъ во снѣ, что его исцѣлила Пресвятая Дѣва. Проснулся, всталъ и, къ великому удивленію, видитъ, что онъ совершенно здоровъ: не прорвавши нарыва, опухоль разошлась, оставивъ по себѣ только маленькій значекъ, — какъ бы въ воспоминаніе соверпившагося чуда. Врачи, которымъ рассказывали послѣ объ этомъ дивномъ исцѣленіи, не вѣрили, доказывая, что необходимо было нарыву или самому прорваться, или быть прорѣзаннымъ. Но мнѣніе врачей — результатъ опыта немощи человеческой; а гдѣ дѣйствуетъ благодать Божія, тамъ чинъ естества побѣждается. — *„У человека сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна“* (Ев. Мате., XIX, 26). — Такія явленія, какъ происшедшее съ о. Германомъ чудесное

исцѣленіе отъ тяжелой и мучительной болѣзни, смиряють умъ человека подъ крѣпкую руку милосердія Божія. Все—въ силѣ вѣры. Непреложны обѣтованія Спасителя: „Аще имате вѣру яко зерно горюхино, речете гори сей: преиди отсюду тамо, и преидетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ“ (Ев. Мате., XVII, 20). Если, какъ мы видѣли, о. Германъ и ранѣе уже имѣлъ твердую вѣру въ Бога, то совершившееся надъ нимъ чудо дивнаго исцѣленія, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпило въ его душѣ эту святую вѣру.

Пять или шесть лѣтъ прожилъ о. Германъ въ Сергіевской пустынѣ, а потомъ перешелъ въ Валаамскій монастырь, широко раскинувшійся въ архипелагѣ величественныхъ острововъ среди необозримыхъ водъ Ладожскаго озера. Почему онъ совершилъ этотъ переходъ изъ одной обители въ другую? — въ точности мы не знаемъ. Но весьма вѣроятнымъ кажется намъ слѣдующее предположительное объясненіе. Сергіева пустынь постепенно расросталась и, находясь весьма близко отъ многолюдной столицы, стала привлекать къ себѣ массу богоиольцевъ. Валаамскій же монастырь, особенно въ то время, представлялъ пустыню по преимуществу, пустыню въ полномъ, идеальномъ значеніи этого слова; и теперь иноки его восемь мѣсяцевъ въ году живутъ внѣ всякаго сообщенія съ многоятежнымъ міромъ: таковы благодатныя для иноческой жизни условія мѣстности, избранной, по внушенію Божію, святыми основателями обители. Настоятелемъ Валаамскаго монастыря былъ, съ 1782 года, опытный въ духовной жизни старецъ о. Назарій, который ввелъ *строгій* общежительный уставъ, сохраняемый и донинѣ. А юный подвижникъ, какъ увидимъ и далѣе, ревностно искалъ уединенія и строгой отшельнической

жизни. Всею душою полюбилъ онъ Валаамскую обитель, полюбилъ незабвеннаго настоятеля ея, великаго старца Назарія, и всю братію.—„Вышихъ отеческихъ мнѣ убогому благодѣяній“, — писалъ онъ въ послѣдствіи о. Назарію изъ Америки, — „не изглажать изъ моего сердца ни страшныя непроходимыя сибирскія мѣста, ни лѣса темныя, ни быстрины великихъ рѣкъ не смоютъ, ниже грозный океанъ не угаситъ чувствъ оныхъ. Я въ умѣ воображаю любимый мною Валаамъ, на него всегда смотрю чрезъ великій океанъ“.

Насъ нисколько и ни съ какой стороны не удивляетъ то, что въ живой и чуткой душѣ о. Германа столь глубоко запечатлѣлась и сохранилась навсегда неизмѣнно такая сильная любовь къ Валааму. Не говоря уже о томъ, что святая обитель была мѣстомъ его духовныхъ подвиговъ, братія—солодзвижниками, а мудрый старецъ о. Назарій—отцомъ, наставникомъ и руководителемъ въ великомъ дѣланіи Бога ради, — Валаамъ и самъ по себѣ, для каждаго изъ насъ, имѣетъ неизъяснимую привлекательность своей чистой, дѣвственной природой, грозно-дикой и спокойно величественной, не украшенной и, слѣдовательно, не обезображенной искусствомъ человѣка. Искусство всегда ниже природы, — какъ и все вообще, даже совершеннѣйшія, дѣла рукъ человѣческихъ и нашего разума неизмѣримо малы и ничтожны сравнительно съ малѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ созданій Творца вселенной. Необходимы могучій талантъ поэта и кисть вдохновеннаго художника, чтобы, хотя въ нѣкоторой степени приблизительнаго подобія, изобразить въ словѣ или передать на полотнѣ дивныя красоты Валаама. Скажемъ только, что эти чудныя красоты Валаамской природы съ неотразимой силой вліяютъ на душу человѣка, за-

ставляя его сосредоточиваться въ себѣ и молитвенно преклонять „колѣни своего сердца“ предъ безконечнымъ величіемъ Нензяснимаго и Непостижнаго. Возвратился къ о. Герману. Старца Назарія въ своихъ письмахъ величалъ онъ „преподобѣйшимъ любезнымъ своимъ батюшкой“, а всю балаамскую братію — „любезною и дражайшею“. Пустынный *Еловый* островъ, мѣсто своего жительства въ Америкѣ, называлъ онъ „новымъ Балаамомъ“ и, какъ видно, всегда находился въ духовномъ общеніи со своею духовною родиной: почти черезъ тридцать лѣтъ пребыванія своего въ предѣлахъ американскихъ онъ писалъ письма къ преемнику о. Назарія, игумену Иннокентію (копія одного изъ такихъ писемъ помѣщена въ этой книжкѣ, приложение I, № 20). На Балаамѣ о. Германъ проходилъ различныя послушанія, пребывая въ непрестанныхъ трудахъ и молитвѣ, пользуясь полнымъ расположеніемъ братіи за свой кроткій, миролюбивый характеръ. Любя уединеніе, стремясь къ нему всей душой, о. Германъ, съ двумя или тремя товарищами, уходилъ въ лѣсъ и жилъ тамъ, пребывая въ молитвѣ, пока ихъ нашли и препроводили въ монастырь. Объ этомъ онъ самъ рассказывалъ впослѣдствіи Семену Ивановичу Ивановскому. Испытавъ ревность молодого подвижника, мудрый старецъ о. Назарій благословилъ его на житье въ пустыню. Пустыня эта находилась въ глухомъ лѣсу, версты полторы разстояніемъ отъ обители; донныя мѣстность эта сохранила названіе „Германово“. Теперь тамъ обширное покосное поле; а на томъ мѣстѣ, гдѣ, по сказаніямъ старцевъ, спасался молодой отшельникъ, видѣется, среди кустарника, на лѣвой сторонѣ отъ дороги, считая отъ монастыря, небольшой бѣлый крестъ. Для насъ священна память этого челоѣка, и дорого все

что до него относится. Ознакомившись короче съ этою чистою, свѣтлою, возвышенною личностію, каждый невольно полюбитъ ее отъ всего сердца. По праздникамъ приходилъ о. Германъ изъ пустыни въ монастырь. Здѣсь, на малой вечернѣ, стоя на клиросѣ, пріятнымъ теноромъ пѣвалъ онъ съ братіею припѣвы канона: „Иисусе сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ“, „Пресвятая Богородице, спаси насъ“—а слезы градомъ лились изъ его очей.

Отчасти мы видѣли уже, какая дѣтски-чистая и глубокая вѣра въ Бога, преданность волѣ Божіей и любовь къ Богу жили въ душѣ о. Германа. Эти прекрасныя свойства сохранились въ немъ навсегда. Въ Америкѣ, спустя нѣкоторое время, онъ сталъ жить отдѣльно отъ прочихъ миссіонеровъ, уединенно, на небольшомъ островѣ *Еловомъ*. „Однажды“, — рассказываетъ С. И. Мновскій, — „я спросилъ его: какъ вы, о. Германъ, живете на острову, одинъ въ лѣсу? Какъ не соскучитесь. — Онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я не одинъ; тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ; тамъ есть святые ангелы. И можно-ли соскучиться? Съ кѣмъ лучше и пріятнѣе бесѣда—съ людьми или съ ангелами? Конечно, съ ангелами“. — Какъ просто и какъ истинно! Извѣстно, что ничто такъ не развиваетъ духовной опытности и глубокаго знанія сердца человѣческаго, всѣхъ изворотовъ и изгибовъ человѣческой души, какъ постоянное самоуглубленіе и самонаблюденіе. Великіе пророки сосредоточивали и питали свой духъ въ уединеніи пустыни. — „Познай самого себя“ — училъ величайшій и благороднѣйшій философъ языческой древности, высокому уму котораго доступна была идея о Единомъ Богѣ. Для насъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ Божественнаго Откровенія, Священное Писаніе, творенія отцовъ и учителей Церкви и аскетическія писанія свя-

тыхъ подвижниковъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ для истиннаго самопознанія и пріобрѣтенія духовной опытности, при непремѣнномъ условіи сосредоточеннаго и уединеннаго самоуглубленія. И всякій, кто знакомъ съ дѣломъ (будь онъ даже невѣрующій), долженъ согласиться, что святые подвижники—аскеты суть самые опытные, самые проникательные психологи, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ оставленные ими писанія. Христіанское самоуглубленіе приучаетъ къ осторожному обращенію съ словомъ, какъ съ высшимъ даромъ Божиимъ. Поэтому, въ твореніяхъ христіанскихъ писателей—аскетовъ мы не встрѣчаемъ голыхъ словъ безъ содержанія; напротивъ, тамъ—обиліе мыслей, обдуманыхъ и вѣрныхъ; и напрасно нѣкоторые пренебрегаютъ ими. Вѣрнымъ путемъ уединеннаго самоуглубленія, въ связи съ изученіемъ святыхъ писаній, шелъ о. Германъ и достигъ высокой духовной опытности, соединенной съ могучей силой убѣжденія, при поразительной простотѣ рѣчи. Безъ сомнѣнія тутъ играли роль и личныя его качества: даръ слова, находчивость, обширный природный умъ. Вотъ :
 рассказъ С. И. Яновскаго, относящійся къ 1819 году :
 „Въ то время,—говоритъ онъ о себѣ,—мнѣ было 30-ти лѣтъ. Воспитывался я въ Морскомъ Корпусѣ. Зналъ многія науки и много читалъ; но, къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т. е. Законъ Божій, едва понималъ поверхностно, и то—теоретически, не примѣняя къ жизни, и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ—вольнодумъ, денеть, какъ почти всѣ, воспитывающіеся въ корпусахъ и въ казенныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ болѣе, я не признавалъ Божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безбожныхъ сочиненій Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка. Отецъ

Германъ тотчасъ замѣтилъ это и пожелалъ обратить меня. Но это не легко было! Меня нужно было убѣдить, доказать святость нашей религiи; а потому много требовалось времени, знанiя и умѣнья хорошо и убѣдительно говорить. Къ великому моему удивленiю, простой, необразованный монахъ о. Германъ, вдохновляемый благодатию, такъ умно, сильно и убѣдительно говорилъ и доказывалъ, что никакая ученость и земная мудрость не могла устоять! Дѣйствительно, о. Германъ имѣлъ великiй природный умъ, здравый смыслъ, много начитанъ духовныхъ отеческихъ книгъ; а главное — имѣлъ благодать Божiю. Но какъ въ короткiй зимнiй день я не имѣлъ совершенно времени съ нимъ заниматься, то онъ каждый день приходилъ ко мнѣ къ вечернему чаю, и мы до полночи, а иногда — и за полночь, съ нимъ бесѣдовали. Ночевать онъ никогда не оставался. Ни дождь, ни мятель, ни буря не удерживали ревностнаго старца посѣщать меня и въ полночь одному возвращаться домой за полъ-версты. Онъ въ ветхой раскѣ, безъ шубы, являлся ко мнѣ каждый день, постоянно; я согрѣвалъ его чаемъ, и мы бесѣдовали съ нимъ безъ умолку: о любви Божiей, о вѣчности, о спасенiи души, о христіанской жизни и проч. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ, увлекательнымъ потокомъ лилась изъ устъ его. Потомъ въ полночь или за-полночь старецъ одинъ съ палочкой шелъ домой — во всякую бурю и холодъ; никто его не провожалъ по скользкому, каменистому пути; но его провожали ангелы и поддерживали: „яко ангеломъ своимъ задовѣсть о тебѣ сохранить ты во всѣхъ путѣхъ твоихъ“. А согрѣвала его христіанская любовь, которою онъ былъ проникнутъ для спасенiя ближняго. Такими постоянными бесѣдами и молитвами святого старца Господь совершенно обратилъ меня на

луть истинный, и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ отцу Герману, онъ—мой истинный благодѣтель!" Такова, волею Божию, была въ о. Германѣ великая сила святого слова и во истину христіанской любви къ заблуждающемуся брату. — *Что вамъ мнится; аще будетъ нѣкому человеку сто овецъ, и заблудитъ едина отъ нихъ: не оставитъ ли девяносто и десять въ горахъ, и шедъ ищетъ заблудшія; и аще будетъ обрести ю, аминь глаголю вамъ, яко радуется о ней паче, неже о девяносто и девяти не заблудшихъ. Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ одинъ отъ малыхъ сихъ*". (Ев. Матѣ., XVII, 12—14). Это — слова Спасителя. О. Германъ умѣлъ на дѣлѣ обнаруживать разумѣніе Божественныхъ глаголовъ. Но прииѣрами христіанской любви къ людямъ преисполнена вся жизнь *святого старца*. Приведемъ еще фактъ, рассказанный тѣмъ-же С. И. Яновскимъ, свидѣтельствующій о высокой духовной мудрости о. Германа: „Одинъ разъ пригласили его обѣдать на фрегатѣ, пришедшій изъ С.-Петербурга, съ капитаномъ Г., посланнымъ, по Высочайшему повелѣнію, для обревизованія всѣхъ колоній. Капитанъ Г.—песыма уиный, образованный, и съ нимъ до 25 офицеровъ, лучшіе, выбранные изъ всего флота, всѣ хорошо образованные и ученые. И въ такомъ обществѣ образованныхъ людей, съ ними за столомъ, сидѣлъ небольшого роста, въ вѣстой одеждѣ, неученый, простой монахъ, который всѣхъ ихъ закидалъ вопросами, поставилъ ихъ втупикъ: они не знали, что отвѣчать. Минѣ самъ капитанъ Г. это рассказывалъ: „мы были безотвѣтны—дураки предъ нимъ".—Онъ задалъ имъ вопросъ: „что вы лучше и болѣе всего любите, что бы вы желали для вашего счастья?"—На этотъ вопросъ пошли

разные отвѣты и желанія: кто желалъ богатства, кто славы, кто красавицу жену, кто прекрасный корабль, на которомъ-бы онъ плавалъ, и многіе другіе. Отецъ Германъ сказалъ: „не правда-ли, что изъ всѣхъ вашихъ отвѣтовъ и желаній можно вывести одинъ: всякій изъ васъ, господа, желаетъ того, что онъ почитаетъ лучшимъ и болѣе всего любимымъ? — Всѣ отвѣчали: „такъ“. — Тогда онъ сказалъ имъ: „что-жъ можетъ быть лучше, выше всего, достойнѣе любви и превосходитъ всего, какъ самого Бога Иисуса Христа, который небеса сотворилъ и все украсилъ, всему далъ жизнь, все содержитъ, все питаетъ, все любитъ; который есть Сми любовь—прекраснѣе всѣхъ человѣковъ! Не должно-ли превыше всего любить Бога, болѣе всего желать Его и искать Его?“ — Всѣ отвѣчали: „да, это разумѣется, это само по себѣ“ и проч. — Послѣ сего онъ спросилъ: „а любите-ли вы Бога?“ — Всѣ отвѣчали: „конечно, мы любимъ Бога; какъ-же не любить Бога!“ — Тогда онъ, вздохнувъ и уронивъ слезу, сказалъ: „а я, грѣшный, болѣе сорока лѣтъ учусь, какъ любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его!“ — И доказалъ имъ, какъ должно любить Бога: „что если мы кого-любимъ, то всегда помнимъ его, стараемся угодить ему день и ночь; наше сердце и умъ заняты тѣмъ предметомъ, кого мы любимъ. Такъ-ли, вы, господа, любите Бога? Часто-ли обращаетесь къ Нему? Всегда-ли помните Его; всегда-ли молитесь и исполняете волю Его,—святыхъ заповѣдей?“ — Должны были признаться, что—нѣтъ. — „Для нашего блага, для нашего счастья“,—сказалъ онъ,—„по крайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ: что отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты мы будемъ стараться любить Бога превыше всего и исполнять Его заповѣди“. — Вотъ какой умный, прекрас-

ный разговоръ въ обществѣ, который долженъ запечатлѣться въ сердцахъ слушающихъ на всю жизнь!“—Позволимъ себѣ привести еще примѣръ духовнаго назиданія старца Германа. Въ письмѣ его отъ 20 іюня 1820 года къ С. И. Яновскому читаемъ, между прочимъ, слѣдующія поучительныя строки: „Не санъ я учителя восхищая, но для пользы ближняго долгъ мой и обязанность работѣнно исполняя, мои мнѣнія, основанныя на повелѣніяхъ Священнаго Писанія, жаждущему и ищущему вѣчнаго небеснаго своего отечества скажу. Истиннаго христіанина дѣлають вѣра и любовь ко Христу. Грѣхи наши нимало христіанству не препятствуютъ, по слову самого Спасителя. Онъ изволилъ сказать: не праведныя придохъ призвати, но грѣшныя спасти; радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся болѣе, нежели о девяностидесяти праведникахъ. Также и о блудницѣ, прикасающейся къ ногамъ Его, къ фарисею Симону изволилъ говорить: ищущему любовь многій долгъ прощается, а съ неимѣющаго любви и малый взыскивается. Сими разсужденіями христіанинъ долженъ приводить себя въ надежду и радость и отнюдь не внимать наносимому отчаянію,—тутъ нуженъ щить вѣры. Грѣхъ любящему Бога ничто иное, какъ стрѣла отъ непріятеля на сраженіи. Истинный христіанинъ есть воинъ, продырающійся сквозь полки невидимаго врага къ небесному своему отечеству. По апостольскому слову, отечество наше на небесахъ; а о воинѣ говорить: нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властѣмъ. Пустыя вѣка сего желанія удаляютъ отъ отечества; любовь къ тѣлѣ и привычка одѣвають душу нашу какъ-будто въ гнусное платье; оно названо отъ апостоловъ *вѣчный человекъ*. Мы, странствуя въ путешествіи сей жизни, призывая Бога въ помощь,

должны гнусности той совлекаться, а одѣваться въ новыя желанія, въ новую любовь будущаго вѣка и чрезъ то узнавать наше къ небесному отечеству или приближеніе, или удаленіе. Но скоро сего сдѣлать невозможно; а должно слѣдовать прииѣру больныхъ. кон, желая любезнаго здоровья, не оставляютъ изыскивать средствъ для излеченія себя. Я говорю неясно; весьма тороплюсь; время не позволяетъ. Но падѣюсь, что вы сами, остроюю вашего разума и пламенѣющимъ желаніемъ къ любезному небесному отечеству, не только себѣ, но и другинѣ можете открыть путь ко святой истинѣ“. Высоко-назидательная рѣчь, исполненная любви христіанской и подкрѣпленная непреложными доводами Священнаго Писанія, точнѣе сказать—основанная на нихъ. Возражать, пожалуй, что въ приведенныхъ бесѣдахъ о. Германа нѣтъ ничего новаго, — чего нельзя было бы найти въ томъ же Священномъ Писаніи или въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви. Это несомнѣнно такъ. Но, во-первыхъ, не одной новостью и оригинальностью слѣдуетъ измѣрять достоинство мысли и слова. Во-вторыхъ, совершенно новыя и дѣйствительно оригинальныя (абсолютно оригинальныя) мысли появляются крайне рѣдко, вѣками, какъ говорится, и, по нашему глубокому убѣжденію, *всякая новая истина* прпвходитъ въ міръ по Божественному наитію, она какъ *„всякое даліе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяій отъ Отца сътовъ“* (Іак., I, 17); мысли же, обычно называемыя и признаваемыя новыми и оригинальными, — по вѣрному сужденію величайшаго изъ свѣтскихъ русскихъ писателей, — не представляются таковыми въ смыслѣ абсолютномъ, а суть лишь новыя и оригинальныя комбинаціи, соединенія и сопоставленія мыслей, уже бывшихъ въ

обращеніи челоѣчества; но и тутъ для истинности мыслей необходимо присутствіе и вліяніе благодати Божіей: отвращеніе отъ Бога всегда, вездѣ и во всемъ есть отвращеніе отъ истины и правды. Въ-третьихъ, хотя и дѣйствительно *многое* можно найти въ Св. Писаніи и въ твореніяхъ св. отцовъ, — *можно* найти все, что нужно челоѣку для спасенія души и для жизни духовной; но *многіе-ли* ищутъ; *многіе-ли*, кромѣ того, будучи постоянно и преимущественно заняты дѣлами суеты житейской, обладаютъ достаточною духовною опытностію (которая стяжается лишь долгими годами непрестаннаго, сосредоточеннаго самоуглубленія), чтобы правильно понять читаемое и извлечь вѣрное руководство для жизни? Откуда-же всѣ ложныя толкованія, секты, расколы, ереси, какъ не изъ мутнаго источника дерзкой самонадѣянности? Въ-четвертыхъ, живое слово живого челоѣка, естественно, дѣйствуетъ сильнѣе. — разъ оно исходитъ отъ убѣжденнаго разума и любящаго сердца и притомъ умѣло примѣнено къ личности и обстоятельствамъ слушающаго; послѣднее чрезвычайно важно: нужна широта взгляда и пониманія; всякая односторонность, теоретичность — если можно такъ выразиться — вредить дѣлу. Богъ знаетъ, обратился-ли-бы г. Яновскій отъ невѣрія и заблужденія, еслибы Господь, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти, не поставилъ на его жизненномъ пути свѣтлую личность о. Германа. Духовно-нравственное вліяніе простаго, неученаго монаха на свѣтски-образованнаго, знакомаго съ иностранными литературами г. Яновскаго было весьма велико. Благоотворно отразилось оно на строѣ и направленіи не только личной жизни г. Яновскаго, но и всего его семейства. Самъ Семенъ Ивановичъ Яновскій на закатѣ дней постригся въ мо-

вашество и окончилъ жизнь въ Тихоновой пустынѣ (Калужской губ.); сынъ его, котораго *святѣйшій старецъ* носилъ на своихъ рукахъ, когда тотъ былъ еще младенцемъ, сдѣлался іеромонахомъ; три дочери также пошли въ монастырь. Было-ли-бы все это такъ, еслибы глава семейства застылъ на деизмѣ Вольтера, съ отрицаніемъ христіанства, или (что еще хуже, но русскій иногда склоненъ къ крайностямъ) примкнулъ-бы къ матеріализму энциклопедистовъ XVIII вѣка? А вѣдь г. Яновскій, по собственному его признанію, *теоретически* Законъ Божій зналъ. Недаромъ онъ въ послѣдствіи такъ энергично возставалъ противъ *исключительно-теоретическаго* изученія этого, по самому существу своему, практическаго, жизненнаго предмета, долженствующаго служить основой нравственнаго поведенія, нормой всѣхъ отношеній между людьми: личныхъ, семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ и международныхъ,—хотя всѣ эти многочисленныя и разнообразныя нормы вытекаютъ послѣдовательно изъ двухъ главныхъ заповѣдей Христа Спасителя—любви къ Богу и любви къ ближнему. И недаромъ г. Яновскій до конца дней своихъ сохранилъ благородное чувство искреннѣйшей сердечной благодарности къ своему незабвенному духовному наставнику—о. Герману. Онъ умѣлъ высоко цѣнить и понимать этого достойнѣйшаго мужа, всегда живо помнилъ его и сохранилъ дорогія черты *и для насъ дорогаго* человека и въ словѣ, и въ художественномъ изображеніи, на портретѣ, копія котораго приложена при этой книжкѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ С. И. Яновскаго къ иг. Дамаскину, обрисовывающія личное отношеніе г. Яновскаго къ о. Герману, а вѣстѣ и характеризующія послѣдняго: „Чего онъ ожидалъ отъ меня,

чего искалъ (когда ежедневно посѣщаль ради обращенія на путь истинный)? Только желалъ спасти душу заблуждающую! Да помянетъ его Господь во царствіи Своемъ, и да увидеть онъ въ радость Господа Своего!“— „Можетъ быть, Господь и жизнь мою долго терпѣлъ, чтобы передать свѣдѣнія о жизни *святаго старца*“. — „Я лично зналъ этого почтеннаго, *святаго мужа, великаго подвижника*, и у меня сохранились его два письма. И сохраняю эти письма, *какъ драгоценность* отъ *святаго старца*, бывшаго моего наставника, котораго память для меня *священна*“. — Подлинно неизмѣримая бездна милосердія и любви Божіей къ человѣку и въ особенности ко мнѣ, недостойнѣйшему грѣшнику! Чтобы спасти меня, Онъ, по безпредѣльному милосердію, выискалъ меня на концѣ свѣта, въ отдаленномъ краю Россіи, пославъ мнѣ *святаго старца*, отшельника о. Германа, который, по многихъ трудахъ и молитвѣ, привелъ меня отъ заблужденія и вольнодумства къ познанію истиннаго Бога*. — Вотъ какую разительную переимѣну всего строя духовной жизни произвелъ, при помощи Божіей, въ бывшемъ поклонникѣ Вольтера и энциклопедистовъ простой Валаамскій монахъ. Какія были для того средства, — мы отчасти уже видѣли. При рѣдкой духовной мудрости и опытности, о. Германъ прекрасно зналъ Св. Писаніе. Удостоившійся слушать его назидательную бесѣду житель о. Кадьяка Констанція Ларіоновъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Это было въ 1835 году; мнѣ было тогда не болѣе 12 лѣтъ; онъ мнѣ велѣлъ достать съ полки книгу и заставилъ находить статьи, о которыхъ былъ предметъ его разсказа; а какъ я тогда не бѣгло читалъ, то онъ мнѣ *сказывалъ или указывалъ страницы*, объяснялъ церковныя цифры; слы-же, ка-

жется, былъ слѣпъ, а въ книгахъ, повидимому, помнилъ слова *въ низусть*, потому что онъ поотдалъ сидѣлъ отъ насъ". Что онъ *былъ слѣпъ*, — весьма вѣроятно, такъ какъ описанное происходило лишь за два года до его смерти; не менѣе вѣроятно, что онъ въ книгахъ *помнилъ слова въ низусть*. Даже отсутствіе буквальной точности въ текстахъ Св. Писанія, приведенныхъ въ письмѣ къ г. Яновскому (см. выше, а также въ приложеніи 1, № 5), ясно указываетъ на то, что тексты взяты на память, а не выписаны изъ книги. Излишне доказывать, насколько важно для миссіонера отчетливое знаніе Св. Писанія и твореній отеческихъ. У о. Германа было такое.

По великому смиренію своему, о. Германъ до конца жизни остался *простымъ монахомъ*: его хотѣли сдѣлать іеромонахомъ и даже архимандритомъ, но онъ отклонилъ то и другое. Но смиреніе этого человѣка не было ни въ какомъ отношеніи напускнымъ смиреніемъ ханжи и лицеѣра. Чуждый всякой лжи и фальши, онъ не стѣснялся свободно высказывать то, что голосъ просвѣщеннаго благодатію Божіей разума и сердца повелѣвалъ ему признавать за истину. Правда была для него дорога не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ; онъ выражалъ ее прямо, а гдѣ нужно было — и рѣзко, передъ кѣмъ бы то ни было, нисколько не опасаясь послѣдствій, какія могли произойти отъ того для него лично, и всегда являлся усерднымъ защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола сильныхъ. Въ письмѣ къ С. И. Яновскому отъ 10 августа 1821 года (прилож., I, № 13) онъ, между прочимъ, писалъ: „1820 года, весной, вы прислали мнѣ двѣ книжки, съ тѣмъ, чтобъ я сказалъ вамъ свое мнѣніе о сочинителѣ. Но я тогда не успѣлъ въ нихъ

заглянуть; а послѣ, читавши, увидалъ, что онъ — западнаго мнѣнія: гордостію залетѣвши выше облакъ, включаетъ себя въ число пророковъ, думаетъ, что можно ему чрезъ высокія его познанія и вычисленія такъ же писать, какъ пророки писали о состояніи государствъ. Дивно и предивно, какъ гордость ослѣпляетъ: говорить, что не всѣмъ сочиненія его понравятся, что могутъ и осмѣивать, а не видитъ, что онъ самъ себя прежде осмѣялъ; думаетъ, что утверждаетъ истину, но спорить самъ съ собою и со Священнымъ Писаніемъ. Много говорить о немъ скучно, а можете изъ сихъ малыхъ словъ видѣть мое о немъ мнѣніе. Таковыхъ книжекъ, кто если не можетъ твердо знать истину, весьма нужно удалаться“. Какія именно были эти *дѣтъ книжки* — мы достоверно не знаемъ; но несомнѣнно, что онѣ относились къ сочиненіямъ общественно-политическимъ. Христіански-смиранный о. Германъ не усомнился прямо и рѣзко высказать о нихъ *свое* мнѣніе; и это нисколько не удивляетъ насъ: для правильнаго сужденія у него было твердое, неизблемое основаніе въ наукѣ всѣхъ наукъ — въ Св. Писаніи. Замѣтимъ кстати, что сжатость, краткость, съ какою изложено сужденіе, сдѣлала бы честь любому критику. Однажды г. Иновскій прочиталъ ему знаменитую оду Державина „*Богъ*“. Удивленный и восхищенный. о. Германъ просилъ повторить. Просьба была, конечно, исполнена. Онъ спросилъ: „неужели это простой ученый писалъ?“ — „Да, ученый поэтъ“ — отвѣчалъ г. Иновскій. — „Это *по вдохновенію Божию* писано“ — высказалъ свое мнѣніе о. Германъ. — „И рассказалъ ему, — говоритъ г. Иновскій, — какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ нашихъ 14 человекъ алеутовъ, и іезуиты замучили одного алеута, принуждая ихъ всѣхъ принять

католическую вѣру, на что алеуты никакъ не соглашались, отвѣчая: мы христіане, мы крещены, и показывали имъ кресты на шеяхъ. Но іезуиты возражали: „нѣтъ, вы еретики, схизматики; если не согласитесь принять католическую вѣру, то мы васъ замучимъ“. И оставили ихъ по двое въ темницѣ до вечера, на размышленіе. Вечеромъ пришли съ фонаремъ и зажженными свѣчами и начали опять убѣждать ихъ къ принятію католической вѣры. Но алеуты, проникнутые благодатію, твердо и рѣшительно отвѣчали, что они—христіане и не переимѣняютъ своей вѣры. Тогда эти фанатики приступили ихъ мучить: сперва—одного; а другой былъ свидѣтелемъ. Они сперва отрѣзали по одному суставу у пальцевъ на ногахъ, потомъ по другому, — тотъ все терпѣлъ; только и говорилъ: „я—христіанинъ и не имѣю своей вѣры“. Потомъ на рукахъ отрѣзали по одному суставу у каждого пальца; потомъ—по другому; потомъ отрубили ступни ногъ; потомъ—кисти рукъ. Кровь лилась, но мученикъ до конца терпѣлъ, и неизмѣнно одно твердилъ, и съ такою вѣрою, отъ истеченія крови, скончался. Они на другой день хотѣли было мучить и другихъ. Но въ эту-же ночь было получено изъ Монтерей повелѣніе, чтобъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ алеутовъ немедленно прислать за конвоемъ въ Монтерей. Когда я окончилъ свой рассказъ, то о. Германъ спросилъ: „а какъ звали этого замученнаго алеута?“ Я отвѣчалъ, — Петръ. Тогда онъ всталъ передъ образомъ, благоговѣнно перекрестился и произнесъ эти слова: „святый новомученикъ Петръ, моли Бога о насъ!“—Служащіе въ Павловской гавани солдаты и прочіе прибѣгали къ отцу Герману и просили у него помощи и защиты. Нерѣдко онъ писалъ къ мѣстному начальству, а то и самъ ходилъ къ начальству и избавлялъ отъ наказанія. Случи-

лось одному служащему впасть въ погрѣшность противъ своего начальника, комерціи совѣтника Капешварова. Когда-же Капешваровъ назначилъ ему *жестокое* наказаніе, то служащій скрытно убѣжалъ отъ своего начальника, пришелъ къ отцу Герману и просилъ его защиты. *Отецъ Германъ отложилъ свою старость, пошелъ къ Капешварову и просилъ о помилованіи преступника; но онъ не хотѣлъ его простить. Старецъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, общалъ отъ Бога въ будущей жизни прощеніе тому, кто милуетъ своихъ подчиненныхъ и говоря много Евангельскихъ притчъ; но начальникъ, будучи ожесточенъ, не хотѣлъ и смотрѣть. Тогда старецъ не могъ удержаться отъ слезъ — заплакалъ и сказалъ: „горе тому, кто не милуетъ своихъ подчиненныхъ и не дѣлаетъ милости! Вы тогда только узнаете нужду бѣдныхъ, когда сами будете во служеніи жить“.* Сколько здѣсь любви христіанской, сначала смиренно, со слезами и земными поклоненіями умоляющей о прощеніи и убѣждающей словомъ Евангельской истины, а потомъ уже, при видѣ неисправимаго ожесточенія, грозящей карающими немилостивыхъ гнѣвомъ всевидящаго Бога! Надо вспомнить, каковы были тогда времена, и каковы были *жестокія* наказанія; надо вспомнить и то, что о. Германъ говорилъ въ защиту слабаго передъ сильными и власть имѣющими, который и самому защитнику могъ сдѣлать много зла.— Ненымъ умомъ онъ вѣрно понималъ во многихъ отношеніяхъ—тяжелое положеніе нашихъ американскихъ подданныхъ и не могъ не сочувствовать имъ: „Любезному нашему отечеству,—писалъ онъ С. И. Яновскому отъ 28 декабря 1818 года,—Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволилъ край сей, который еще не имѣетъ ни силъ къ какимъ-нибудь познаніямъ, ни смысла, тре-

буетъ не только покровительства, но, по безсилію своему и слабаго ради младенческаго возраста, самаго поддержанія. Но и о томъ самомъ не имѣетъ онъ еще способности къ кому-либо сдѣлать свою просьбу. А какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ Провидѣніемъ, неизвѣстно до какого-то времени, отдана въ руки находящемуся здѣсь російскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти,—сего ради я, нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька, отъ лица тѣхъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу: будьте намъ отецъ и покровитель! Мы, всеконечно, красно-рѣчія не знаемъ, но съ нѣмотою, младенческимъ языкомъ, говоримъ: отрите слезы беззащитныхъ сиротъ; прохладите жаромъ печали тающія сердца; дайте разумѣть, что значить отрада! Милостивѣйшій Государь, въ семъ маломъ изображеніи вы, тонкостію вашего разума и проникательнымъ вниманіемъ, сами можете пространство и обширность народныхъ горестей сыскать. Мы остаемся въ ожиданіи, какое Творецъ изліетъ благоволеніе вашему сердцу на участь бѣдныхъ, однако — болѣе въ надеждѣ отъ неваго нашего господина новыхъ милостей, новыхъ радостей, вообще всему здѣшнему краю новаго оживотворенія; взаимно благодарные молчаливые вздохи, восхитительныя радостныя восклицанія, проникши облака, возлетятъ къ престолу Всемогущаго Царя, со испрошеніемъ вамъ, нашему милостивому отцу и благодѣтелю, при всей благополучіи, продолженія дней и полученія вѣчныхъ благъ. А я, въ послѣднихъ послѣднѣйшій, увѣряю себя, что вы какъ на первый случай, еще мое убожество не издавши, изволили оказать толь великую благосклонность, такъ и впредь того не исключите*. Такъ писалъ о. Германъ въ 1818 году; а незадолго передъ тѣмъ онъ былъ жестоко

и несправедливо оклеветанъ передъ г. Яновскимъ въ томъ, что возмущаетъ и восстанавливаетъ народъ противъ начальства. Но любовь къ ближнему брала верхъ надъ обычной во всякомъ другомъ эгоистической осторожностью: несмотря на то, что клевета оказалась клеветой, могло-же у г. Яновскаго родиться подозрѣніе. Однако о. Германъ ничего этого не убоялся. — „За то, — писалъ впоследствии г. Яновскій, — что онъ многихъ обличалъ въ нетрезвой жизни, въ отвратительныхъ порокахъ и притѣсненіи алеутовъ, многіе были ему врагами, дѣлали разныя непріятности и клеветали на него, — онъ все терпѣлъ и несъ тяжкій крестъ“. Съ многоразличными проявленіями высокихъ качествъ души *святого старца* намъ не разъ еще придется встрѣтиться, такъ какъ личность его проходить яркимъ свѣтомъ чрезъ всю исторію Кадьякской миссіи. Но и тѣхъ качествъ ума и сердца, которыя мы указали въ о. Германѣ, было слишкомъ достаточно для благотворнаго труда на миссіонерскомъ поприщѣ, да и на какомъ угодно другомъ поприщѣ жизни и дѣятельности человѣческой. Рѣдкое благодушіе; простота и безпритязательность; широкая гуманность, отзывчивая на всякое человѣческое горе и страданіе; строгость къ себѣ при снисходительной терпимости къ другимъ, — всѣ эти прекрасныя качества естественно вытекали изъ основныхъ свойствъ личности и характера о. Германа.

Мы довольно подробно говорили и еще будемъ говорить объ о. Германѣ, какъ по всѣмъ указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что благіе всходы на духовной нивѣ во многомъ зависятъ отъ сѣятелей. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о другихъ членахъ миссіи крайне скудны. Но суровый, пустынный Валаамъ, съ своимъ строгимъ уставомъ иноческой жизни, развивая, подъ руководствомъ

мудрыхъ старцевъ, опытность духовную, умѣль и умѣть приучать сыновъ своихъ къ непрестанному труду, скудости, лишеніямъ и терпѣнію скорбей Бога ради; и миссіонеры, въ большинствѣ, были иноки Валаамскаго монастыря.

Чтобы быть ближе къ истинѣ, — не ослабить и не усилить красокъ. — мы вездѣ, гдѣ возможно, передавали свѣдѣнія подлинными словами источниковъ, изъ которыхъ заимствовали ихъ; такъ-же будемъ поступать и далѣе.

Составленная въ 1793 году православная духовная миссія (изъ восьми вышеназванныхъ монашествующихъ лицъ и двухъ церковнослужителей), снабженная всѣмъ необходимымъ на счетъ компаніи *Шелхова и Голицыныхъ*, отправилась черезъ Сибирь, къ мѣсту своего служенія, въ Америку, и осенью слѣдующаго 1794 года благополучно прибыла на островъ Кадьякъ, гдѣ и основалась. Морской путь былъ, сравнительно, не весьма значителенъ.

Объ этомъ путешествіи, о первоначальномъ (мѣнѣе года) пребываніи въ Америкѣ, о разнообразныхъ трудахъ своихъ и всѣхъ прочихъ членовъ миссіи и объ успѣхахъ собственно миссіонерской дѣятельности вотъ что повѣствуютъ въ письмахъ къ иг. Назарію, отъ мая мѣсяца 1795 года, бывшіе Валаамскіе иноки — благодатію Всевышняго Бога, святыхъ ради вашихъ молитвъ, мы Американскихъ предѣловъ достигли благополучно, всѣ десять человекъ; подробно же описать толь великое страствіе не дозволить краткость времени; въ дорогѣ находились круглый почти годъ; приключеній, достойныхъ памяти, никакихъ не встрѣчалось, кромѣ

нѣкоторыхъ отъ новости мѣсть и отъ разнообразной
ѣзды; да развѣ за разговоръ простой любителямъ ново-
стей, что по Охотской дорогѣ, въ верховой ѣздѣ, пада-
дали на насъ медвѣди, а по океану встрѣчали разныхъ
морскихъ звѣрей: китовъ, касатокъ, свинокъ, сивучекъ
и другихъ, коихъ довольно мы видѣли. Штормовъ боль-
шихъ не было, кромѣ одного“. Такъ писалъ о. Гер-
манъ. — „И, — рассказываетъ архимандритъ Іоасафъ, — изъ
Москвы отправился 1794 года, января 22 дня. Святую
Пасху праздновалъ въ Иркутскѣ. Тутъ былъ съ мѣсяцъ.
Изъ Иркутска Лесою рѣкою, болѣе 2000 верстъ, плыли
покойно, во всякомъ довольствѣ. Отъ Якутска до Охот-
ска, болѣе 1000 верстъ, ѣхали верхами съ братією; а
все имущество наше возли 100 лошадей; хотя рѣкою
было и весело, но верхами и того лучше: по лѣсамъ,
горамъ, буерикамъ всего насмотрѣлись. Пажити вездѣ
значныя, и время веселое — май, іюнь, іюль; но пасутся
одни медвѣди; довольно навидались; хотя они и сир-
ны, но лошадей пѣстовать мастера. Прибыли въ Охотскъ
13 іюля, который стоитъ на самомъ берегу океана, и
проѣзжали мимо Камчатки, чрезъ Курильскую гряду и
цѣпь Алеутскихъ острововъ. Чего мало слыхалъ, то
Богъ привелъ видѣть: китовъ морскихъ, касатокъ, бо-
бровъ; китовъ же, подлѣ самаго нашего судна, на по-
верхности воды плавающихъ и играющихъ, довольно
насмотрѣлись. Зѣбки небольшіе, сажений по 15, да го-
лова сажений 5. — Дорогою, начиная съ Якутска, усердно
желающихъ якутовъ всюду, всюду крестили; гдѣ рѣка
пришла, тутъ и останавливаемся крестить. Хотя тамъ и
есть проповѣдники, но дорого за крещенію берутъ; а
моремъ по Алеутской грядѣ ѣхавши только два дня,
заѣхали на островъ Уналашку и тутъ болѣе ста чело-

вѣкъ окрестили: они давно уже готовы къ принятію крещенія, ибо всегда съ русскими промышленными живутъ. — По прибытіи на Кадьякъ, немедленно занялись миссіонеры обращеніемъ въ православную вѣру Христову довольно многочисленнаго населенія этого острова и постройкою церкви Вожіюй. — Не будемъ настойчиво избывать нѣкоторыхъ незначительныхъ повтореній: согласное показаніе двухъ свидѣтелей тѣмъ несомнѣннѣе доказываетъ истину. — 1794 года, сентября съ 24, живу на островѣ Кадьякъ. Слава Богу, болѣе 7,000 американцевъ перекрестилъ, да болѣе 2,000 браковъ обвѣнчалъ; состроили церковь, а время позволить — сдѣлаемъ другую, да походныхъ двѣ, а то и пятую нужно сдѣлать. Живемъ хорошо; они насъ любятъ, а мы ихъ; народъ добрый, но бѣдный. Такъ усердно приемяютъ крещеніе, что всѣ свои шаманскіе наряды изломали и сожгли. Вы хотя и страпали насъ нагими, но, благодаря Бога, о цѣломудріи имѣютъ понятіе; хотя не нарядны, однако не нагіе, и опрятнѣе еще русскихъ ходятъ: платье носятъ хотя небогатое, изъ птичьихъ шкурокъ, но длинное, до пятъ, и безъ полъ сшитое, на подобіе стихаря; одна прорѣха — только головѣ пройти; шеголи бобровое платье носятъ. Пища: рыба и разные корни. — Усердно трудясь на Кадьякъ, ревностные миссіонеры старались и далѣе распространить свою благотворную дѣятельность. Каждый былъ при своемъ дѣлѣ и подвизался по мѣрѣ и по свойству своихъ силъ и способностей. — Отецъ Германъ у меня въ хлѣбѣ съ отцомъ Іоасафомъ, бывшимъ Козьмою Алексѣвичемъ; отецъ Макарій Коневскій, сверхъ всякаго чаянія, по здѣшнему мѣсту весьма способенъ. Я думалъ, что я не дождеть, а онъ почти одинъ половину острова объѣхалъ, крестилъ

и вѣнчалъ, а на семъ транспортѣ (съ которымъ посыла-
лось письмо) отправился на островъ Уналашку и другіе
около его лежащіе острова крестить. Аѳанасій тутъ
учится службѣ, а больше за огородами ходить, да землю
роетъ. Отецъ Нектарій, также добрый іеродіаконъ Юве-
наліій (іеромонахъ и проповѣдникъ-мученикъ) довольно
рачителенъ, а братъ его, произведенный въ Иркутскѣ
въ іеродіаконы, отецъ Стефанъ, хотя и молодой чело-
вѣкъ, но такой добрый, простонравный, услужливый и
умный, что хотя бы изъ Валаамскаго братства выбрать,
такъ и днемъ съ огнемъ найдешься столь способнаго
по здѣшнему мѣсту. За ваши святія молитвы мнѣ Богъ
создалъ братство доброе и любовное; впредь не знаю,
какъ Богъ укрѣпитъ, а теперь все хорошо. Описалъ бы
вамъ все здѣшнее поведеніе, но, простите, время еще
не достаетъ. То креститься приходятъ, то — вѣнчаться,
кто — поучаться закону, а никого огечалить и оскорбить
отказомъ не хочется; притомъ же, и русскіе разныя
нужды имѣютъ: поговорить и исповѣдываться; а при от-
правкѣ судна сочинялъ вѣдомость къ преосвященному
(Иркутскому), посылалъ письма въ Россію къ компаньо-
намъ о разныхъ неустройствахъ и своихъ надобностяхъ,
и проч., и проч. Краткими же сими чертами единого
отъ васъ себѣ ищу удовольствія, чтобы вы насъ не
исключали изъ числа любезнаго братства Валаамскаго, а
считали своими и незабвенно имѣли въ святыхъ молитвахъ
вашихъ. Теперь еще мало жили, — такъ не очень осмотрѣ-
лись; а нынѣшнею весною я располагаю ѣхать съ Юве-
наліемъ на матерую Америку, въ Кенай, а оттуда — въ Чу-
гачи, къ Унгалихутамъ, и такъ далѣе — въ Якутанъ, и что
Богъ поможетъ видѣть успѣха въ Евангельской проповѣди.
то при будущемъ транспортѣ пообстоятельнѣе васъ уви-

домить постараюсь. Всѣхъ отцевъ Валааискихъ, любезное братство, прошу о неоставленіи насъ, дикарей, въ молитвахъ, а мы всегда въ суетахъ и посреди міра“.— „Находился, — сообщалъ и о. Германъ, — на островѣ Кадьякъ. Американцы къ крещенію идутъ весьма охотно: крестилось безъ иала тысячъ сеиъ; а на Уналашкѣ, во время проѣзда сквозъ Алеутскіе острова, неволею въ одну бухту противныиъ вѣтромъ насъ загнанныхъ алеуты своею ласковостію и желаніемъ крещенія весьма насъ удивили. Нынѣ отправляется для проповѣди и крещенія отецъ Макарій по Алеутскимъ, Лисьевскимъ и Андреяновскимъ островамъ, а послѣ, въ скоромъ времени, отправится отецъ Ювеналій на матерую, начиная съ Кенайской губы—въ Чугачи, Алегиютъ, дальніе Колоши и другіе многіе языки, даже до Чилхата. Ахъ! здѣсь, восхитившись я духомъ, при всей краткости времени къ продолженію исторіи, урвалъ кратчайшую минутку, нѣсколько прибавлю рѣчей. Находясь между ведромъ и ненастьемъ, межъ радостей и скуки, между довольствомъ и недостаткомъ, сытостію и голодомъ, тепломъ и холодомъ, при всѣхъ моихъ печаляхъ, обрѣтаю нѣчто веселящее меня, когда слышу разговоры между братіею о проповѣди и о раздѣленіи для того себѣ разныхъ предѣловъ; особливо—преніе между іеромонахами Макаріемъ и Ювеналіемъ, ибо они и вокругъ Кадьяка пускались на иалѣйшихъ кожаныхъ лодочкахъ, *не взирая на всю морскія опасности*; а отецъ архимандритъ основался съ нами, какъ будто съ малыми дѣтьми, въ гавани. Также и далѣе простирая тѣ іеромонахи свои мысли, нѣкогда прохаживаясь въ своей гавани, гдѣ и я, грѣшный, случился быть между ими, взошли мы на холинокъ къ полуденной сторонѣ, сѣли, смотря на океанъ, и между про-

чимъ начали говорить; кому изъ насъ куда идти для проповѣди, ибо приближалось тогда время отправленія судовъ, на коихъ тѣмъ должно было ѣхать. И вышелъ между ими въ то время споръ, для меня убогаго утѣшный и радостный. Есть на Куковскихъ картахъ назначено къ сѣверу: по одной рѣкѣ живутъ русскіе люди, а у насъ объ нихъ разные слухи, о коихъ мы между разговорами тогда напоминали, желая какъ бы съ ними видѣться. Отецъ Макарій началъ говорить: „я, по намѣренію своему, если Богъ изволитъ, когда буду на Алеутскихъ островахъ, по пристойности же долженъ быть и на Аляскѣ, куда меня аляскинцы уже и звали, и какъ къ той сторонѣ ближе тѣ русскіе, то буду искать способовъ, какъ бы провѣдать достоверно о нихъ“. „А отецъ Ювеналій, услышавши про Аляску и не давши отъ ревности болѣе тому говорить, съ торопливостію духа сказалъ: „Аляска по всему моей части подлежить, то прошу покорно меня тѣмъ не обижать; какъ судно нынѣ отпущается въ Якутанъ, то и я проповѣдь долженъ начинать отъ юга, и, проходя вдоль по океану къ сѣверу и обшедь Кенайскую губу, непремѣнно въ здѣшнюю гавань нужно идти по Аляскѣ“. Слушая то, отецъ Макарій покрывался уныніемъ и, принявъ печальный видъ, говорилъ умиленно: „Нѣтъ, батюшка, ты меня тѣмъ не тѣсни; самъ ты знаешь,—цѣль Алеутскихъ острововъ совокупилась съ Аляскою, то непремѣнно моей части подлежить, а отсюда—и весь сѣверный берегъ; тебѣ же, если изволишь, довольна на весь твой животъ южная часть Америки“. И же, низайше слушая такое преніе, приходилъ отъ радости въ восторгъ. Почти какъ необычайные, іеромонахи отецъ Макарій и отецъ Ювеналій пылаютъ всегда ревностію и стремятся во всё сто-

роны; а отецъ Аванасій дома для насъ, чтобъ не были безъ іеромонаха: и править службу, и крестить входящихъ".—Какая святая ревность къ великому дѣлу просвѣщенія свѣтомъ Евангельской истины *„сидящихъ въ странѣ и сѣни смертныи!“* Душа успокоивается, возвышается и сильнѣе проникается непреложной вѣрой въ высокое назначеніе человѣка.

Въ 1795 году, іеромонахъ *Ювеналій* отправился изъ Кадьяка въ Нучекъ, гдѣ, окрестивъ болѣе семисотъ душъ *чужахъ*, перешелъ въ Кенайскій заливъ и окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей; а на слѣдующій (1796) годъ онъ перешелъ на Аляску, къ озеру *Илминъ* или *Шелехову*, гдѣ и кончилъ свое равноапостольское служеніе выстѣ съ своею жизнію, послуживъ Церкви болѣе всѣхъ своихъ собратій. Его убили дикіе жители. Причиною смерти его, сказываютъ, было сколько то, что онъ съ перваго раза велѣлъ дикимъ, принимающимъ св. крещеніе, оставлять многоженство, столько же и то, что тамошніе тоены и почетные люди, по убѣжденію о. Ювеналія, отдали ему дѣтей своихъ для обученія въ Кадьякѣ; но когда о. Ювеналій отправился отъ нихъ, то дикіе рассказали въ своемъ поступкѣ, тотчасъ пустились въ погоню за нимъ и, догнавъ, напали на него. Говорятъ, что о. Ювеналій, при нападеніи на него дикихъ, совѣтъ не думалъ ни защищаться, ни бѣжать, что могъ бы сдѣлать съ успѣхомъ, особливо имѣя при себѣ огнестрѣльное оружіе; но онъ безъ всякаго сопротивленія отдался имъ въ руки и только просилъ пощады его спутникамъ, что и было исполнено. Спустя много времени, сами американцы рассказывали, что о. Ювеналій, будучи уже убитъ, всталъ и шелъ за своими убійцами, говоря имъ что-то. Дикіе, считая его еще живымъ, опять напали на него

и были; но, лишь только отошли отъ него, онъ опять всталъ и пошелъ за ними; и это повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, дикіе, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ него, искрошили его въ куски. Тогда только умолкъ ревностный проповѣдникъ и, можно сказать, мученикъ слова Божія; но не умолкла сила его слова: на томъ мѣстѣ, гдѣ были останки проповѣдника, тотчасъ, сказываютъ: явился дымящій столбъ, простирающійся къ небу. А іеромонахъ *Макарій* въ 1795 году отправленъ былъ въ Уналашку, гдѣ онъ, объѣхавъ весь тамошній отдѣлъ, отъ Унги до Четырехсопочныхъ острововъ, окрестилъ всѣхъ алеутовъ безъ остатка и въ слѣдующемъ году вы-былъ въ Иркутскъ^а. Какъ было уже сказано выше, іеромонахъ *Макарій* утонулъ, вмѣстѣ съ посвященнымъ изъ санъ епископа *Кадыкского* *Іоасафомъ*, при крушеніи корабля *Фемиса*, въ 1799 году.

Такъ, волею Провидѣнія, внезапно прекратилась благотворная дѣятельность ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ слова Божія, просвѣтителей алеутовъ, кадыкцевъ и другихъ американскихъ народовъ. Въ короткое время они успѣли положить прочное и широкое основаніе православной церкви Христовой во *всѣхъ* частяхъ Россійско-Американскихъ владѣній. Въ два года было сдѣлано весьма много: прежде всего были окрещены *жители острова Кадыка*, численностію до семи тысячъ чело-вѣкъ; потомъ іеромонахъ *Макарій* окрестилъ *всѣхъ алеутовъ безъ остатка*, а іеромонахъ *Ювеналій* окрестилъ до 700 чужацъ, затѣмъ—*кемайцевъ*, *аласкинцевъ* и *жителей другихъ племенъ на материкѣ Америки*. Архп-мандритъ *Іоасафъ* и іеромонахъ *Аванасій*, безъ сомнѣнія, также принимали участіе въ крещеніи американцевъ; однако личное участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ не могло быть

особенно значительно: первого, при всей его несомненной энергичности и ревности к делу, удерживали на месте многочисленные труды главы миссии и главного устроителя новосоздаваемой американской церкви; а на последнем лежали обязанности: отправлять богослужение в кадьякском храме и исправлять требы.

Какое именно число американцев было окрещено нашими миссионерами, — *в точности* мы не знаем. Но, спустя больше сорока лет, протоиерей Г. Всениминов писал, что все, наличное тогда — в 1840 году, число христиан-американцев, включая весьма немногих, есть плод апостольских трудов почти исключительно иеромонахов Макария и Ювеналия (особенно последнего), которые окрестили больше 5,000 американцев. И хотя — „дальнейшее распространение христианства между американцами, гораздо многочисленнейшими, почти совершенно было оставлено с равномученической смертью о. Ювеналия, т. е. с 1796 года по 1829 годъ (до начала обращения американцев Берингова моря около Нушетака)“, однако — „когда прибыли священники в новооткрытые церкви, т. е. в Уналашку и Атху, то имъ *некого* было крестить: жители Уналашкинского отдела, все без исключения, были окрещены еще в 1795 году, а рожденных после того крестили или русские, или сами алеуты (крещениемъ, дозволеннымъ всякому вѣрному). — В означенную цифру *пять тысячъ*, очевидно, не входят окрещенные миссионерами кадьякцы, а только алеуты разныхъ наименований, чукчи, кенайцы и проч. Принимая же в расчетъ, что на Кадьякѣ были окрещены до *семи тысячъ* человекъ, — все число американцевъ, окрещенныхъ нашими миссионерами, мы можемъ опредѣлить приблизительно вѣрно цифрою *двенадцать тысячъ*. И все

это, волею Божіею, было совершено въ короткій промежутокъ двухъ лѣтъ!

Уже одно таинство св. крещенія, само по себѣ, есть великая благодать для человѣка, надъ которымъ оно совершено: оно отверзаетъ путь въ царствіе небесное. Самъ Христосъ Спаситель сказалъ: *„Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ войти въ царствіе Божіе“* (Ев. Іоанн., III, 5). Пріявшіе священную благодать крещенія отцы, безъ сомнѣнія, не оставляли дѣтей своихъ не крещеными. Гдѣ не было священниковъ, тамъ — по свидѣтельству о. Іоанна Веніамінова — новорожденныхъ дѣтей крестили либо русскіе, либо сами алеуты крещеніемъ, дозволеннымъ всякому вѣрному. Такимъ образомъ, вѣра православная не только не прекращалась, но постепенно распространялась между американцами, по мѣрѣ приращенія народонаселенія, — тѣмъ болѣе на Кадьякѣ, гдѣ былъ священникъ — іером. Афанасій, отправлявшій богослуженіе въ мѣстной церкви, совершавшій таинства и исполнявшій требы. Къ нему-же могли обращаться и ближайшіе къ Кадьяку жители другихъ острововъ, для совершенія таинствъ св. крещенія, брака и по прочимъ духовнымъ нуждамъ.

У американцевъ были многія добрыя качества и чистыя правила нравственности, о которыхъ выше мы говорили подробно; ихъ простыя сердца способны были къ воспріятію христіанства. Наши проповѣдники шли къ нимъ, — какъ и всюду, и всегда, — не съ огнемъ и мечемъ, но съ словомъ любви и мира, слово свое они подкрѣпляли самымъ дѣломъ — человѣчнымъ, гуманнымъ обращеніемъ. Отчасти, въ малой мѣрѣ — этими причинами, а прежде всего и главнымъ образомъ — непосредственному и непостижимому для нашего ограниченнаго ума

воздѣйствию благодати Божіей чрезъ самое таинство св. крещенія слѣдуетъ приписать то, что постоянное среди американцевъ сѣянiе вѣры Христовой не заглохло; первоначальное основаніе православной американской церкви, положенное миссіонерами, оказалось не только *широкимъ*, но и *прочнымъ*.

Собственно у алеутовъ не было священника со времени посѣщенія ихъ іеромонахомъ Макаріемъ въ 1795 году вплоть до 1823 года, т. е. въ теченіи 28 лѣтъ. Вслѣдствіе отдаленности разстоянія, они находились въ сообщенія съ кадьякскою церковію: ни они не могли ѣздить на Кадьякъ, ни іеромонахъ Афанасій не могъ отлучаться отъ своей церкви. Казалось бы, — въ теченіи столь продолжительнаго времени — *двадцати восьми лѣтъ* — у жителей Алеутскихъ острововъ должны были совершенно исчезнуть основанія христіанства, внѣшныя имъ въ короткій промежутокъ *одного года*. Не такъ было на дѣлѣ. Вотъ что писалъ непосредственно знакомый съ обстоятельствами о. Іоаннъ Веніаминъ о состояніи православной вѣры христіанской среди алеутовъ: „Алеуты приняли ее охотно и скоро; доказательствомъ этому можетъ быть то, что Макарій пробылъ въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ только одинъ годъ и, путешествуя по отдаленнымъ островамъ и перѣзжая съ мѣста на мѣсто, не нѣлъ при себѣ ни стражи, ни чѣлохранителей, кромѣ одного русскаго для прислуги; тѣ же самыя алеуты, которыхъ онъ крестилъ или долженъ былъ крестить, перевозили его, питали и берегли, и притомъ — безъ всякаго возмездія или платы. Такихъ примѣровъ не много. Можно бы возразить, что алеуты скоро приняли вѣру изъ боязни русскихъ, и что имъ принятіемъ крещенія давалась льгота отъ платежа ясака; и дѣйстви-

тельно, таковыя причины довольно способны побудить дикарей, подвергшихся власти сильныхъ пришельцевъ, принять новую вѣру, и тѣмъ болѣе, что льготою ясака они избавлялись отъ всякаго вліянія сборщиковъ онаго, которые для дикихъ страшнѣе самаго ясака, и что прежняя вѣра ихъ уже не удовлетворяла ихъ внутренней потребности души; но эти средства могутъ заставить принять новую вѣру, а не могутъ быть побужденіемъ къ тому, чтобы сдѣлаться ревностнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ новой вѣры. Алеуты же остались примѣрно набожны и понынѣ. Если ближе разсмотримъ и самыя причины, кои будто бы могли принудить алеутовъ принять христіанство, то съ перваго взгляда окажется, что онѣ—инимыя: русскіе никогда и не думали принуждать ихъ къ тому; а платежъ ясака былъ очень незначителенъ, и они платили его когда и чѣмъ хотѣли; и притомъ льгота отъ платежа ясака давалась имъ только на три года. И такъ, причину скорого и истиннаго обращенія алеутовъ въ христіанство надобно искать въ ихъ характерѣ и расположеніи души. Алеуты хотя охотно и скоро приняли христіанскую вѣру и молились Богу какъ были научены, но надобно сказать поистинѣ, что они до времени постояннаго у нихъ пребыванія священника вѣровали и молились точно *неведомому Богу*: отецъ Макарій, сколько за краткостію времени, столько и за ленивнѣеъ хорошихъ толмачей, не могъ передать имъ истинъ христіанскихъ, кромѣ общихъ понятій о Богѣ, Его всемогуществѣ, благодати и проч.; при всемъ томъ, алеуты остались христіанами, или, по крайней мѣрѣ, они, тотчасъ по крещеніи, но только совершенно оставили шаманство и уничтожили всѣ личины и маски, употреблявшіяся на игрищахъ и шаманствахъ, но даже и самыя

пѣсни, которыя хотя сколько нибудь могли напоминать имъ прежнюю вѣру, такъ что, по прибытіи моемъ къ нимъ, какъ я ни старался (изъ собственного моего любопытства), но не могъ найти ничего такого. И даже изъ самыхъ суевѣрій ихъ, которыхъ чуждъ бываетъ только человѣкъ, имѣющій живую Евангельскую вѣру, весьма многія совѣтъ оставлены, а многія потеряли силу".—Сразу столь глубоко запавшее въ воспріимчивыя сердца алеутовъ сѣмя вѣры Христовой долгіе годы развивалось и укрѣплялось въ нихъ при содѣйствіи единой благодати Божіей и видимо приносило плоды добрыя. — „Изъ всѣхъ добрыхъ качествъ алеутовъ, — говоритъ тотъ же о. Іоаннъ Веніаминъ, служившій болѣе 15 лѣтъ священникомъ при Уналашкинской церкви, — ничто столько не радовало и не улаждало моего сердца, какъ ихъ усердіе, или, правильнѣе сказать, жажда къ слышанію слова Божія, такъ, что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе къ слышанію слова. Пояснимъ это примѣрами: по пріѣздѣ моемъ въ какое-либо селеніе, всѣ и каждый, совершенно оставляя всѣ свои дѣла и занятія, какъ бы они ни были важны въ отношеніи къ нимъ, по первому моему призыву тотчасъ собирались слушать мои поученія, и всѣ и каждый съ удивительнымъ вниманіемъ слушали ихъ, не развлекаясь, не сводя глазъ, и даже, можно сказать, самыя нѣжныя матери въ это время дѣлались какъ бы безчувственны къ плачу дѣтей своихъ, которыхъ и не приносили съ собою, если дѣти не въ состояніи понимать. Имѣя такое усердіе къ слышанію слова Божія, они такъ же усердны и къ проповѣдникамъ онаго (но усердіе ихъ не обнаруживается вѣщественными даяніями, потому что они никому не могутъ передавать душевныхъ

товаровъ, кромѣ Компаніи, которая имъ платитъ известную цѣну). По крайней мѣрѣ, я это могу сказать по себѣ. Посѣщеніе мое и пріѣздъ мой въ селеніе бывалъ истиннымъ праздникомъ для алеутовъ, Пасхою, потому что только въ это время они могли послушать слова и приобщиться св. Таинъ; куда бы я ни пріѣхалъ и въ какое время дня или ночи, но лишь только разносилась вѣсть, что пріѣхалъ *отецъ (адикъ)*, тотчасъ всѣ и каждый, кто только можетъ ходить, выходили ко мнѣ на встрѣчу къ самой пристани (т. е. на берегъ моря, гдѣ обыкновенно пристають байдарки); всѣ и каждый приветствовали меня съ истиннымъ радушіемъ и видимымъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицахъ ихъ; даже нерѣдко больныхъ приносили ко мнѣ для того, чтобы видѣться со мною и принять благословеніе. Обязанности свои въ отношеніи къ Церкви алеуты исполняютъ примѣрно: соблюдать посты перемѣной одной пищи на другую они не могутъ, потому что пища ихъ зависитъ отъ моря и почти всегда одинакова; и они, надѣясь на него, запасовъ дѣлаютъ очень немного; а потому, когда они хотятъ поститься, т. е. во время говѣнія или въ послѣдніе дни страстной седмицы, то постятся въ полномъ значеніи сего слова. Говѣютъ всегда и всѣ, такъ что во все время пребыванія моего у нихъ почти не было ни одного изъ нихъ такого, который-бы не былъ у исповѣди и Св. Причастія за лѣтностію и нераченіемъ; и все это они дѣлаютъ совершенно безъ всякаго наряда и принужденія. Во время говѣнія не ищутъ случая или начать ходить въ церковь *около среды*, или приходить въ церковь не къ началу службы; но всегда начинаютъ какъ можно ранѣе (т. е. съ субботы), и лишь только въ колоколь — они тотчасъ уже всѣ въ церкви. Въ церкви и на

молитвѣ они стоятъ удивительно *твердо*. Во время продолженія службы, хотя-бы то было и 4 часа, какъ напр., въ первые дни страстной недѣли, всякій изъ нихъ, и даже самые дѣти, стоятъ, не переступая съ ноги на ногу, такъ-что, по выходѣ ихъ изъ церкви, можно даже перечесть, сколько ихъ было, смотря на ихъ мѣста, гдѣ они стояли. Во время служенія или чтенія, которое изъ нихъ очень немногіе понимаютъ, они ни по какимъ причинамъ не оглянутся ни назадъ, ни на стороны, и всегда смотрятъ на образъ, или къ небу, или на иконы. Такое твердое стояніе въ церкви тѣмъ болѣе стоитъ похвалы, что они, многое перенимая отъ русскихъ и худого, и добраго, отнюдь не хотятъ перенять отъ нихъ этой, иногда слишкомъ неумѣренной, подвижности. Не скажу—очень многіе, но нѣкоторые изъ алеутовъ молятся и умѣютъ молиться; я разумѣю не то, что они умѣютъ дѣлать крестное знаменіе, и кланяться, и говорить какую-нибудь молитву; пѣть! нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ молиться отъ души и не выказывая себя при людяхъ или въ церкви, но часто *всегда изъ кельи своей и затворивъ двери*. Это я особенно замѣтилъ въ церкви, гдѣ, какъ сказало, молящійся внутренно отнюдь не съ тѣмъ молится, чтобы на него смотрѣли, потому что на него никто и не взглянетъ. Прекрасное, высоко-благоевѣйное отношеніе къ церкви Божіей и служителямъ ея, какое такъ отрадно было-бы видѣть и не въ алеутахъ!“ Конечно, одна скромность мѣшала о. Іоанну Веніамину высказать, что лично онъ во многомъ былъ благодатнымъ строптелемъ невидимго храма Бога живаго, воздвигнутаго въ сердцахъ новообращенныхъ. Но несомнѣнно и то, что первоначальными благовѣстниками заложено было незыблемое основаніе для этого чуднаго зданія, — твердое и несокрушимое, какъ

гранитныя скалы дивныхъ пустынь Валаама. Зданіе строилось не на пескѣ.

Цитированный нами авторъ имѣетъ въ виду собственно обитателей Алеутскихъ острововъ. Подобное-же, — только кратко и въ общихъ чертахъ, — рассказываютъ о жителяхъ Кадьяка о. Германъ и архимандритъ Іоасафъ. Хотя, между прочимъ, мы уже говорили объ этомъ, но не полѣнимся повторить. Отецъ Германъ: „Американцы къ крещенію идутъ весьма охотно; крестилось безъ мала тысячъ семь“. Архимандритъ Іоасафъ: „1794 года, сентября съ 24, живу на островѣ Кадьякѣ. Слава Богу, болѣе 7,000 американцевъ перекрестилъ, да болѣе 2,000 браковъ обѣнчалъ; состроили церковь, а время позволить—сдѣлаемъ другую, да походныхъ двѣ, а то и пятую нужно сдѣлать. Живемъ хорошо; они насъ любятъ, а мы ихъ; народъ добрый, но бѣдный. На Кадьякѣ такъ усердно приемиютъ крещеніе, что всѣ свои шаманскіе наряды изломали и сожгли. То креститься приходятъ, то вѣнчаться, кто—поучаться закону. Время не достаетъ; а никого опечалить и оскорбить отказомъ не хочется“. Это писано въ маѣ 1795 года, когда со времени прибытія миссіонеровъ на Кадьякъ прошло *не болѣе восьми мѣсяцевъ*.

Не смотря на весьма ограниченное число миссіонеровъ, великое дѣло распространенія вѣры Христовой среди всѣхъ вообще нашихъ американцевъ, при помощи Божіей, шло прекрасно, съ рѣдкимъ успѣхомъ. Благопріятныя для этого условія заключались, какъ мы видѣли, въ добрыхъ душевныхъ качествахъ новообращаемыхъ и въ благочестивой ревности благоуспѣшниковъ Слова, соединенной съ христіанскою любовью.

Но были и условія совсѣмъ иного, противоположнаго

характера,—такія условія, которыя невольно отталкивали американцевъ отъ русскихъ, при всемъ добродушіи и благодушіи первыхъ, тягостно отзывались и на туземцахъ, и лично на миссіонерахъ, и тормазили благотворную дѣятельность послѣднихъ. Къ прискорбію, надо сознаться, что эти неблагопріятныя условія исходили отъ нѣкоторыхъ русскихъ, и въ значительной мѣрѣ — отъ лицъ, облеченныхъ властію. Высшее правительство, безспорно, имѣло самыя благія намѣренія въ отношеніи новопріобрѣтеннаго края; но оно было отъ него за нѣсколько тысячъ верстъ. — До прибытія русскихъ,—пишетъ о. Іоаннъ Веніаминъ,—на Уналашкѣ было 24 селенія, очень многочисленныхъ; но съ прибытіемъ русскихъ число островитянъ стало уменьшаться. Причины уменьшенія, по мнѣнію алеутовъ, были слѣдующія: *междоусобія, русскіе и повѣтрій*. Вывшія междоусобія до прибытія русскихъ подъ конецъ такъ были жестоки, что за жизнь одного истребляли цѣлое селеніе; но самое большое уменьшеніе народонаселенія алеуты приписываютъ русскимъ — отъ ихъ насилій и притѣсненій въ промыслахъ, и особенно одному изъ промышленниковъ, *Соловю*, или *Соловьеву* (въ 1763 г.). Онъ и его клеветы, въ теченіи двухъ лѣтъ, многихъ лишили жизни*. И такъ, простодушные алеуты дѣйствія *русскихъ* приравнивали къ пагубному дѣйствию *повѣтрій*. Печально, но едва ли не вѣрно; ибо далеко не всѣ русскіе были одушевлены такими благородными цѣлями, какъ, напр., Шелеховъ и ему подобные. Какъ почти и всегда бываетъ, за людьми вполне порядочными направились въ новостерзанный край искатели легкой наживы, подонки и отщепенцы общества, у которыхъ въ *душѣ*, какъ говорится, нѣтъ ничего святаго, и въ глазахъ которыхъ достиженіе ихъ

низкихъ цѣлей оправдываетъ всякія, еще болѣе низкія средства. Высшее правительство было слишкомъ далеко. Мѣстные же власти, не исключая и высшихъ, къ сожалѣнію, нерѣдко и сами были не свободны отъ упрека въ грубомъ, эгоистическомъ произволѣ, прибытка ради, или изъ воображаемой опасности потерять несправедливый прибытокъ. А какого зла не въ состояніи надѣлать ненасытимый произволъ личныхъ похотѣній, облеченный, притомъ, властію! Поступать во всемъ согласно съ гуманными видами правительства и содѣйствовать миссіонерамъ, которые затѣмъ и прибыли, чтобы насаждать ученіе любви и мира,—значило бы служить *Богу*; нѣкоторые же (не говоримъ—все) представители мѣстной власти хотѣли служить и служили *мамонѣ*. Но вѣдь самъ Христосъ сказалъ: „*Никтоже можетъ двумя господинамъ работать: либо единому возлюбитьъ, а другаго возненавидитъ: или единому держится, о другомъ же не рабѣти начнетъ: не можете Богу работать и мамонѣ*“ (Ев. Матѣ., VI, 24). Въ этомъ коренится непрестанная, повсюдная борьба двухъ началъ: правды и неправды—свѣта и тьмы. Уже вскорѣ по прибытіи миссіи въ Америку, въ 1795 году, архимандритъ Іоасафъ „*посылалъ письма съ Россію къ компаньонамъ о разныхъ неустройствахъ*“. Главнымъ правителемъ въ нашей Америкѣ былъ въ то время Александръ Андреевичъ Барановъ, по отзыву отца Германа—„*человѣкъ богатый, а къ тому—жъ гордый, весьма роскошный*“. Онъ былъ вызванъ въ Америку еще Шелеховымъ, для управленія всѣми дѣлами компаніи *Шелехова и Гликовыхъ*; это было въ 1790 году. Когда же, въ 1798—1799 гг., изъ названной образовалась *Россійско-Американская Компанія*, съ обширнѣйшими полномочіями и привиллегіями,

которой было предоставлено распоряженіе всѣмъ краемъ и его обитателями, то главное мѣстное управленіе всѣми дѣлами и этой послѣдней Компаніи было ввѣрено тому же А. А. Баранову. Обязанности эти лежали на немъ безсмысленно вплоть до 1818 года, когда его замѣнилъ Семенъ Ивановичъ Яновскій; и, слѣдовательно, *во все это время (до 1818 г.) Барановъ фактически былъ полнымъ вѣстителемъ края во всѣхъ отношеніяхъ*. Человѣкъ съ обширнымъ природнымъ умомъ, съ рѣдкими способностями и твердымъ характеромъ, предпріимчивый, энергичный, настойчивый въ достиженіи разъ намѣченной цѣли,—Александръ Андреевичъ Барановъ происходилъ изъ купцовъ города Каргополя. Сначала онъ производилъ торговля дѣла въ Москвѣ и С.-Петербургѣ; потомъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—въ Сибири; наконецъ — переселился въ Америку. И здѣсь обширная дѣятельность его, во многихъ отношеніяхъ, заслуживаетъ полную похвалу и достойна уваженія: недаромъ и Шелеховъ такъ высоко цѣнилъ его. Не будемъ и мы утверждать, что Барановъ былъ человѣкъ безсердечный. Но его богатой натурѣ не доставало гуманитарнаго воспитанія; а главное — его душа не довольно была проникнута христіанскими началами. При отсутствіи истиннаго просвѣщенія, человѣкъ весьма склоненъ лично себѣ приписывать всѣ жизненные удачи и презрительно, свысока относиться къ другимъ; богатство создаетъ поклоненіе толпы; послѣднее льститъ себялюбивому тщеславію; отсюда—усиленное стремленіе къ богатству; изъ фальшиваго сознанія собственного превосходства у людей малопросвѣщенныхъ рождается гордость; власть нерѣдко обращается у нихъ въ дикій произволъ. Нашъ простой народъ мѣтко характеризуетъ такихъ людей сло-

вомъ „необузданный“, и у него понятіе „необузданный“ противопоставляется именно понятію „просвѣщенный“. Такихъ „необузданнымъ“ человѣкомъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, и Барановъ, отъ котораго зависѣло все въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ въ теченіи весьма долгаго времени. Будемъ думать, что лично онъ не имѣлъ потребности въ неправедныхъ стяжаніяхъ; но это не имѣло ему давить и тѣснить туземцевъ, пить кровь бѣднаго, угнетеннаго народа и позволять дѣлать то же своимъ подчиненнымъ. Ниже мы докажемъ, что правительство желало и требовало совершенно противоположнаго; да иначе и быть не могло. Кромѣ Баранова, была масса второстепенныхъ, третьестепенныхъ, и такъ далѣе, служащихъ, отъ него зависѣвшихъ. Подобные Баранову люди, къ значительной мѣрѣ склонные къ кулачеству, малопросвѣщенные, тщеславные и необузданные, спеціалисты по части рѣшительныхъ административныхъ воздѣйствій, при выборѣ подчиненныхъ преимущественно цѣлять особаго рода расторопность и ловкость, никогда и нигдѣ не желательную, всегда и вездѣ вредную; за быструю исполнительность, соединенную съ подобострастнымъ почтлпвіемъ къ нимъ, они готовы смотрѣть сквозь пальцы на всѣ пороки, на всѣ притѣсненія слабымъ со стороны своихъ своеобразно ловкихъ клевретовъ. Разъ ностынное, зло глубоко и надолго пускаетъ свои ядовитые корни. Не даромъ и въ словахъ смиреннаго о. Германа, когда онъ говоритъ о положеніи американцевъ, неизмѣнно звучитъ скорбная нота: „Отрите слезы беззащитныхъ сиротъ; прохладите жаромъ печали тающіа сердца; дайте разумѣть, что значить отрада. Тонкостію каменнаго разума и пропитательнымъ впливаніемъ сами можете пространство и обширность народныхъ горестей

снискавъ". Такъ писалъ онъ С. И. Яновскому въ 1818 году, вскорѣ по вступленіи послѣдняго въ должность главнаго правителя Россійско-Американскихъ колоній. Какъ человѣкъ просвѣщенный, гуманнѣйшій и притомъ лично питавшій чувство глубокаго уваженія и признательности къ *свѣтому старцу*, г. Яновскій, вѣроятно, не оставлялъ безъ вниманія слова и просьбы о. Германа. Но г. Яновскій слишкомъ скоро оставилъ свой постъ; и вотъ что писалъ о. Германъ къ нему, уже въ Петербургѣ, отъ 10 августа 1821 года: „О состояніи нашей Америки много говорить не могу: *народныхъ печалей* *мира перевѣсъ имѣть доволжны*; а что далѣе Творецъ изволитъ устроить — *неизвѣстно*“. Единственное упоманіе только на Бога. Никакой надежды на справедливость и доброе расположеніе людей, въ рукахъ которыхъ находилась *мѣстная власть*, и которые могли-бы уменьшить „*народныя печали*“. Отецъ Германъ не имѣлъ нужды приводить факты, между прочимъ — и потому, что г. Яновскій самъ лично и непосредственно былъ знакомъ съ обстоятельствами. Да и неудобно было писать слишкомъ явно, особенно съ указаніемъ на лица: о. Германъ и безъ того былъ оклеветанъ передъ тѣмъ-же С. И. Яновскимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ возмущеніи народа противъ *мѣстныхъ властей*; письма-же его легко могли быть перехвачены, а это могло только принести вредъ ихъ автору, безъ пользы, а быть можетъ — тоже со вредомъ и для другихъ. О. Герману и безъ того приходилось терпѣть слишкомъ много.

Десять лѣтъ спустя по прибытіи въ Америку нашихъ миссіонеровъ, пріѣхалъ на Кадыакъ, также — для проповѣди слова Божія и просвѣщенія американцевъ, соборный іеромонахъ Александро-Невской лавры Гедeonъ. Его

дѣятельность, — каковы-бы ни были ея размѣры. — по времени и по мѣсту слѣдуетъ отнести къ дѣйствіямъ *Кадыакской миссіи*. Всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о немъ, намъ даетъ только его рукопись. Изъ нея видимъ, что авторъ былъ человѣкъ просвѣщенный въ лучшемъ смыслѣ слова: истинный христіанинъ въ душѣ, онъ обладалъ хорошимъ образованіемъ, не исключая знанія иностранныхъ языковъ; благодаря христіанскому духу въ соединеніи съ образованнымъ умомъ, взгляды его правильны и гуманны, человѣчны. Уполномоченный отъ Святѣйшаго Синода, очевидно близкій къ митрополиту Амвросію, — іером. Гедеоиъ и въ Америкѣ пользовался сравнительно независимымъ положеніемъ. Какъ въ независимомъ положеніи іером. Гедеоиъ, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ существенно-важныя письма его были адресованы либо къ митр. Амвросію, либо къ Николаю Петровичу Резанову, который былъ въ то время командированъ отъ правительства для обревизованія и устройства нашихъ американскихъ дѣлъ, мы находимъ причины съ совершеннымъ довѣріемъ относиться къ тому, что сообщаетъ авторъ; письма могли имѣть серьезное значеніе, и онъ не могъ дѣлать сообщенія свои безъ должной провѣрки.

Вотъ какіе факты изъ отношеній компанейскихъ властей къ американцамъ находимъ въ рукописи іеромон. Гедеоиъ: „1801 года Компанія выгоняла алеутъ въ Ситкинскую партію для бобровато промысла слѣдующимъ образомъ. Надѣлавъ прежде колодокъ на ноги и накладныхъ рогатокъ на шею, изготова для молодыхъ розги, для тридцатилѣтнихъ линки, а для стариковъ палки, отправлена была байдара съ пушкою и ружьями. На западномъ мысѣ Кадыака, по выходѣ на берегъ, промыш-

ленные русские стали во фрунтъ съзаряженными ружьями, говоря: „Ну, если не ѣдете въ партію, сказывайте! (Взводъ курки): стрѣлять станемъ“. При такомъ страхѣ, кто можетъ обнаружить свое неудовольствіе? По приходѣ къ острову Ситхинаку, выпалили изъ пушки и, стоя съ заряженными ружьями, расклали подлѣ жила рѣзги, линки, палки, колодки и рогадки, говоря: „Кто не хочетъ ѣхать въ партію, тотъ пусть себѣ избираетъ любовь“. Въ сіе время нѣкто началъ отговариваться; вдругъ его схватили, обложили желѣзными кандалами, сбѣгли до тѣхъ поръ, пока захрипѣлъ и едва могъ сказать *пду*“. — „Того-жъ года въ первыхъ числахъ мая, одинъ изъ стириковъ, собранныхъ для птичьей партіи, посланъ былъ такой, который, не могши доползти до ночлега, на сто сажень разстояніемъ, почевалъ съ женою на берегу. Поутру позванъ яли, лучше сказать, отнесенъ, для освидѣтельствованія болѣзни, въ правительскій домъ, гдѣ ему сказано: „хотя-де ты ходить не можешь, но можешь тамъ караулить, чтобъ собаки байдару не съѣли“.— „1800 г., въ партіи на Тугидокъ, во время сильной погоды, отъ промышленнаго Лопатина были посланы въ море, не смотря на ихъ просьбы,—и потонуло 32 байдарки, т. е. 64 человекъ“.— „1805 года въ птичью партію Убагунтскій житель посланъ былъ очень больной, о которомъ просилъ я правительскаго помощника г. Баннера слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый Государь, Иванъ Ивановичъ! Острова Ситхинака, жила Убагунка, Николай Чунягинакъ, кривой, боленъ опасно горломъ, отъ котораго провалилась рана уже на затылкѣ, нижняя губа отгнила, еще раны на ногахъ, въ груди хрипъ, и потому говорить нѣмо. Посудите сами, Милостивый Государь, какой онъ ловецъ въ столь жалкомъ положеніи, и какую онъ

принесетъ прибыль Компаніи? Сжальтесь, пожалуйте, надъ сѣмъ разслабленнымъ,—прикажете лучше отослать его въ цѣлительную купель, т. е. кажимъ. Онъ человѣкъ молодой: по излеченіи будетъ компанія полезенъ; а вы таковымъ сострадательнымъ поступкомъ сдѣлаете честь человѣчеству и меня чувствительно одолжите, не презрѣвъ моего прошенія. Твердо уповаю на великодушіе ваше, я съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть, и проч.“—Къ сожалѣнію, мы не знаемъ быль ли исполнена эта во всѣхъ отношеніяхъ основательная и убѣдительная просьба. Но несомнѣнно, что компанейскія власти съ варварскимъ безчеловѣчіемъ обращались съ тѣмъ самымъ народомъ, трудомъ котораго существовали, и готовы были стереть съ лица земли миссіонеровъ за то, что послѣдніе, по долгу и чувству любви христіанской, осмѣливались заступаться за угнетаемыхъ.— „По причинѣ отяготительныхъ компанейскихъ работъ, алеуты по всѣмъ жиламъ (т. е. жилищамъ, поселкамъ) въ зимнее время претерпѣваютъ великій голодъ: съѣдаютъ нерпачьи пѣзыри, въ коихъ хранятъ жиръ и кислую икру красной рыбы, лавтаки, мауты и прочія, изъ жилъ сдѣланныя, вещи, за неимѣніемъ ракушекъ и морской капусты, когда лайда покроется льдомъ. Сострадательный человѣкъ едва можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ въ такомъ положеніи сихъ несчастныхъ, кои болѣе походить на мертвенцовъ, нежели на живыхъ людей. По отъѣздѣ мужей въ парію, жены съ малолѣтними дѣтьми, дряхлыми стариками и старухами,—какъ за неимѣніемъ байдарокъ, такъ и за паложепными отъ Компаніи на лѣто оброками, относительно чистки рыбы, копанія сараны и собиранія ягодъ,—не могутъ и не имѣютъ времени запасти для себя нужнаго на зиму корма, и потому часто

случается, что многіе умирають отъ голода. Все сіе не есть ли отяготительнѣе и раззорительнѣе ясака, который съ 1794 года не собирается? И есть ли знакъ ласковаго и дружескаго обращенія? Слова *ласковое и дружеское обращеніе* всегда занимають первое мѣсто на губахъ и на бумагахъ Компаніи, а не на самомъ дѣлѣ". — Вотъ что писалъ іером. Геденъ въ *секретномъ* письмѣ митрополиту Амвросію, отъ 2 іюня 1805 года: „Послѣ достовѣрнаго извѣстія о несчастномъ разбитіи компанейскаго судна *Феникса*, на коемъ отправился изъ Охотска преосвященный епископъ Кадыяскій Іоасафъ, происходило съ оставшимся здѣсь духовенствомъ слѣдующее: кромѣ внушенія клеветамъ многихъ укориженныхъ нелѣпостей, кои только могли быть выдуманы со стороны Компаніи къ посрамленію чести духовныхъ, изъ зависти, по причинѣ великой любви младенчеству народа къ своимъ просвѣтителямъ, правитель Барановъ, проразумѣвая изъ того умаленіе своей власти надъ взяуренными отъ разныхъ работъ и налоговъ компанейскихъ американцами, — 1800 года, іюля 14 дня, присланнымъ къ эконому духовной миссіи, монаху Герману, письмомъ — запрещалъ духовнымъ имѣть обращеніе съ америкайцами и велѣлъ отгонять всѣхъ тѣхъ, кои, по долгу проповѣдниковъ, приласканы были". — Характерное *запрещеніе* со стороны тѣхъ, которые (о долгѣ христіанскомъ мы уже не говоримъ, беремъ только исполненіе воли высшаго правительства) обязаны были всѣми мѣрами *содействовать* распространенію и укрѣпленію православной вѣры и просвѣщенія среди американцевъ! — Но высшее правительство было далеко, и самовластіе *необузданныхъ* людей не хотѣло знать никакихъ границъ: „Въ силу Высочайшаго манифеста, въ 1796 мѣ году со-

стоявшагося, народъ кадыякскій, за дальниии отъ Компаніи посылками и за другими ея недосугами, еще не былъ приведенъ къ присягѣ въ вѣрности къ Россійскому Престолу. Для того, іеромонахъ Аеанасій 1801 года, генваря 1 дня, просилъ на то позволенія у Баранова, — за что самое іеромонахъ оный былъ обруганъ и выгнанъ вонъ, съ запрещеніемъ, чтобъ и впредь не ходилъ. — Потомъ собралось съ нѣкоторыхъ жилъ, со своими таіонами (начальниками изъ туземцевъ), человекъ до двадцати, просить Баранова, дабы онъ ихъ освободилъ отъ дальнихъ разѣздовъ Ситхинской партіи, общаея производить промыслы около своихъ жилъ (поселеній); но были прогнаны, при жестокихъ угрозахъ; да и приказано было всѣмъ готовымъ на весну въ походъ, — чѣмъ они безмѣрно огорчась, съ отчаяніемъ осмѣлились объявить духовной миссіи, что они въ партію ѣхать не хотятъ потому, что у нихъ тамъ многіе родственники померли, и инныя жила опустѣли; а если Барановъ будетъ за то ихъ убивать, то они привезли съ собою по новой паркѣ (одежда туземцевъ), прося духовныхъ, чтобъ они въ сихъ новыхъ паркахъ послѣ похоронили и были свидѣтелями тому невинному убійству. Что видя, духовные, и при собраніи гг. офицеровъ, штурмана Талина и переводчика духовной миссіи Прянишниковъ со ужасомъ то слушая, старались уговаривать ихъ въ великодушномъ перенесеніи всѣхъ тягостныхъ приключеній, увѣряли, притомъ, Высоко-Монаршими милостями и, едва утишивши, предложили о присягѣ въ вѣрности Государю, — на что они охотно согласились и общались во всемъ слушаться. Посему, они, при сопровожденіи тѣми офицерами въ церковь, были къ присягѣ іеромонахомъ Аеанасіемъ приведены. — По выходѣ изъ церкви, когда

начали только садиться въ свои байдарки, помощникъ правителя Баранова, Кусковъ, съ своими промышленными, схватя одного изъ нихъ, знатнаго таюна, отвелъ въ компанейскую казарму и, оковавъ желѣзами, посадилъ въ темный чуланъ, гдѣ не только окна, но сканжины были забиты; да и за другими ѣздили съ ружьями въ погоню на байдарѣ, но никого не поймали.—Послѣ сего происшествія, Барановъ хотѣлъ, такъ же схватя, посадить другого таюна, крестника архіерейскаго, который, по дружбѣ, пріѣхалъ къ духовнымъ. Что самое приѣхтя, думали они проводить его ночью. Но, опасаясь, сперва іеромонахъ Аѳанасій велѣлъ вынести свою байдарку, самъ пошелъ къ оной и хотѣлъ только пройти нѣкоторое разстояніе; вдругъ промышленные, по приказанію правителя Баранова остановивъ байдарку, схватили іеромонаха; самъ же Барановъ, въ самой великой запальчивости, началъ ругать, называя его бѣлыми господскимъ человѣкомъ, а духовныхъ всѣхъ и двухъ вышеупомянутыхъ офицеровъ — бунтовщиками. При такомъ непріятномъ происшествіи, монахъ Германъ просилъ Баранова объявить порядочно, безъ всякихъ ругательствъ, причину своего неудовольствія; правитель же, съ крикомъ, говорилъ: „вотъ! вы нашли какую-то присягу, развратили всѣхъ америкалцевъ!“, смиренный старецъ отвѣтствовалъ: „Высочайшій манифестъ публикованъ всѣмъ, и что если незаконно духовною миссіею сдѣлано, то лучше бы представить въ правительство, гдѣ все законно могло быть разсмотрѣно“; но Барановъ, не внимая сему, кричалъ: „какой вамъ манифестъ? какой вамъ судъ?“ и, въ самомъ пылкомъ жару гнѣва, разнообразно грозилъ: то, сковавши, выслать на Уналашку, то домъ ихъ загородить и забить, чтобъ ни-

кто къ нимъ не ходилъ, да и они никуда бѣ выдти не могли; почему тогда въ великомъ находились страхѣ и только ожидали, что промышленные, по приказанію Баранова, или потащутъ куда, или начнутъ бить, и едва осмѣлились съ берега идти въ свой домъ, около коего потомъ немалое время видали промышленныхъ съ ружьями; по таковой причинѣ не смѣли свободно выходить даже въ церковь, а въ домѣ отправляли всѣ церковныя службы болѣе года. — Когда-жъ наставало время собираться въ партію для промысла бобровъ, тогда Кусковъ вооружилъ байдару не только ружьями, но и пушкою, ѣздилъ на жила къ тѣмъ, кои были приведены къ присягѣ; а для большей славы приказано было партовщику Кондакову ѣхать впереди, который, подъѣзжая къ жиламъ съ непристойнымъ ругательствомъ и разными насмѣшками въ укоризну духовныхъ, громогласно кричалъ: „Встрѣчайте, попы ѣдутъ, да Осипъ (такъ называли переводчика), приводить васъ къ присягѣ!“ И когда на берегу отъ байдары выносили руль, въ то время кричали всѣ: „вотъ вамъ кресты!—прикладывайтесь!“—Да и какія дѣлали островитянамъ озлобленія, насилія и безчиства, о томъ стыдно и упоминать.—Барановъ наложилъ злодѣяннію сему личину, что будто американцы, по наученію духовныхъ и вышеупомянутыхъ офицеровъ, взбунтовались и хотѣли всѣхъ побить русскихъ; чего будто бы опасаясь, въ томъ своемъ походѣ Кусковъ набралъ аманатовъ. Послѣ сего Барановъ всѣми мѣрами старался притѣснять духовныхъ, какъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ, такъ и въ другихъ, для жизни потребныхъ, вещахъ.—1802 года, на Святую Пасху, присланный отъ Баранова пьяный промышленный Черновъ съ великою грубостію приказывалъ, именемъ Ва-

ранова, ієродіакону Нектарію отпереть колокольную. Ієродіако́нъ не хотѣлъ имъ отдать ключа, потому-что церковь однимъ замкомъ заперта, да и колоколъ большой разбить, то вышеупомянутый промышленный съ азартомъ грозилъ вытащить его насильно или выломать у колокольной окна. Между тѣмъ, переводчикъ Прянишниковъ, по болѣзни своей, просилъ запискою ієромонаха и ієродіакона осѣнить домъ ея святыми крестомъ. Когда они лишь только пришли, то вдругъ прибѣжалъ Барановъ съ своими промышленными, въ самомъ сильномъ жару гнѣва срамно кричалъ, ругалъ, грозилъ ієромонаха, посадивъ въ байдарку, отправить въ неизвѣстное мѣсто; ієродіакона, съ великимъ азартомъ схватя за грудь, хотѣлъ повѣсить на колокольнѣ, — чего онъ устрася принужденъ былъ отдать церковный ключъ.—При всѣхъ таковыхъ дерзостяхъ, промышленные, въ надеждѣ на своего правителя, говаривали: „до Бога высоко, а до Царя далеко; только-бы былъ здоровъ нашъ начальникъ!“ — По вышеписаннымъ всѣмъ обстоятельствамъ, уже какъ американцы не смѣли явно ходить къ духовнымъ, такъ и духовные опасались имѣть съ ними по должности своей обращеніе, въ коемъ они находили удобный случай внушать имъ христіанское ученіе; успѣхъ духовной миссіи не соответствуетъ предполагаемому чаянію, ибо земляки наши, обязавшіеся служить въ Компаніи, по большой части, самыхъ испорченныхъ нравовъ, какъ самъ здѣшній правитель безпрестанно въ разговорахъ аттестуетъ ихъ народомъ „сз Камы, да сз Волги“; а американцы отягчены непрерывными работами и такъ раздражены, что вездѣ, гдѣ только начинаютъ заводить заселеніе, (русскіе) навлекаютъ на себя ненависть. Даже въ отдаленныхъ окрестныхъ народахъ имя *русскихъ* сдѣлалось не-

навистнымъ. Женщины еще во утробѣ, а иногда и послѣ, убиваютъ младенцевъ для того, чтобы избавить ихъ отъ мученія Компаніи. Текушаго года зимою на жилахъ острова Шалитока матери отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ ребятъ нарочито не стали кормить и голодомъ уморили пятерыхъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ не были работники русскими". — Мы представляемъ только самую суть удручающей души картины, не изиѣняя красокъ; а желающихъ подробно ознакомиться съ ея темнымъ, мрачнымъ фономъ и всѣми деталями, отсылаемъ къ рукописи.

Воистину неизмѣримо долготерпѣніе Создателя къ нарушителямъ Его святаго закона! И не единый-ли Богъ, всесильною благодатию Своею, поддерживалъ и укрѣплялъ и миссіонеровъ на ихъ многотрудномъ, тернистомъ пути, и несчастныхъ американцевъ въ ихъ тяжелой долѣ! По обычному, человѣческому разсужденію, оставшіеся въ живыхъ миссіонеры могли позавидовать участи умершихъ—убитому дикарями іером. Ювеналію и утонувшимъ на суднѣ *Фениксъ*—епископу Іоасафу, іером. Макарію и іерод. Стефану. Но Спаситель сказалъ: *„Блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и издедутъ, и рекутъ всякъ злъ глаголъ на вы лжуще, мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ“* (Ев. Мате., V, 11—12). Лишь при чудномъ содѣйствіи истинно-христіанскаго терпѣнія, воодушевленные всесильнымъ чувствомъ любви къ Богу и любви къ ближнему, миссіонеры могли, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, исполнять, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, свое высокое назначеніе—поддерживать въ новообращенномъ народѣ свѣтъ вѣры Христовой чрезъ богослуженіе и св. таинства, своимъ духовнымъ наставленіемъ и утѣшеніемъ укрѣплять народъ къ перенесенію всѣхъ скорбей и напастей въ не-

предложной надеждѣ на обѣтованныя Спасителемъ воздаянія въ жизни вѣчной. Такъ они и поступали. А еслибы не такъ — быть можетъ, и на Кадьякѣ выведенными изъ терѣннѣя туземцами было-бы оказано такое-же жестокое противодѣйствіе компанейскиимъ властямъ и наемникамъ, какое Барановъ съ своими клеветами встрѣтилъ отъ *колоши*; между тѣмъ, впоследствии, при болѣе гуманномъ обращеніи, тѣ же *дикие колоши*, — по свидѣтельству о. Іоанна Веніамінова, — оказались людьми добрыми, мягкими, вполне способными къ воспріятію христіанства.

При отъѣздѣ своемъ въ Иркутскъ, архимандритъ Іоасафъ оставилъ на Кадьякѣ четырехъ миссіонеровъ, которыхъ нашелъ тамъ и іером. Гедеонъ: „При священнослуженіи — іеромонахъ Аѳанасій, ризничій — іеродіаконъ Нектарій, при экономической должности — монахи Германъ и Іоасафъ“. Всѣ они, по свидѣтельству іером. Гедеона, были — „люди, соотвѣтствующіе своему званію; всѣ они, по мѣрѣ силъ своихъ, старались о ученіи здѣшняго народа“.

Отъ самаго пріѣзда на Кадьякъ миссіонеры жили въ селеніи у Павловской гавани. Тамъ, немедленно по прибытіи миссіи, была, какъ мы знаемъ, построена церковь во имя Воскресенія Христова, деревянная, пришедшая въ ветхость уже ко времени прибытія на Кадьякъ іером. Гедеона, т. е. въ короткій промежутокъ десяти лѣтъ. О постройкѣ церкви писали миссіонеры въ самыхъ первыхъ своихъ сообщеніяхъ игумену Назарію; а удобства собственной жизни ихъ, очевидно, занимали слишкомъ мало. Дожившіе до пріѣзда въ Америку іером. Гедеона четыре вышеупомянутыхъ миссіонера поищивались тамъ же, въ Павловской гавани, въ одной домѣ, данномъ отъ Компа-

ній, въ тѣсномъ мѣстѣ, между домовъ правительскимъ и общеою компанейскою банею; домъ былъ ветхій. Въ то время въ Павловской гавани было не мало разныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ зданій, сгруппированныхъ около церкви и составлявшихъ цѣлое небольшое селеніе; всѣ зданія были деревянные: правительскіе дома, контора, казармы для промышленныхъ, магазинъ для пушныхъ товаровъ, лавки съ погребами, гостинные покои, сараи, кузница съ слесарнею и т. п. На приложенномъ нами рисункѣ (II) С. И. Яновскаго, относящемся къ 1817—1819 гг., изображены та же церковь съ колокольною и, вѣроятно, тѣ же или приблизительно тѣ же постройки, какія были и въ 1805 году, при іеромонахѣ Гедеоны. Одинъ изъ домовъ, представленныхъ на этомъ рисункѣ, служилъ помѣщеніемъ для духовной миссіи. Не важно, который именно домъ. Но рисунокъ мы приложили не даромъ. Въ этомъ ветхомъ храмѣ, съ протекавшею отъ дождя крышею, совершалось великое дѣло просвѣщенія народа свѣтомъ вѣры истинной; сюда угнетенный народъ приносилъ тяжкое бремя своей душевной тоски, — и уходилъ облегченный словомъ христіанскаго утѣшенія.

По буквѣ, миссія должна была, со времени учрежденія Россійско-Американской Компаніи, содержаться на счетъ послѣдней; отчасти оно такъ и было; но, какъ мы уже знаемъ, Барановъ всячески старался тѣснить миссіонеровъ, и вотъ что сообщаетъ іером. Гедеоны: „Пропитаніе имѣютъ, по большей части, отъ своихъ трудовъ; кромѣ обработыванія огородовъ, собираютъ разные ягоды и грибы, ловятъ рыбу. Всѣ таковыя труды производить съ помощію приласканныхъ американцевъ, коихъ Компанія старалась всѣми силами отогнать“. Конечно привыкшему къ постоянному и разнообразному труду Вачаг-

скому монаху и тяжело было бы остаться безъ труда, — разъ находилась для того свободная минута; притомъ двое изъ членовъ миссіи (монахи Германъ и Іоасафъ) долгое время состояли собственно „при экономической части“. Хозяйственная дѣятельность нашихъ миссіонеровъ началась немедленно по прибытіи въ Америку. Уже въ маѣ 1795 года о. Германъ писалъ иг. Назарію: „Хотя у насъ хлѣбомъ и бѣдно, а можетъ быть и хлѣбъ бы сталъ родиться, еслибъ стараніе приложить: можно сыскать способныя мѣста; но у насъ нынѣ управитель въ компаніи Барановъ, человѣкъ богатый, а къ тому-жъ гордый, весьма роскошный и нимало о такихъ вещахъ не старается. У насъ родится рѣпа, картофель и всѣ огородныя овощи, а огурцы не пробованы, также и хлѣбъ; но одинъ воляжный посѣялъ ячмень въ одно лѣто фунтъ, а взялъ полтора пуда, а въ другое сѣялъ — не было. Морскіе туманы — и ничего не родилось“. Ко времени прибытія на Кадыакъ іеромонаха Гедеопа, миссіонеры — „собственными трудами развели огороды. съ коихъ въ въ иной годъ получали до восьмидесяти четвериковъ картофеля; рѣпы и рѣдьки также въ довольномъ количествѣ. Изъ картофеля дѣлали муку; рѣпу: изрубивъ въ мелкія части, квасили, недостатокъ соли пополняя морскою водою, и употребляли чрезъ всю зиму и лѣто вмѣсто капусты. Остающимися избытками своихъ трудовъ вспомоествуя бѣднымъ жителямъ и, по должности проповѣдниковъ, имѣя ласковое обращеніе, впечатлѣли въ умахъ американцевъ доброе о себѣ мнѣніе“. Мы не безъ причины остановились и на хозяйственной сторонѣ дѣятельности миссіонеровъ. Пріучить американцевъ къ хозяйству, показать имъ способы воздѣлыванія культурныхъ растеній, которыя, въ случаѣ недостатка рыбы и мяса

морскихъ животныхъ, могли бы избавить жителей отъ періодическихъ голодовокъ, — все это, по здравому смыслу, составляло прямую обязанность компанейскихъ властей; но послѣднія и не думали заботиться объ этомъ, помышляя только о роскоши, щегольствѣ, удовлетвореніи своихъ эгоистическихъ инстинктовъ. Тѣ же миссіонеры учили туземцевъ первымъ началамъ хозяйственной культуры; тѣ же миссіонеры показывали собою примѣръ благогородной привычки къ труду; тѣ же миссіонеры дѣлились съ бѣднѣйшими туземцами избытками своего праведнаго труда; такъ-что и тутъ миссіонеры дѣйствовали въ духѣ любви христіанской. Кромѣ того, они не обременяли, или менѣе обременяли, другихъ своимъ содержаніемъ; а это также важно. Не даромъ американцы питали вообще такое сильное расположеніе и уваженіе къ членамъ миссіи.

Собственно миссіонерская, проповѣдническая дѣятельность іеромонаха Гедсона была непродолжительна по времени и не широка по размѣрамъ. 26 іюля 1804 года онъ отправился съ компанейскимъ переводчикомъ въ двухъ трехлючныхъ байдаркахъ, для проповѣди слова Божія, вокругъ всего Кадьяка, также и на прилежащіе къ нему острова. Бывъ на всѣхъ алеутскихъ жилахъ, старался, по мѣрѣ способности моей, внушать новопросвѣщаемымъ то, что необходимо нужно для вѣры, добродѣтелей гражданскихъ и жизни хозяйственной. Всѣми мѣрами старался зникать въ прежіе ихъ предразсудки, кои непримѣтно раскрывая дружелюбными совѣтами, показывалъ имъ очевидную глупость и вредъ, отъ вкорененія ихъ происходящія, и такимъ образомъ доводилъ ихъ къ правиламъ истиннаго Богопочитанія. Судя наружно, кажется, слушали меня охотно; случалось не-

рѣдко, что болѣе 8-ми часовъ просиживали, не вставая и не отходя прочь. Вездѣ принимали ласково.—Во все время моего объѣзда, т. е. въ два мѣсяца и пять дней, крестилъ обоего пола 503 души, отъ 1-го до 10-ти лѣтъ; въ томъ же числѣ 22 души сорока-лѣтнихъ; 38 паръ обвѣнчалъ. — Въ прочее время отъ досуговъ своихъ занимался сочиненіемъ и сказываніемъ проповѣдей. Приготовилъ учителемъ для кадьякскаго училища іеродіакона Нектарія, который имѣетъ великую охоту и способность къ наукамъ, особенно — къ механикѣ. До приѣзда моего онъ самъ, безъ руководства другихъ, выучилъ грамматику руссійскую; такимъ же образомъ выучился самъ дѣлать и часы стѣнные. Я ему показалъ первоначальныя основанія прочихъ наукъ: ариметики, исторіи и географіи; обучается еще и французскому языку“. Кромѣ всего прочаго, іеромонахъ Гедесонъ перевелъ на кадьяксій языкъ *Молитву Господню*, которую въ его время пѣли въ церкви и учили въ школахъ. Но всего болѣе просвѣтительные труды его выразились въ устройствѣ училища на Кадьякѣ. Оно было открыто въ 1805 году и раздѣлялось на два класса. Первоначально въ первомъ классѣ тридцать человѣкъ обучались чтенію, писму и краткому катихизису; во второмъ двадцать мальчиковъ учились русской грамматикѣ, ариметикѣ, географіи, священной и гражданской исторіи. Не была забыта и часть хозяйственная: въ свободные часы школьниковъ приучали устраивать огороды, садить и сѣять овощи, полоть, собирать нужныя травы, корни и удить рыбу; было отдѣленіе и для обученія сапожному и башмачному ремесламъ. Іеродіаконъ Нектарій, какъ мы уже знаемъ, былъ подготовляемъ для учительской должности іеромонахомъ Гедесономъ; хозяйственная часть, конечно,

не обходилась безъ ближайшаго участія нашихъ миссіонеровъ, какъ специалистовъ по этому дѣлу. Безъ сомнѣнія, въ школу привлекались прежде всего русскіе мальчики; но великое благодѣяніе заключалось уже и въ томъ, что школа могла выпускать людей лучшаго направленія. Сначала дѣло пошло успѣшно, по крайней мѣрѣ — съ наружной стороны: не прошло и года, какъ въ школѣ удачно былъ произведенъ публичный экзаменъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, морскихъ офицеровъ и уполномоченнаго отъ правительства для обрѣзаванія и устройства нашихъ американскихъ владѣній — вышеупомянутаго Н. П. Резанова. Первые годы царствованія Императора Александра I были вообще проникнуты просвѣтительными стремленіями; а такъ какъ въ Америкѣ, въ описываемое нами время, находился уполномоченный отъ правительства (г. Резановъ), воодушевленный тѣми же стремленіями, то ни компанейскія власти, ни самъ Барановъ *не смѣли* оказывать тогда явнаго противодѣйствія благимъ начинаніямъ іером. Гедеоны относительно народнаго просвѣщенія. Вскорѣ число учениковъ въ школѣ, включая и хозяйственное отдѣленіе, возрасло до восьмидесяти, а затѣмъ—даже до ста человѣкъ; между ними были уже не одни русскіе, но и туземцы, не исключая аманатовъ изъ племени *колошей*. Въ 1807 году въ училищѣ былъ произведенъ второй публичный экзаменъ; затѣмъ, бывшіе воспитанники училища сами стали занимать учительскія мѣста въ немъ. Наши миссіонеры, а въ особенности о. Германъ, были дѣятельными, усердными сотрудниками іером. Гедеоны. Но цвѣтущее состояніе училища едва ли было продолжительно. Уполномоченный отъ правительства Н. П. Резановъ скоро оставилъ Америку;

а въ іюнѣ 1807 года отбылъ въ Россію и о. Гедeonъ. Онъ и раньше порывался изъ Америкы. Вотъ приписка къ письму его отъ 5 іюня 1805 года, адресованному къ митрополиту Америкѣ: „Святѣйшій архипастырѣ! Услыши и мой вопль! Не отврати лица Твоего, высокомогостивый отецъ, отъ отрока малаго, единого отъ святительскаго Твоего дома, яко скорблю; скоро, скоро услышиши! Изведи изъ темницы душу мою, неповѣдатися имени Твоему!“ Очевидно, не легко было на душѣ писавшаго эти строки, и понятно — почему. Даже испытанные въ терпѣніи Валаамскіе иноки не всѣ были въ силахъ переносить тяжелую пытку деспотизма компанейскихъ властей съ Барановымъ во главѣ. Только престарѣлые іеромонахъ *Аванасій* (въ то время 50 лѣтъ) и монахъ *Германъ* (48 лѣтъ) безбоязненно выразили добровольное желаніе остаться въ Америкѣ, — хотя, конечно, и предвидѣли, что, съ отъѣздомъ г. Резанова и о. Гедeона, прежній порядокъ вещей, прежнее самовластіе Баранова и прежнія притѣсненія возобновятся. Когда было необходимо, Барановъ умѣлъ маскироваться и представлялся человѣкомъ совсѣмъ иного рода, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Два другіе члена миссіи—іеродіаконъ Нектарій (36 лѣтъ) и монахъ Іоасафъ (32 лѣтъ)—всею душою стремились возвратиться въ Россію. За нихъ ходатайствовалъ іеромонахъ Гедeонъ передъ митрополитомъ: „Іеродіаконъ Нектарій, монахъ Іоасафъ крайнее имѣютъ желаніе выѣхать въ Россію, — на что, съ воздыханіемъ сердечнымъ, просятъ и молятъ Твоего, Святѣйшій и высокомогостивѣйшій Отецъ, архипастырскаго благословенія. Да исправится молитва ихъ предъ Тобою, Святителю Христовъ, яко кадило благовонное! Ибо сердца ихъ скорби исполнены. Утѣши ихъ, благій утѣшителю Церкви

Россійской!“ Это было писано въ 1805 году; а въ 1806 году іеродіаконъ Нектарій выбылъ въ Россію. Онъ, какъ мы знаемъ, скончался іеромонахомъ въ Киренскомъ монастырѣ близъ Иркутска, въ 1814 году. Монахъ-же Іоасафъ остался въ Америкѣ вмѣстѣ съ двумя другими миссіонерами. Такимъ образомъ, ко времени отъѣзда іером. Гедеоны въ Россію, въ 1807 г., изъ всѣхъ нашихъ миссіонеровъ на Кадьякѣ оставались только трое: іеромонахъ Аванасій, монахъ Іоасафъ и монахъ Германъ. Іеромонахъ Гедeonъ, насколько это зависѣло отъ него, урегулировалъ отношенія компанейскихъ властей къ миссіонерамъ, вслѣдствіе стараясь оградить послѣднихъ и въ ихъ жизни, и въ ихъ дѣятельности, которую онъ намѣтилъ и опредѣлилъ, согласно видамъ правительства. О. Германъ пользовался всегда полнымъ уваженіемъ и совершеннымъ довѣріемъ отъ всѣхъ, кто зналъ этого *святаго старца*. Архимандритъ Іоасафъ, отдавая различныя распоряженія, между прочимъ, писалъ къ нему, отъ 8 іюня 1798 года: „О многомъ вамъ напоминать считаю за излишнее; вы сами можете все располагать сообразно обстоятельствамъ, каковыя съ вами встрѣтятся могутъ“. Еще яснѣе глубокое уваженіе къ великому труженику и полное довѣріе къ его силамъ и способностямъ выражается въ письмѣ іеромонаха Гедеоны (отъ 11 іюня 1807 года), который, въ силу данныхъ ему полномочій, всецѣло поручалъ о. Герману распоряженіе всеми дѣлами миссіи и всея заботы о религіозномъ, нравственномъ и гражданскомъ просвѣщеніи американцевъ: „Преподобный отецъ Германъ! Отправляясь теперь въ С.-Петербургъ, по долгу моему, непремѣнно-нужнымъ призналъ поручить вамъ начальство американо-кадьякской духовной миссіи,—о чемъ я уже уведомилъ правителя здѣшнихъ областей Але-

ксандри Андреевича Баранова. Отдавая мою достодожную вашимъ достоинствамъ и вашей благотѣльной о пользѣ здѣшняго края ревности, мою признательность, лестною питаю себя надеждою, что не оставите вы опытными своими наставленіями вкоренить въ сердца росіянъ и американцевъ правила истиннаго Богопознанія, любовь къ отечеству и дружественную между обоими племенами связь. Извѣстно вамъ, что духовныхъ есть первый долгъ показывать образъ христіанской святости въ житіи своемъ; то я не сомнѣваюсь, что вы употребите должное нѣ въ томъ руководство. Особенно вашему преподобію предлежитъ, да всякъ въ должности, въ какую оныя призванъ, пребываетъ радѣтельно, честно и благородно.—По прибытіи моемъ въ дикообразный и удаленный сей край, первое воззрѣніе какъ на суровость климата, такъ на нагую грубость природы сотрясало все мои чувства ужасомъ. Но, когда увидѣлъ возжелѣнные плоды ревностныхъ вашихъ успѣховъ въ ласковомъ съ американцами обращеніи и въ производимомъ чрезъ нихъ земледѣліи и хозяйственной экономіи, то таковая неожиданная пріятность наполнила духъ мой сладкимъ спокойствіемъ. Да и его превосходительство (Н. П. Резановъ), по пріѣздѣ своемъ, съ подобнымъ взирая удовольствіемъ на таковыя ваши въ диковинной сей странѣ произведенія, къ большому еще поощренію, лично при васъ наградилъ приласканныхъ вами американцевъ за ихъ къ вамъ послушаніе въ трудолюбіи. Потому, для образованія края сего, призналъ за лучшее во основаніе положить три начала: 1-ое, земледѣліе, 2-ое, просвѣщеніе, 3-е, размноженіе народа, и просилъ меня напрягать къ тому всехъ умы, чтобъ скорѣе можно было облагодѣлствовать край сей. И я, съ своей стороны, при отъѣздѣ

моемъ, вамъ, какъ оныя начала уже положившимъ, напоминаю имѣть еще наибольшее о томъ попеченіе, впрочемъ, почитая излишнимъ о сихъ подробностяхъ объяснять вамъ, какъ довольно въ томъ опытнымъ. Помощь-же въ ономъ можете получать отъ Компаніи, — о чемъ отъ его превосходительства (Н. П. Резанова) уже конторѣ предписано, и отъ меня сообщено Александру Андреевичу Баранову. — Съ удовольствіемъ поручаю особенному вашему преподобію попеченію заведенное мною Россійско-Американское Училище. Установленный въ ономъ порядокъ долженъ быть и впредь сохраняемъ. Наставленіе въ училище отъ меня оставлено. Учителемъ признанъ Иванъ Кадьякскій, товарищемъ его Христофоръ Прянишниковъ и помощникомъ при нихъ Алексѣй Котельниковъ. Парамону Чумовицкому, при спомоществованіи другихъ, ввѣрено собраніе словаря алеутскаго языка, также и сокращенное начертаніе грамматики того-жъ языка; онъ долженъ быть и переводчикомъ при васъ. Также за отрядомъ учениковъ земледѣлія имѣйте должное смотрѣніе и прилежаніе. Зависящіе къ тому способы Компанія долгъ имѣть доставить вамъ. Болѣе всего потщитесь напоить юныя сердца ихъ правилами вѣры, страха Божія и всей нравственности. Любовь ваша ко всему благому не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться, что все сіе отъ васъ наилучшимъ образомъ исполнено быть имѣетъ“.

Замѣтимъ, что Чумовицкій и назначенные учителями Кадьякскаго училища—Иванъ Кадьякскій, Прянишниковъ и Котельниковъ—все были изъ учениковъ того же училища. Для малаго времени было сдѣлано много. Не сомнѣваемся въ благихъ namѣреніяхъ и высокихъ стремленіяхъ какъ о. Гедеона, такъ и Н. П. Резанова. Не

сомнѣваемся и въ томъ, что у о. Германа довольно было и умѣнья и способностей и терпѣнія, чтобы продолжать дѣло. Компанейскія власти, въ силу предписаній, обязаны были оказывать ему всякое содѣйствіе. Но нерѣдко весьма многое, что представляется въ самомъ лучшемъ видѣ на бумагѣ, далеко не таковымъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Излишнія надежды часто бываютъ обманчивы. Слишкомъ скорый успѣхъ подозрителенъ. Для того чтобы быстро совершаемое было вмѣстѣ и прочно, необходимо таинственное содѣйствіе благодати Божіей. Въ обычныхъ же дѣлахъ человѣческихъ дѣйствуютъ и обычные причины и условія, людскія создаваемые, зависящія отъ ихъ свободной воли. По отъѣздѣ изъ Америки Н. П. Резанова и іеромонаха Гедеопа, вмѣсто содѣйствія отъ компанейскихъ властей не встрѣтили ли наши миссіонеры вновь прежняго противодѣйствія? Есть основаніе думать, что было именно такъ: вѣдь названнымъ властямъ теперь уже некою было бояться; а эти люди воздерживались отъ зла только за страхъ, а никакъ не за совѣсть. О дальной дѣятельности миссіонеровъ свѣдѣнія наши крайне ограниченны. Іеромонахъ Аѳанасій и монахъ Іосафъ исполняли, каждый, свои прямыя, опредѣленныя обязанности: первый священника при Кадыкской церкви, вплодь до отбытія въ Россію, въ 1825 году; послѣдній — по хозяйственной части и по заведыванію церковнымъ имуществомъ, вплодь до смерти, постигшей его на мѣстѣ служенія въ Америкѣ, въ 1828 году. На нихъ какъ на лицъ второстепенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, конечно, менѣе ложилась тягость давленія отъ компанейскихъ властей, чѣмъ на о. Германа. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ боролся, пока представлялась хотя какая-нибудь возможность. Какова была участь училища и всего того, что

г. Резановъ и іеромонахъ Гедeonъ старались насадить и развить на Кадьякѣ—намъ неизвѣстно. По какимъ причинамъ и когда монахъ Германъ оставилъ Кадьякъ—мы тоже не знаемъ. Что въ послѣднемъ обстоятельствѣ играли роль преклонный возрастъ и наклонность къ уединенію—весьма возможно; но, несомнѣнно, тутъ дѣйствовали не только эти причины: въ о. Германѣ слишкомъ сильна была активная любовь къ людямъ; до конца дней онъ не прекращалъ полезной дѣятельности на пользу ближняго; къ терпѣнію скорбей онъ привыкъ. Не для того-ли онъ и удалился съ Кадьяка, чтобы *сохранить хотя какую-нибудь возможность для своей плодотворной дѣятельности и благотворнаго слиянія на бѣдный, угнетенный народъ?* Какъ бы то ни было, пріѣздъ на Кадьякъ С. И. Яновскаго (1818 г.) застаётъ уже о. Германа живущимъ на уединенномъ, лѣсистомъ островѣ Еловомъ, отдѣленномъ отъ Кадьяка небольшимъ разстояніемъ. По временамъ о. Германъ пріѣзжалъ на Кадьякъ, и на Еловый ѣздили привыкшіе къ старцу и любившіе его американцы.—„Во время пребыванія моего на о. Кадьякѣ, — пишетъ г. Яновскій, — туда завезена была заразительная, повальная, смертная болѣзнь, или язва, которая начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ, кашлемъ, удушьемъ, оканчивалась колющимъ — въ три дня человекъ умиралъ. Ни доктора, ни лекарствъ тамъ не было: болѣзнь быстро распространилась по всему селенію и скоро перешла на всѣ близлежащія селенія. Зараза дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Смертность была такъ велика, что три дня не было людей копать могилы, и тѣла валялись незарытыми. Я не могу представить ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ, посѣтивши алеутскій

кажимъ. Это—большой сарай, или казарма съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями. Въ немъ помѣщалось всего да ста человѣкъ; я обошелъ всѣхъ. разговаривалъ, спрашивалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ. Нѣкоторые лежали уже умершіе, остывшіе, подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздирающій сердце. Я видѣлъ матерей уже умершихъ, на окладѣвшихъ грудяхъ которыхъ ползали голодные дѣти, съ воплемъ, стараясь найти себѣ пищу; но—тщетно! Кровью обливало мое сердце отъ жалости, видѣвши поражающую ужасомъ эту печальную картину смерти. Нѣтъ кисти, достойной изобразить ее, для напоминанія тѣмъ, которые безопасно утопаютъ въ роскоши, забывая о смерти!“

Что же о. Германъ — безучастно пребывалъ въ своемъ пустынномъ уединеніи? Нѣтъ, — „ревностный старецъ неутомимо, съ великимъ самоотверженіемъ посѣщалъ больныхъ, не щадя себя; какъ духовный, увѣщевалъ терпѣть, молиться, приносить покаяніе и приготовлялъ къ смерти“. Не пощадила болѣзнь ни самого г. Яновскаго, который, по долгу начальника, также посѣщалъ жилища алеутовъ, ни его семейства; всѣ перехворали; „только о. Германъ не былъ боленъ“: Богъ невидимо хранилъ вѣрнаго раба своего. Тамъ же, на Кадыкѣ, въ миссіонерскомъ домѣ, или монастырѣ, жилъ о. Германъ во все продолженіе времени, пока ежедневно посѣщалъ г. Яновскаго, ради обращенія послѣдняго изъ мрака заблужденія и невѣрія къ свѣту истинной вѣры. Вѣроятно, полный христіанскою любви къ людямъ старецъ оставлялъ свое пустынное уединеніе и въ другихъ необходимыхъ случаяхъ, ради пользы ближняго. Но и въ своей пустынѣ, на о. Еловомъ, онъ не лишалъ приходившихъ или, вѣрнѣе, пріѣзжавшихъ къ нему американцевъ ду-

ховныхъ наставленій и утѣшеній. Рѣчь его, по свидѣтельству г. Яновскаго, всегда отличалась силой, убѣдительною и никогда не вращалась около предметовъ пустыхъ и ничтожныхъ. Напротивъ, всегда онъ говорилъ о Богѣ, о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о чудесахъ Божіихъ, о святыхъ угодникахъ, рассказывалъ изъ житій святыхъ, изъ *Пролога*. Разумѣется, все онъ умѣлъ приѣннить къ степени развитія и жизненнымъ обстоятельствамъ слушателей, и потому-то и простые алеуты, и даже женщины „любили слушать его“. Вотъ что рассказываетъ г. Яновскій о жизни о. Германа на островѣ Еловомъ: „У него была келья, т. е. избышка, огородъ, сѣти; самъ трудился: садилъ картофель, капусту, копалъ гряды, ловилъ рыбу и запасалъ на зиму. Алеуты обоего пола и дѣти часто пріѣзжали къ нему: за совѣтами, съ жалобами на притѣсненія, прося его зашиты, и съ разными своими нуждами; иногда они привозили ему рыбу и помогали ему въ работахъ. Онъ всегда имъ дѣлалъ разбирательства; мирилъ ихъ; помогалъ, чѣмъ могъ. Въ воскресные и праздничные дни многіе пріѣзжали къ нему для молитвы. О. Германъ читалъ часы, Апостолъ, Евангеліе и поучалъ. Дѣтей надѣлялъ сухариками или пекъ (имъ) крендельки; дѣти его очень любили, да и онъ любилъ ихъ“. — „Онъ старался всѣхъ мирить, особливо въ семействахъ возстановлялъ миръ; если же не удавалось помирить, то на нѣкоторое время разлучалъ мужа съ женою, — это онъ мнѣ самъ говорилъ: лучше пусть живутъ врозь, да не дерутся, не ссорятся; а то, если не развести, бывали примѣры, что мужъ убивалъ жену, или жена изводила мужа“. Какой вѣрный, жизненный взглядъ, чуждый всякихъ предразсудковъ! Жизнь онъ велъ самую строгую,

аскетическую: мало ѣлъ, много молился, мало спалъ, не-
престанно трудился. О его подвижнической жизни еди-
ногласно свидѣтельствуютъ все знавшіе его лично или
послѣ слышавшіе о немъ. Одѣвался онъ слѣдующимъ
образомъ: по голому тѣлу надѣта была оленья кутлянка,
въ родѣ рубашки, которую онъ много лѣтъ не снималъ,
такъ-что вся шерсть, отъ времени, вытерлась, а кожа
засалилась; порты холщевые; сапоги, или башмаки;
подрясникъ; ветхая, полинялая ряса, во многихъ мѣ-
стахъ зашитая рубцами и латками, и клобукъ. Въ этой
болѣе чѣмъ скромной одеждѣ ходилъ онъ во всякую по-
году—въ дождь и мятель, въ бурю и холодъ. Спалъ
чуть не на голыхъ доскахъ, и доска же служила ему
вмѣсто одѣяла. Но строгій къ себѣ въ своей уединен-
ной, келейной жизни, онъ вовсе не былъ требователемъ
къ другимъ; да и себя не старался показывать постыжимъ
предъ людьми. У того же г. Яновскаго онъ пилъ и
ѣлъ все то, что остальные пили и ѣли, впрочемъ — за
исключеніемъ мяса; онъ не приносилъ съ собой давящей
тяжести ханжи и лицейбра. Хотя его умъ и сердце не
престанно обращены были къ Богу, но, между прочимъ,
и изъ писемъ его видно, что ничто человѣческое, кромѣ
дурного и порочнаго, не было ему чуждо. Старааясь все-
ми зависящими способами быть истинно полезнымъ аме-
риканцамъ, онъ на островѣ Еловомъ устроилъ школу,
въ которой самъ обучалъ небольшое число учениковъ и
ученицъ чтенію, письму, закону Божию и церковному
пѣнію. Впослѣдствіи эти ученики и ученицы помогали
старцу при молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ въ построенной
на Еловомъ часовнѣ. И ученики, и ученицы жили тутъ
же, на о. Еловомъ. Приложенный къ нашему изданію
рисунокъ (III—видъ о. Еловаго) представляетъ общую

картину острова, съ лѣсомъ и ручьемъ, келью о. Германа, школу и т. д. Усердно трудился о. Германъ; трудились и его ученики и ученицы, которыхъ онъ приучалъ ко всѣмъ хозяйственнымъ работамъ, — и отъ этихъ трудовъ получали пропитаніе. Хотя главное вниманіе старца было обращено на духовно-нравственное воспитаніе дѣтей, но они также работали въ огородѣ, ловили рыбу и т. п. Вообще, о. Германъ приносилъ великую пользу туземцамъ, и свѣтлая личность его глубоко и надолго запечатлѣлась въ ихъ памяти. Его дѣятельность тѣмъ-то и замѣчательна, что она совершалась скромно, незамѣтно, при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, а между тѣмъ всегда и всецѣло была направлена къ одной высокой цѣли. Его смиреніе, по истинѣ, поразительно. При его силахъ и способностяхъ, при его умѣ, другой всѣми мѣрами сталъ-бы искать дѣятельности блестящей, на обширномъ поприщѣ; другой давно оставилъ бы то скромное служеніе, которому о. Германъ остался неизмѣнно вѣренъ до конца жизни. Онъ умѣлъ смирять себя и подчинять неисповѣдимымъ судьбамъ Божественнаго произволенія. Долгіе годы несъ онъ свой подвигъ; а скорби, наносимыя людскою злобою и завистью, не оставили *святого старца* и въ его пустынномъ уединеніи. Священникъ, пріѣхавшій изъ Иркутска, съ большимъ полномочіемъ, надѣлалъ о. Герману много огорченій и хотѣлъ даже отправить его въ Иркутскъ; но старца защитилъ правитель колоній — Муравьевъ. Вотъ что сообщаетъ о дѣйствіяхъ этого священника г. Яновскій: „О. Германа тѣснилъ, описалъ и отобралъ все его имущество, котораго оказалось на восемь тысячъ рублей ассигнаціями. Эти деньги и вещи собираемы были для построенія новой церкви, для возобновленія всего обвет-

павшаго строенія; а недобрые люди приписали это къ его корыстолюбію. Но этого не можетъ быть!“ Фактъ, что о. Германъ не отказывался принимать dobroхотныя приношенія для постройки новаго храма, указываетъ лишь на то, что и въ этомъ отношеніи нельзя было разсчитывать и надѣяться на компанейскія власти; притомъ же, изъ собираемаго онъ всегда оказывалъ помощь бѣднымъ. Другой священникъ, Фрументій Мардовскій, прибывшій на Кадьякъ въ 1825 году, на мѣсто іеромонаха Аѳанасія, явился на о. Еловый съ правителемъ колоній и компанейскими служителями обыскивать келью о. Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда же не нашли ничего цѣннаго, то служитель Пономаревъ, вѣроятно не безъ дозволенія старшихъ, сталъ топоромъ выворачивать половныя доски.

Всевидящій Богъ многообразными образами отличилъ и прославилъ своего вѣрнаго раба.

Дикіе звѣри и животныя не вредили святому старцу. Видѣли, напримѣръ, что о. Германъ кормилъ медвѣдей. Подъ кельею у него жили горностан. Этотъ маленькій звѣрекъ, когда ошенился, недоступенъ; а старецъ всегда кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ.

У о. Германа духъ несомнѣнно преобладалъ надъ тѣломъ. Зоркими очами души онъ видѣлъ ангеловъ Божіихъ и темныхъ духовъ зла. Онъ видѣлъ, какъ въ полночь на праздникъ Крещенія Господня ангелъ сходилъ съ небесъ и погружалъ крестъ въ воду. Взятую послѣ того освященную воду старецъ давалъ больнымъ, и тѣ получали исцѣленія. По переселеніи о. Германа на островъ Еловый, демоны приходили въ келью старца то въ человѣческомъ видѣ, то въ иныхъ образахъ.

Благодать Божія чудодѣйственно проявлялась чрезъ

святого старца. На Еловомъ сдѣлалось наводненіе. Жители (послѣ на Еловомъ посѣдились нѣсколько семей американцевъ) въ испугѣ прибѣжали къ о. Герману. Тогда онъ взялъ изъ дому своихъ воспитанниковъ икону Божіей Матери, вынесъ, поставилъ ее на лайдѣ и сталъ молиться. По молитвѣ обратясь къ присутствующимъ сказалъ: „не бойтесь,—далѣе этого мѣста, гдѣ стоитъ св. икона, не подойдетъ вода“; и слово его исполнилось. Однажды загорѣлся лѣсъ на островѣ Еловомъ. Старецъ съ ученикомъ своимъ Игнатіемъ въ чащѣ лѣса провелъ полосу, въ аршинъ шириною, до подошвы горы, разворочавъ мохъ, и сказалъ: „будьте спокойны,—огонь не перейдетъ этой чертой!“ На другой день, когда, по свидѣтельствѣ Игнатія, не было никакой надежды на спасеніе, съ сильнымъ напоромъ дошелъ огонь до развороченнаго старцемъ моху, пробѣжалъ вдоль его и остановился, не коснувшись густого лѣса, находившагося за чертой.

Далъ Богъ о. Герману и даръ предвѣдѣнія. — „Жаль мнѣ тебя, любезный кумъ“, — говорилъ онъ правителю Кашеварову, у котораго принималъ отъ купели сына, — „жаль: сѣѣна тебѣ будетъ непріятная!“ Года черезъ два Кашеваровъ, при сѣѣнѣ, связаннымъ былъ отправленъ на островъ Ситху. — Когда вышеупомянутый Пономарьковъ сталъ, при обыскѣ въ кельѣ, выворачивать половыя доски, о. Германъ сказалъ ему: „Другъ мой, напрасно ты взялъ топоръ: это орудіе лишитъ тебя жизни!“ Черезъ нѣсколько времени потребовались люди въ Николаевскій редутъ; почему съ Кадьяка послали туда русскихъ служителей, въ числѣ ихъ и Пономарькова; тамъ кенайцы ему, сонному, топоромъ отсѣкли голову. — Часто говорилъ старецъ, что въ Америкѣ будетъ свой архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не

думалъ; но пророчество его сбылось въ свое время. — „По смерти моей,—говорилъ онъ,—будетъ повальная болѣзнь, и умретъ отъ нея много людей, и русскіе соединять алеутовъ“. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ его кончины, было оспенное повѣтріе; смертность была поразительная: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ оставалось только по нѣскольку человѣкъ, и это побудило мѣстное начальство соединить алеутовъ: тогда изъ двадцати селеній образовалось только семь.—„Пройдетъ тридцать лѣтъ послѣ моей смерти, всѣ живущіе теперь на Еловомъ островѣ перекурутъ, ты останешься живъ одинъ и будешь старъ и бѣденъ,—и тогда вспомнать меня“. Такъ говорилъ о. Германъ ученику своему Игнатію. „Удивительно,—воскликаетъ послѣдній,—какъ подобный намъ человѣкъ могъ все это знать впередъ за такое долгое время! Впрочемъ, нѣтъ! онъ—не простой человѣкъ! Онъ мысли наши видѣлъ и невольно доводилъ до того, что мы ему ихъ открывали и получали наставленія!“ И до такой степени вѣрно опредѣлено время! Свѣдѣнія объ о. Германѣ, собранныя Константиномъ Ларіоновымъ, въ числѣ которыхъ находятся и воспоминанія Игнатія, относятся къ 1867 году; а о. Германъ умеръ въ 1837 году.

„Когда я умру,—говорилъ старецъ,—за священникомъ не посылайте и не дожидайтесь его: не дождетесь! Тѣла моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, зацеленайте меня въ мантию и ея воскриліями покройте мое лицо и клобукомъ голову. Если кто пожелаетъ проститься со мной, пусть цѣлуетъ крестъ; лица моего никому не показывайте. Опустивъ въ землю, покройте меня большимъ моимъ одѣяломъ“. Одѣяло это, какъ мы выше сказали, была доска, всегда находившаяся у него въ кельѣ.

Приближалось время отшествія старца. Однажды приказалъ онъ ученику своему Герасиму зажечь свѣчи предъ иконами и читать *Дьянія св. Апостоловъ*. Черезъ нѣсколько времени, лицо старца просіяло, и онъ громко произнесъ: „слава Тебѣ, Господи!“ Потомъ приказалъ прекратить чтеніе и объявилъ, что Господу угодно еще на недѣлю продлить его жизнь. Черезъ недѣлю, по приказанію о. Германа, опять были зажжены свѣчи, и читали *Дьянія св. Апостоловъ*. Тихо преклонилъ онъ свою главу на грудь Герасима, келья наполнилась благоуханія, просіяло лицо его,—и о. Германа не стало! Такъ блаженно почилъ онъ своимъ праведникомъ на 81 году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Несмотря на предсмертную волю о. Германа, ученики не рѣшились похоронить его, не давъ знать о смерти его въ гавань.

Посланный съ печальнымъ извѣстіемъ въ гавань, возвратясь, объявилъ, что правитель колоній запретилъ хоронить старца до своего пріѣзда, что онъ приказалъ сдѣлать для усопшаго гробъ, и что самъ съ священникомъ немедленно привезетъ его. Но такія распоряженія были противъ воли почившаго. И вотъ подулъ страшный вѣтеръ, полился дождь, сдѣлалась ужасная буря. Не великъ былъ переѣздъ изъ гавани на Еловый, всего часа два пути; но никто не рѣшался пуститься въ море въ такую погоду. Такъ было цѣлый мѣсяцъ. И хотя цѣлый мѣсяцъ лежало тѣло о. Германа въ тепломъ домѣ его воспитанниковъ, но не измѣнилось лицо его, и не было отъ тѣла яи малѣйшаго запаха. Наконецъ, съ опытнымъ старикомъ Козьмою Училищевымъ доставленъ былъ гробъ; изъ гаванскихъ никто болѣе не отважился поѣхать,—и жители о. Елового, одни, предали землѣ смертные

останки своего старца. Такъ исполнилось послѣднее желаніе о. Германа, — и затѣмъ вѣтеръ стихъ, и поверхность моря стала гладка, какъ зеркало.

Въ одинъ вечеръ въ селеніи Катани, на о. Афогнакъ, видѣнъ былъ надъ Еловымъ островомъ необыкновенно-свѣтлый столбъ, достигавшій до неба. Пораженные чудеснымъ явленіемъ, креоль Герасимъ Вологдинъ съ женою Анною и другіе жители говорили: „видю, о. Германъ оставилъ насъ!“ — и стали молиться. Послѣ они узнали, что именно въ эту ночь преставился старецъ. Въ тотъ-же вечеръ, въ другомъ селеніи на Афогнакъ видѣли человѣка, подымавшагося съ Еловаго острова къ облакамъ.

Похоронивъ своего отца и наставника, ученики поставили надъ его могилою деревянный памятникъ. Спустя тридцать лѣтъ, кадьяскій священникъ о. Петръ Кашеваровъ писалъ: „Теперь можно сказать, что я самъ видѣлъ надмогильный памятникъ отца Германа, до сихъ поръ — какъ будто сегодня сколоченный и нетронутый временемъ“.

„Вообще всѣ мѣстные жители, — свидѣтельствуется преосв. Петръ, — имѣютъ благоговѣйное уваженіе къ отцу Герману, какъ святому подвижнику, вполне увѣрены въ его богоугодности“.

Увѣрены и мы, ибо вся жизнь святого старца была, какъ мы показали, неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути заповѣдей Евангельскихъ, и не сомнѣваемся, что онъ удостоился небесныхъ наградъ, по непреложнымъ обѣтованіямъ Спасителя.

Закончимъ наши сказанія объ о. Германѣ повѣствованіемъ преосв. Иннокентія о чудесномъ случаѣ, происшедшемъ съ нимъ и его спутниками вслѣдствіе одного

упоминовенія имени святаго старца: „Въ 1842 году, плывя въ Кадьякъ, долго были въ морѣ и находились въ крайности, такъ что у насъ на 52 пассажира оставалось менѣе полубочки воды, и предъ входомъ въ Кадьякскую гавань насъ встрѣтилъ противный вѣтеръ, который дулъ ровно трое сутокъ. Въ это время судно наше ходило взадъ и впередъ (или по-морскому—лавировало) отъ южнаго мыса Кадьяка до Еловаго острова, гдѣ жилъ и скончался о. Германъ. На третій день къ вечеру, когда судно наше опять подошло къ Еловому острову (можетъ, 20-й или 30-й разъ), я, глядя на оный, сказалъ въ умѣ своемъ: „если ты, отецъ Германъ, угодилъ Господу, то пусть переимѣнится вѣтеръ“. И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, какъ вѣтеръ вдругъ сдѣлался попутный, и мы въ тотъ-же вечеръ вошли въ заливъ и стали на якорь. Потомъ я ѣздилъ на могилу и служилъ панихиду“.

Со смертію о. Германа прекратилась *Кадьякская миссія*.

Но, волею Божіею, сѣмя православной вѣры Христовой, посѣянное нашими миссіонерами, не заглохло. Православная церковь продолжала и понынѣ продолжаетъ существовать въ Америкѣ.

Изъ бывшихъ въ Кадьякской миссіи иноковъ Валаамской обители *іеромонахъ Ювеналій* пріять мученическую смерть на поприщѣ своего равноапостольнаго служенія; а *монахъ Германъ* долгіе годы оставался одиночникомъ, но яркимъ свѣтильникомъ православной вѣры, христіанской любви, нравственности и правды среди американцевъ. — „Да просвѣтитъ свѣтъ оный предъ

человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ“ (Ев. Матѣ., V, 16). И да послужатъ эти свѣтлыя личности живыми примѣрами истинно-плодотворной дѣятельности по заповѣдямъ Спасителя на великомъ и святомъ поприщѣ распространенія и укрѣпленія *православной вѣры христіанской—единой истинной!*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Матеріали для исторіи Кадьякской
миссіи 1794—1837 гг.

Приложеніе I.

Изъ перелиски, относящейся къ исторіи Кадьякской миссіи и жизни миссіонера о. Германа, Валаамскаго монаха.

№ I.

Разсказъ богомольца Лазарева о житіи монаха Германа.—
На подлинномъ помѣтна: Октября 1864 года.

Разсказъ богомольца Валаамскаго монастыря Царско-сельскаго жѣщанина Григорія Михайлова Лазарева о житіи монаха Германа, Американскаго миссіонера, слышанный имъ отъ ученика отца Германа—Герасима.

По разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, отданъ былъ приказъ въ Валаамскую Обитель, съ тѣмъ чтобы выбрать изъ братій и послать въ Сѣверозападный край, на островъ Кадьякъ, въ Павловскую гавань желающихъ въ миссію, то и были посланы три іеромонаха и одинъ монахъ, а именно: іеромонахи Нафанаилъ, Аеапасій и Юсафъ и монахъ Германъ. По прибытію ихъ въ Павловскую гавань они ожидали каждый своего жребія, а

ниенно: іеромонахъ Нафанаилъ прохаживаясь по морскому берегу и увидавъ, что стоитъ пустая маленькая лодочка вѣталъ къ востоку и воздѣлъ руки къ небу и принесъ Богу молитву и сѣлъ въ ту лодочку, что стояла у берегу, и отдался на волю Божию. Его принесло на островъ Нучикъ, отстоящій 250 миль, 300 верстъ, отъ острова Кадьяка. Выйдя на берегъ онъ началъ проповѣдывать слово Божіе, за что отъ дикихъ людей разстрѣленъ стрѣлами и тѣло его намъ и по нынѣ неизвѣстно; іеромонахъ Афанасій тоже намъ неизвѣстно; Іосафъ остался на островѣ Кадьякѣ,

А мы начнемъ подлежащее слово объ отцѣ Германѣ, монахъ отецъ Германъ, когда пріѣхалъ на островъ Еловой, то при первомъ вступленіи изъ лодки на землю сказалъ: благословенъ Богъ нашъ! буди сей островъ Новый Валаамъ; потомъ, помолвившись Богу ходилъ и разсматривалъ мѣстоположеніе острова, гдѣ и искалъ себѣ мѣсто уединенія, потомъ началъ копать пещеру въ землѣ своими руками, въ которой онъ жилъ одно лѣто, а въ послѣдствіи ходилъ молиться и плакать, а на зиму правительство близъ той пещеры выстроило келью, въ которой отецъ Германъ жилъ до своей смерти, гдѣ онъ занимался ручными работами, а о подвигахъ и трудахъ его мы не въ силахъ описать. Въ зимнее время онъ рубилъ дрова и заготовлялъ лѣтнія принадлежности, а лѣтомъ обрабатывалъ огороды, садилъ картофель, капусту и прочія овощи, которыми онъ питалъ себя и раздавалъ бѣднымъ. Хотя въ то время на островѣ Еловомъ не было постоянныхъ жителей а только пріѣзжающіе, которые ѣздили посѣщать отца Германа, а послѣ чрезъ малое время поселились жители на томъ островѣ, отъ келліи его въ пяти или въ шести верстахъ и начали

приходить къ нему и слушать его Божественныхъ словесъ и стали оставаться жить у него. Первая его ученица дѣвица Софія, а всѣхъ его ученицъ было двѣнадцать, а кто и откуда онѣ, то намъ неизвѣстно. Еще былъ у него ученикъ именемъ Герасимъ, котораго отецъ Германъ воспитывалъ у себя, потому что у Герасима не было ни отца ни матери по плоти; отецъ Германъ училъ всѣхъ вообще читать, писать и пѣть церковные гимны.

Однажды былъ посланъ ученикъ Герасимъ отцомъ Германомъ за благословенною потребою къ поселянамъ и возвращался домой. Была уже ночь зимняго время и вдругъ видѣть впереди себя человѣка, который нѣлъ ноги не обувенныя и подобранную рясу или мантию и несъ на себѣ древо, которое нужно было бы четыреиъ или пяти человѣкаиъ нести и Герасимъ узналъ, что это былъ отецъ Германъ, то и скрылся онъ въ лѣсу въ кустахъ и далъ уйти старцу. Когда ученикъ пришелъ домой, старецъ его спросилъ, давно ли ты пришелъ. а онъ хотѣлъ утаить и говорить, что я сейчасъ пришелъ. Старецъ спросилъ его, что ты видѣлъ дорогой, а ученикъ отвѣчалъ, что ничего не видалъ, а старецъ сказалъ, всякая ложь отъ діавола есть. Заиѣчалъ ученикъ что старецъ на праздникъ Богоявленіе Господне уходилъ на берегъ рѣки, которая близъ его дому была и сидѣлъ тамъ до полуночнаго часа и бралъ воду въ сосудъ и уходилъ домой. Однажды ученикъ его Герасимъ спросилъ старца: отче, на что ты берешь воду въ ночное время, а не днемъ? На это отвѣчалъ старецъ: въ сію ночь освящается вода отъ Ангела Божія. Ученикъ спросилъ его: отче, почему извѣстно что она освящается? Старецъ отвѣчалъ что: когда Ангелъ Божій сходитъ съ небесъ и погружаетъ крестъ Господенъ въ

воду, тогда вода колеблется. Ученикъ замѣчалъ, что когда кто-нибудь нездоровъ отъ ученицъ или отъ проходящихъ, то старецъ бралъ сію воду и давалъ пить или мыть больное мѣсто, отъ чего они получали исцѣленіе.

Служащіе въ Павловской гавани солдаты и прочіе не равнымъ случаемъ подпадали въ разныя несчастія, тогда они прибѣгали къ отцу Герману и просили у него помощи и защиты. Нерѣдко онъ писалъ къ мѣстному начальству, а то и самъ ходилъ къ начальству и избавлялъ отъ наказанія, какъ на примѣръ, однажды случилось одному служащему челоуѣку впасть въ погрѣшность противъ своего начальника Комерціи Совѣтника Кошеварова. Когда же Кошеваровъ назначилъ ему жестокое наказаніе, то служащій скрытно убѣжалъ отъ своего начальника и пришелъ къ отцу Герману и просилъ его защиты. Отецъ Германъ отложилъ свою старость, пошелъ къ Кошеварову и просилъ его о помилованіи преступника: но онъ не хотѣлъ его простить. Старецъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ говоря общая отъ Бога въ будущей жизни прощеніе тому, кто милуетъ своихъ подчиненныхъ и говоря много Евангельскихъ притчъ; но начальникъ будучи ожесточенъ, не хотѣлъ и смотрѣть; тогда старецъ не могъ удержаться отъ слезъ, заплакалъ и сказалъ, горе тому кто не милуетъ своихъ подчиненныхъ и не дѣлаетъ милости, а жена начальника Кошеварова сказала: не порицай насъ отче что мы не дѣлаемъ милости, а мы четыре раза въ годъ даемъ милости. На что отвѣчалъ старецъ, что это не ваша а Царская милость, а вы тогда только узнаете нужду бѣдныхъ когда сами будете во служеніи жить. Предсказаніе старца исполнилось въ скоромъ времени. Съвероза-

падной колоніи главный начальник баронъ Врангель, капитанъ 1-го ранга, Фердинандъ Петровичъ, пріѣхалъ на островъ Еловой. Старецъ былъ уже слѣпъ; когда начальникъ приблизился къ нему, старецъ всталъ, поклонился ему и называлъ его Ваше Превосходительство; на это отвѣчалъ ему начальникъ, вы старче ошибаетесь, я еще не генералъ, а полковникъ, — тогда старецъ сказалъ, что вы съ такого-то числа генераломъ; начальникъ изумился: дѣйствительно скоро полученъ былъ указъ о пожалованіи его генеральскимъ чиномъ.

Старецъ занимался въ келіи ручной работой, внезапно ученикъ его Герасимъ пришелъ въ келію къ старцу и не сотворилъ у дверей обыкновенной молитвы. Взойдя въ келію, сказалъ: благослови отче, старецъ не отвѣчалъ ни чего, ученикъ повторилъ нѣсколько разъ свою просьбу, старецъ не отвѣчалъ; ученикъ простоялъ нѣсколько часовъ и наконецъ рѣшился выйти изъ келіи. Пришедъ на другой день сотворилъ обыкновенную молитву; старецъ отвѣчалъ: аминь; ученикъ сказалъ: благослови отче; старецъ благословилъ и сѣлъ за свое дѣло. Тогда ученикъ спросилъ его, отче отчего вы вчерашній день не благословили и не отвѣчали, когда я васъ спрашивалъ? На это отвѣчалъ старецъ, когда я пришелъ на сей островъ, то много разъ бѣсы приходили ко мнѣ въ келію иногда человѣкомъ ради потребныхъ нужды, а иногда звѣремъ и дѣлали мнѣ многія пакости, по тому то случаю я и не принимаю безъ молитвы къ себѣ ни кого.

Однажды правитель Кадьякской конторы Комерціи Свѣтликъ Кошеваровъ дѣлалъ обѣдъ, гдѣ и были приглашены начальники и бѣлые священники, тутъ же былъ и отецъ Германъ. За столомъ начались разговоры на счетъ духовенства; отецъ Германъ прослезился, а на-

чальнякъ Кошеваровъ его спросилъ, что вы отче плачете? Старецъ отвѣчалъ, жаль что не дождусь того времени, когда будетъ здѣсь Архіерей который приведетъ васъ въ порядокъ и говорилъ много о духовной жизни его, а въ то время тамъ еще не было Архіерея, а по смерти отца Германа вскорѣ поступилъ Архіепископъ Иннокентій.

Однажды ученица его Софія (быль воскресный день) хотѣла ѣхать на другой островъ за капустой морской, старецъ говорилъ имъ: не уѣзжайте вы сегодня, а завтра, а онѣ говорили между собою: цѣлую недѣлю не было хорошей погоды, а завтра Богъ знаетъ будетъ-ли хорошая погода или нѣтъ, то онѣ и уѣхали безъ благословенія старца, когда онѣ выѣхали, то вдругъ байдара лодка ударилась о камень и разорвалась, потому что лодка у нихъ была кожанная и одинъ человѣкъ утонулъ въ водѣ. Когда они пріѣхали домой, старецъ призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ, вотъ что значить преслушаніе и прекословіе! Тогда они упали въ ноги и просили прощенія, что и получили; а онъ имъ говоритъ, когда я утроиъ выходилъ на берегъ морской, то на самомъ томъ мѣстѣ видѣлъ человѣка сидящаго на камнѣ и плещущаго руками воду и много безобразенъ былъ онъ собой.

Старецъ прежде до смерти своей былъ тѣлесными очами слѣпъ около 7 лѣтъ, когда онъ приближался къ смерти, сказалъ своему ученику Герасиму, чадо поди позови сюда всѣхъ дѣвушекъ, то есть: ученицъ его, которыхъ онъ училъ грамотѣ, потомъ сталъ говорить Софіи, чтобы она жила на Еловомъ островѣ, а когда помретъ, то похоронить ее у его ногъ, а нѣкоторымъ велѣлъ выходить замужъ, а ученику Герасиму также велѣлъ жениться и жить на Еловомъ островѣ и велѣлъ

хранить свои книги, и говорилъ: когда я помру, то вы въ тотъ же день быка убейте, потому что онъ уже потрудился для меня. Надо сказать откуда этотъ быкъ. Когда на островъ Еловый прѣхали поселяне, то и пода-рили старцу маленькаго теленка, старецъ его выростилъ. Когда старецъ померъ, то пожалѣли быка убить: быкъ въ другой день самъ ударился лбомъ объ дерево и убили.

Старецъ говорилъ: когда я помру, то вы не ска-зываете въ гавань, а сами меня похороните рядомъ съ отцомъ Іоасафомъ, потомъ сказали: зажгите свѣчки предъ иконами и велѣлъ ученику Герасиму читать Дѣянія свя-тыхъ Апостолъ и по нѣкоторомъ чтеніи у старца лице было свѣтло и сказали: слава Тебѣ Господи и велѣлъ загасить свѣчи у иконъ и сказалъ что мнѣ Господь даетъ еще на недѣлю жизни. Когда исполнилась недѣля, то старецъ велѣлъ по прежнему зажечь свѣчи и читать Дѣянія Апостольскія, потомъ по нѣкоторомъ времени прикло-нилъ голову на грудь ученику своему Герасиму и вдругъ лице его сдѣлалось свѣтло и наполнилась келія бла-гоуханія, отъ чего и узнали, что старецъ скончался, ученикъ не смѣлъ не объявить о смерти старца въ га-вань, потому что его все любили, на что и получилъ отвѣтъ, чтобы не хоронить, а дожидаться, когда прѣдетъ священникъ и привезутъ гробъ. Какъ только былъ сдѣ-ланъ гробъ, сдѣлалась сильная погода и дулъ сильный вѣтръ такъ что никакъ не возможно было ѣхать священ-нику и тѣло старца лежало 12 дней. Ученикъ Герасимъ съ ученицами рѣшился похоронить старца, только лишь успѣли похоронить тѣло въ землю, тогда сдѣлалась ти-хая и ясная погода, тогда прѣхалъ священникъ и при-везъ хорошій гробъ, но не рѣшился отрывать старца изъ земли, вѣрно это было такъ Богу угодно и старцу.

Преосвященнѣйшій Иннокентій Архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутской, посѣщая свою паству протѣзжалъ близъ острова Кадьяка на суднѣ въ видѣ острова Еловаго: сдѣлалась сильная буря, носило ихъ бурей 36 дней и они не могли попасть въ гавань, пришли всѣ въ отчаяніе и ожидали смерти, Преосвященнѣйшій Иннокентій служилъ молебень и печально напала мысль у него къ отцу Герману, котораго онъ и просилъ если угоденъ Богу, то дай намъ вѣтръ попутный и едва онъ только сіе помыслилъ, то и сдѣлался попутный вѣтръ и какъ прибыли въ гавань и укрѣпили судно, то и сдѣлался опять вѣтръ прежній. Спустя нѣсколько времени, когда погода утихла Преосвященнѣйшій Иннокентій поѣхалъ на островъ Еловой со всѣмъ клиромъ, отслужить на могилѣ отца Германа панихиду; во время чтенія книги взглянулъ онъ ко кресту и увидѣлъ предъ собою отца Германа стоящаго въ мантии и въ клобукѣ и отъ страха упала у него изъ рукъ книга на землю и когда поднималъ ее, то уже отецъ Германъ былъ не видимъ. Сіе приключеніе рассказывалъ самъ преосвященнѣйшій Иннокентій.

№ 2.

Письмо къ Валаамскому Игумену Дамаскину—Семена Ивановича Яновскаго, отъ 17-го октября 1865 года.—Помѣтка на письмѣ: „№ 225. Въ монастырь получено 24-го октября 1865 года“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій отецъ Игуменъ!

Извѣстился я, что вы собираете письма бывшаго монаха Валаамскаго монастыря — отца Германа, находившагося въ миссіи на сѣверо-западной Америкѣ на о—въ Кадьякъ. А какъ я лично зналъ этого почтеннаго, святаго мужа, великаго подвижника, и у меня сохранились его два письма; то если вамъ угодно, я пришлю ихъ къ вамъ — съ тѣмъ однакожъ: чтобъ вы по снятіи съ нихъ копій, подлинныя мнѣ возвратили. Я сохраняю эти письма какъ драгоценность отъ святаго старца, бывшаго моего наставника; котораго память для меня священна; онъ былъ моимъ наставникомъ; отъ него я доставилъ лично на Валаамъ письмо въ 1823 году почтенному игумену Иондеану, какъ припомню; а можетъ уже и забытъ. Я могу вамъ сообщить нѣкоторые интересные свѣдѣнія о жизни святаго старца. Прошу увѣдомить меня:

желаете-ли вы имѣть его письма, и какъ адресовать къ вамъ?—Проя вашихъ молитвъ и благословенія — имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію

Вашего Высокопреподобія
Покорѣйшій слуга
Семень Яновскій.

Калуга.
17-го октября 1865 года.

P. S. Извините что я не знаю вашего имени. Адресъ ко мнѣ: въ Калугу

Его Высокородію
Семену Ивановичу
Яновскому.

№ 3.

Изъ письма Семена Ивановича Яновскаго Валаамскому Игумену Дамаскину отъ 22-го ноября 1865 г.—На письмѣ пометка: „№ 255. Въ монастырѣ получено 9-го декабря 1865 г.“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій отецъ Дамаскинъ!

Прилагаю при этомъ, въ подлинникѣ, два письма незабвеннаго благодѣтеля моего, святаго старца, монаха Германа. Желалъ-бы, чтобъ вы, снявъ съ нихъ копія, подлинныя возвратили мнѣ, для сохраненія въ моемъ семействѣ, какъ драгоценность; но есть-ли и вамъ желательно оставить у себя; то я покорнѣйше прошу хотя одно возвратить мнѣ; какое заблагоразсудите.

Призвавъ въ помощь Бога и мысленно испросивъ ваше благословеніе, — опишу вамъ все, что знаю объ отцѣ Германѣ, съ которымъ лично я познакомился въ 1819 году. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, что отъ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣлъ великую ревность къ благочестію, и поступилъ въ монахи съ 16-ти лѣтъ, сперва въ Троицко-Сергіеву пустынь, близъ Петербурга; а изъ нея уже въ послѣдствіи перешелъ на Валаамъ. Въ Сергіевской пу-

стынкѣ былъ съ нимъ слѣдующій случай: У него на горлѣ, съ правой стороны подъ бородой, сдѣлался нарывъ, съ ужасною болью и опухоль вскорѣ до того увеличилась, что обезобразила все лице, трудно было глотать, и исходило зловоніе, все его оставили и удалялись; онъ не могъ ходить въ трапезу, да и въ келіи едва могъ пропустить нѣсколько ложечекъ ухи, или грибного бульону. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти—не прибѣгъ къ земному врачу; а обратился съ теплою молитвою къ Царицѣ Небесной: запершись въ келіи, усердно молился со слезами всю ночь; потомъ взялъ чистое полотенце, помочивши къ воду—обмылъ образъ Божіей Матери и этимъ мокрымъ полотенцемъ обвязалъ свою опухоль — и еще молился и проливалъ слезы, до тѣхъ поръ, пока тутъ-же на полу, или на землѣ, задремалъ. И видѣлъ сонъ, что Матерь Божія его изцѣлила! Проснулся, всталъ и къ великому удивленію видитъ, что онъ совершенно здоровъ и опухоль разошлась, не прорвавши нарыва; только остался маленькій злочекъ, для воспоминанія этого чуда! — Врачи, которыхъ послѣ рассказывали, не вѣрили, говорили: должно или прорваться нарыву, или его прорѣзать. Но Господь лучше дѣйствуетъ! Находясь на Валаамѣ, о. Германъ, съ двумя, или тремя товарищами—уходилъ въ лѣсъ и жилъ тамъ пребывая въ молитвѣ; пока ихъ нашли и препроводили въ монастырь. Въ послѣднее время царствования Императрицы Екатерины II-й вызывались изъ монастырей желающіе для проповѣди и обращенія идолопоклонниковъ въ православную вѣру; тогда и онъ съ другими монахами и іеромонахами изъявилъ желаніе; а отправили ихъ уже при Павлѣ.—Сначала въ Иркутскъ.—Въ Иркутскѣ его хотѣли постричь въ іеромонахи, даже общали въ архи-

мандриты; но онъ отказался и былъ простой монахъ. Въ сѣверо-западную Америку они прибыли, кажется, въ 1794-мъ году, на островъ Кадьякъ, въ гавань Трехъ-Святителей. Вся миссія состояла изъ 12 человекъ іеромонаховъ и монаховъ. По прибытіи вскорѣ они построили небольшую деревянную церковь и келіи и называли монастырь Новый Валламъ. Въ то время алеуты были всѣ идолопоклонники Шаманской секты, даже людей и дѣтей приносили въ жертву. Всѣ Алеутскіе острова и мысъ Аляска были покорены и присоединены къ Россіи Шелеховымъ и куп. Барановымъ. Но жители были всѣ язычники. Вотъ наши миссіонеры ревностно принялись проповѣдовать слово Божіе, и въ непродолжительное время, лѣтъ черезъ десять, окрестили почти всѣхъ алеутовъ и многіе народы на материкѣ. Нѣкоторые изъ миссіонеровъ, двое или трое, пострадали за вѣру, были замучены, или убиты, за то что запрещали много-женство; а другіе умерли. Когда я прибылъ въ Америку на о—въ Ситху въ 1817 г., въ іюль, то изъ всей миссіи оставались: одинъ іеромонахъ Іосафъ, одинъ іеродіаконъ Іона. О. Германъ, какъ я засталъ его, велъ строгую аскетическую жизнь: жилъ особо, версты полторы отъ гавани, на маленькомъ лѣсномъ острову, называемомъ: Бловый островъ, жилъ одинъ. У него были келья, т. е. избушка, огородъ, сѣти, самъ трудился: садилъ картофель и капусту, копалъ гряды, ловилъ рыбу и запасалъ на зиму. Алеуты обоюго пола и дѣти часто прѣѣзжали къ нему: за совѣтами, съ жалобами на притѣсненія, прося его защиты, и съ разными своими нуждами; иногда они привозили ему рыбу и помогали въ его работахъ. Онъ всегда имъ дѣлалъ разбирательства: мирилъ ихъ, помогалъ чѣмъ могъ. Въ воскресные и

праздничные дни, многіе пріѣзжали къ нему, для молитвы. О. Германъ читалъ часы, Апостолъ, Евангеліе, пѣлъ и поучалъ; дѣтей надѣлялъ сухариками, или пекъ крендельки; дѣти его очень любили, да и онъ любилъ ихъ. Но за то, что онъ многихъ обличалъ въ нетрезвой жизни, въ отвратительныхъ порокахъ и притѣсненіи алеутовъ, многіе были ему врагами; дѣлали разные непріятности и клеветали на него — онъ все терпѣлъ и несъ тяжкій крестъ. Я упомянулъ что въ 1817 году я прибылъ въ Америку на о-въ Ситху, гдѣ была главная контора всѣхъ колоній Северо-западной Америки; въ слѣдующемъ году я женился на дочери главнаго правителя всѣхъ Американскихъ Колоній—Баранова и вскорѣ, въ томъ же году, по назначенію начальства занялъ его должность, а г. Барановъ отправился въ Россію. Ситха находится далѣе Кадьяка къ востоку тысячи полторы верстъ—океаномъ. Признаюсь, что о. Германъ и предомною былъ оклеветанъ такъ, что я, не видавши его, уже писалъ на него въ Петербургъ; что мнѣ донесено, что якобы онъ возмущаетъ и возстановляетъ алеутовъ противъ начальства. Но въ слѣдующемъ 1819 году я отправился на корабль, для обозрѣнія всѣхъ колоній и въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибылъ на о. Кадьякъ; то о. Германъ немедленно явился самъ ко мнѣ. Объяснилъ мнѣ положеніе края, бѣдныхъ алеутовъ, ихъ нужды и разные имъ притѣсненія и просилъ моею защиты. Я далъ обѣщаніе все разобрать и что возможно сдѣлать. Итакъ, немедленно занялся дѣломъ, т. е. подробной ревизіей всего: принималъ всѣ жалобы, дѣлалъ разбирательства — дѣла было очень много, такъ что я весь день былъ занятъ. Я приглашалъ о. Германа къ обѣду и къ вечернему чаю, къ семи часамъ вечера. Теперь я долженъ поговорить вамъ о себѣ. Въ то вре-

ия, мнѣ было 30-ть лѣтъ; воспитывался я въ Морскомъ корпусѣ; зналъ многіе науки и много читалъ; но къ сожалѣнію, науку изъ наукъ, т. е. Законъ Божій едва понималъ поверхностно и то теоретически, не применяя къ жизни и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ вольнодумъ, деиствъ; какъ почти всѣ воспитывающіеся въ корпусахъ и въ казенныхъ заведеніяхъ. Какъ жаль, что не обратятъ на это вниманія: что Законъ Божій преподается вездѣ поверхностно—даже и въ Семинаріяхъ; да и въ самыхъ духовныхъ академіяхъ выходятъ ученики, даже магистры; которые учены очень много; по дѣятельной вѣры въ сердцѣ не имѣютъ; а отъ этого живутъ не по христіански. Тѣмъ болѣе я не признавалъ Божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безъ Божныхъ сочиненій Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка. Отецъ Германъ тотчасъ это замѣтилъ и пожелалъ обратить меня. Но это не легко было! Меня нужно было убѣдить, доказать святость нашей религіи; а потому много требовалось времени, знанія и умѣнья хорошо и убѣдительно говорить. Къ великому моему удивленію, простой необразованный монахъ о. Германъ, вдохновляемый благодатію такъ умно, сильно и убѣдительно говорилъ и доказывалъ, что никакая ученость и земная мудрость не могла устоять! Дѣйствительно, о. Германъ имѣлъ великій природный умъ, здравый смыслъ, много начитанъ духовныхъ отеческихъ книгъ; а главное имѣлъ благодать Божию! Но какъ въ короткій зиній день я не имѣлъ совершенно времени съ нимъ заниматься; то онъ каждый день приходилъ ко мнѣ, къ вечернему чаю, а иногда и къ обѣду и мы до полночи, а иногда и за полночь, съ нимъ бесѣдовали; ячевать онъ

никогда не оставался; ни дождь, ни мятель, ни буря не удерживали ревностнаго старца посѣщать меня и вполночь одному возвращаться домой за полъ версты! Онъ въ ветхой ряскѣ безъ шубы являлся ко мнѣ каждый день, постоянно, я согрѣвалъ его чаемъ и мы бесѣдовали съ нимъ безъ умолку: о любви Божіей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни и проч. Сладкая рѣчь неутомляемый, увлекаемый потокомъ лилась изъ устъ его! Потомъ въ полночь, или за полночь, старецъ одинъ съ палочкой шелъ домой—во всякую бурю и холодъ; никто его не провожалъ по скользкому каменистому пути; но его проводжали Ангелы и поддерживали: „Яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранить ты во всѣхъ путехъ твоихъ“! А согрѣвала его христіанская любовь, которою онъ былъ проникнутъ для спасенія ближняго. Такии постоянными бесѣдами и молитвами святаго старца Господь совершенно обратилъ меня на путь истинный и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ отцу Герману, онъ мой истинный благодѣтель!—Во время пребыванія моего на о-вѣ Кадьякѣ туда завезена была заразительная поварьяя смертная болѣзнь, или язва; которая начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ, кашлемъ, удушьемъ, оканчивалась колотьемъ, въ три дня человекъ умиралъ! Ни доктора, ни лекарствъ тамъ не было; болѣзнь быстро распространилась по всему селенію и скоро перешла на всѣ близлежащія селенія. Ревностный старецъ о. Германъ неутомимо съ великимъ самоотверженіемъ посѣщалъ больныхъ, не щадя себя, какъ духовный, увѣщаль терпѣть, молиться, приносить покаяніе и приготовлялъ къ смерти. Я, по обязанности вачальника и по состраданію—каждый день посѣщалъ всѣхъ, принималъ всевозможные мѣры: подавалъ совѣты,

полнѣ чаемъ, бузиной или ромашкой, что случалось, раздавалъ пищу—многимъ помогало теплое питье; но многіе умирали. Зараза дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Мое семейство: жена и грудное дитя—тоже были больны, какъ и я самъ. Смертность такъ была велика, что три дня не было людей копать могилы и тѣла валялись незарытыми! Хорошо что были морозы, то запаху не было. Я не могу представить ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ, посѣтивши алеутскій кажимъ! Это большой сарай, или казарма съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями. Въ немъ помѣщалось всего до ста человекъ; я обошелъ всѣхъ, разговаривалъ, спрашивалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ: нѣкоторые лежали уже умершіе, остывшіе, подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздражающій сердце. Я видѣлъ матерей уже умершихъ, на охлаждѣвшихъ грудяхъ которыхъ ползало голодное дитя, съ полемъ, стараясь найти себѣ пищу—но тщетно! Кровью обливалося мое сердце отъ жалости видѣвши поражающую ужасомъ—эту печальную картину смерти. Нѣтъ висти, достойной изобразить ее, для напоминанія тѣмъ, которые безопасно утопаютъ въ роскоши, забывая о смерти!“ Наконецъ я и самъ занемогъ и готовился умереть; но милосердый Богъ еще помиловалъ меня! На ночь я напился бузины, укрылся и препотѣлъ—мнѣ стало лучше. Кажется что только одинъ о. Германъ не былъ боленъ; а то всѣ рѣшительно и изъ всѣхъ третія часть умерло! Когда видимо зараза и смертность стала уменьшаться и я покончилъ уже всѣ свои дѣла; то воспѣшьялъ отправиться въ Ситху, въ портъ Ново-Архангельскъ, гдѣ имѣлъ постоянное пребываніе, и гдѣ меня ожидало много важ-

нѣйшихъ дѣлъ по службѣ. И простился съ почтеннымъ о. Германомъ, уже какъ съ другомъ, своимъ наставникомъ, благодѣтелемъ! Просилъ его молитвъ, и отправился. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ уже отправилъ одного морского капитана изъ лютеранской вѣры, г. Г... Этотъ капитанъ былъ весьма образованъ; кромѣ многихъ наукъ, зналъ языки; кромѣ русскаго, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и нѣсколько испанскій и былъ много начитанъ, но совѣтъ тѣмъ не могъ устоять противъ убѣжденій и доказательствъ о. Германа: онъ перемѣнилъ свою вѣру въ православную и принялъ муропомазаніе. Когда онъ отъѣзжалъ, то прощаясь старецъ сказалъ ему: Смотри, если эта супруга умретъ у васъ, то вы никакъ не женитесь на нѣмкѣ; если женитесь на нѣмкѣ; то она непремѣнно увлечетъ васъ изъ православія! Онъ далъ ему обѣщаніе; но не исполнилъ. Прозорливый старецъ предърекъ ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла его жена—и онъ женился на нѣмкѣ; вѣроятно оставилъ или ослабилъ русскую вѣру.—Онъ умеръ скоропостижно безъ покаянія. Старецъ такъ былъ уменъ духовною мудростью: что одинъ разъ пригласили его обѣдать на фрегатѣ, пришедшій изъ С.-Петербурга съ капитаномъ Г., посланнымъ по Высочайшему повелѣнію для обревизованія всѣхъ колоній. Капитанъ Г. весьма умный, высокообразованный и съ нимъ до 25 офицеровъ лучшіе выбранные изъ всего флота, всѣ хорошо образованные и ученые. И въ такомъ обществѣ образованныхъ людей, съ ними за столомъ сидѣлъ небольшого роста, въ ветхой одеждѣ, неученый простой монахъ; который всѣхъ ихъ за кидаль вопросами, поставилъ ихъ въ тупикъ; они не знали что отвѣчать! Мнѣ самъ капитанъ Г. это рассказывалъ: „мы были безъ отвѣта—дураки предъ

нимъ!“ Онъ задалъ имъ вопросъ: что вы лучше и болѣе всего любите, что бы вы желали для вашего счастья?— На этотъ вопросъ пошли разные отвѣты и желанія: кто желалъ богатства, кто славы, кто красавицу жену, кто прекрасный корабль на которомъ бы онъ плавалъ и многіе другіе. Отецъ Германъ сказалъ: не правда-ли, что изъ всѣхъ вышнихъ разно-образныхъ отвѣтовъ и желаній можно вывести одинъ: Всякій изъ насъ господа желаетъ того, что онъ почитаетъ лучшимъ и болѣе всего любимымъ?—Всѣ отвѣчали: такъ. Тогда онъ сказалъ имъ: Чтожъ можетъ быть лучше, вышше всего, достойнѣе любви и превосходитѣ всего, какъ самого Бога Іисуса Христа, который небеса сотворилъ и все украсилъ, всему далъ жизнь, все содержитъ, все питаетъ, все любитъ; который есть самъ любовь—прекраснѣе всѣхъ человѣковъ!—Не должно ли превыше всего любить Бога, болѣе всего желать Его и искать его? Всѣ отвѣчали: конечно мы любимъ Бога, какъ же не любить Бога. Тогда онъ, воздохнувъ и уронивъ слезу, сказалъ: а я грѣшный болѣе сорока лѣтъ учусь какъ любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его! И доказалъ имъ какъ должно любить Бога: что если мы кого любимъ: то всегда поминать его, стараемся угодить ему день и ночь, наше сердце и умъ заняты тѣмъ предметомъ кого мы любимъ. Такъ-ли вы господа любите Бога? Часто-ли обращаетесь къ нему, всегда-ли поминате Его, всегда-ли молитесь и исполняете волю Его, святыя заповѣди?—Должны были признаться что нѣтъ!—Для нашего блага, для нашего счастья, сказалъ онъ, покрайней мѣрѣ дадимъ себѣ обѣтъ: чтобъ отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты: мы будемъ стараться любить Бога превыше всего и исполнять его заповѣди! Вотъ какой умный и прекрасный разговоръ въ

обществѣ, который долженъ запечатлѣться въ сердцахъ слушающихъ на всю жизнь! — Однажды я спросилъ его: какъ вы о. Германъ живете на острову, одинъ въ лѣсу? Какъ не соскучитесь? — Онъ отвѣчалъ: нѣтъ я не одинъ; тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ — тамъ есть святые Ангелы. И можно-ли соскучиться? Съ кѣмъ лучше и пріятнѣе бесѣда — съ людьми или съ Ангелами? Конечно съ Ангелами! Мнѣ сказывали другіе, что зимою видѣли около его медвѣдей — онъ ихъ коринитъ и потомъ они уходятъ. Должно замѣтить, что на содержаніе монаховъ и прочихъ русскихъ служащихъ отпускается хлѣбъ изъ магазиновъ Американской компаніи; но иногда хлѣба нѣтъ. Тамъ хлѣбъ не сѣютъ и не родится, а привозятъ аржаной изъ Иркутска за 10 тысячъ верстъ, огъ того ржаная мука тамъ 12 руб. ассигн. пудъ; или пшеницу привозятъ изъ Калифорніи — за двѣ тысячи верстъ и пшеничная мука 5 руб. асс. пудъ; но иногда корабль разобьется, или опоздаетъ; то терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ; а потому тамъ ѣдятъ рыбу, которой лѣтомъ великое множество, разныхъ сортовъ; кромѣ того ѣдятъ мясо всѣхъ морскихъ звѣрей, какъ-то: сивучей, тюленей, бобровъ и морскіе ракушки. О. Германъ когда у меня обѣдалъ, то кушалъ предлагаемое: т. е. скороинный супъ съ говядиной, или съ курицей, мяса никогда не ѣлъ; а только бульонъ, жижу и картофель. Тогда я и не зналъ, что монахи не ѣдятъ мяса; но онъ однажды самъ мнѣ сказалъ: Я думаю, вы удивляетесь, что я мясное ѣмъ? Когда я сказалъ: нѣтъ не удивляюсь, то онъ мнѣ сказалъ самъ: монахамъ запрещено мясо и мясное; но здѣсь по скудности и голодности края, въ которомъ нѣтъ и хлѣба — Синодомъ разрѣшено намъ монахамъ ѣсть мясо. — Онъ старался всѣхъ мирить, особ-

либо въ семействахъ возстановлялъ миръ, есть ли же не удавалось помирить; то на нѣкоторое время разлучалъ мужа съ женою—это онъ мнѣ самъ говорилъ: лучше пусть живутъ въ рознь — да не дерутся, не бранятся, а то если не развести; то были примѣры, что мужъ убивалъ жену, или жена изводила мужа! Мнѣ кажется, что это правило не худо бы и у насъ имѣть; потому что жестокіе наши крестьяне, особливо пьяные, забиваютъ, увѣчаютъ своихъ женъ. Это я знаю, какъ помѣщикъ. О. Германъ очень любилъ дѣтей и ласкалъ ихъ. Маленькаго годовалаго тогда моего сына Александра, который теперь іеромонахъ Христофоръ—всегда нянчилъ на рукахъ и утѣшалъ его, такъ что дитя охотно шло къ нему. Онъ мнѣ сказалъ: Вы собираетесь въ Россію, въ Петербургъ — не везите туда жену вашу, которая здѣсь родилась, не видала большаго свѣта, ни его плѣнительной роскоши, ни его соблазновъ и пороковъ; а лучше оставьте ея, у вашей матери, въ Малороссіи, пока сами по дѣламъ поѣдете въ Петербургъ!—Я далъ обѣщаніе, но не исполнилъ. Она низачто не пожелала безъ меня остаться — я взялъ ея и черезъ годъ ея лишился: она умерла въ Питербургѣ. Онъ и меня уговаривалъ остаться на всегда въ Америкѣ; но я уже просилъ себѣ преемника. Въ 1821 году я оставилъ Америку. Продолжаю далѣе объ о. Германѣ: я имѣлъ отъ него всего кажется четыре письма; да и нельзя болѣе; потому что отъ нихъ изъ Кадьяка получалась почта только одинъ разъ въ годъ. Но сохранились только эти два письма. Одно я получилъ въ Ситхѣ; въ отвѣтъ на мое письмо; и второе въ Ситхѣ же. Выло еще письмо, полученное въ С.-Петербургѣ; но затерялось. Итакъ эти только два письма прилагаю. Послѣ меня на о. Германа еще были великія на-

ладки и гоненія—такъ онъ до конца несть крестъ. Мнѣ писали: что послѣ меня туда присланъ былъ изъ Иркутска священникъ, съ большимъ полномочіемъ отъ архіерея, который іеромонаха Іосафа выслалъ въ Иркутскъ; іеродіаконъ уже умеръ; о. Германа тѣснилъ, описалъ и отобралъ все его имущество, котораго оказалось на восемь тысячъ рублей ассигнаціями. Эти деньги и вещи собираемы были для построенія новой церкви, для возобновленія всего обветшавшаго строенія; онъ лично самъ мнѣ сказывалъ, что собираетъ и хранитъ у себя, а недобрые люди приписали это къ его корыстолюбію. Но этого не можетъ быть. Правда что онъ не отказывался принимать приношеній: пищу, деньги и другія вещи; но много раздавалъ ниимущимъ, а деньги собиралъ для возобновленія монастыря. Самъ онъ былъ одѣтъ: безъ рубашки, по голому тѣлу надѣта оленья кухлянка, въ родѣ рубашки, которую, онъ мѣ самъ сказывалъ, восемь лѣтъ не сымалъ и не пережѣнялъ; слѣдовательно, шерсть уже подопрѣла и вытерлась, а кожа вся засалилась, кромѣ того порты холщевые, сапоги, или башмаки, подрясникъ, и ветхая полинялая ряса, во многихъ мѣстахъ зашитая рубцами и латками, и клобукъ. Въ этой одеждѣ онъ всегда приходилъ ко мнѣ во всякую погоду: въ дождь, мятель, въ бурю и холодъ! Что значить христіанская любовь; не то что мірская! Чего онъ ожидалъ отъ меня, чего искалъ? Только желалъ спасти овцу заблуждшую! Да помянетъ его Господь во царствіи Своемъ; и да увидетъ онъ въ радость Господа своего! И такъ, пріѣхавшій священникъ надѣлалъ ему много огорченій и грубостей, хотѣлъ и его отправить въ Иркутскъ; но преемникъ мой не позволилъ ему этого и защитилъ старца. Онъ послѣ многихъ трудовъ и великихъ скорбей тамъ же на о. Кадыякъ мирно отошелъ

ко Господу въ 1825 г., мѣсяца не помню. Онъ былъ роста небольшого, лице круглое, пріятное, радостное, съ улыбочкой, рѣчь не громкая, весьма пріятная, увлекательная и всегда поучительная, полезная; онъ былъ словоохотливъ, говорилъ умно, дѣльно, назидательно; болѣе всего: о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о чудесахъ Божіихъ, о святыхъ угодникахъ, — никогда ничего пустого не говорилъ; много рассказывалъ изъ житій, изъ пролога. — Такъ пріятно было его слушать, и простые алеуты и женщины очень любили слушать его. На головѣ было мало сѣдыхъ волосъ и борода небольшая, лице блѣдное, покрытое морщинами, глаза сѣро-голубые, исполненные блеска. Ему было тогда отъ роду 65 лѣтъ, а скончался 70 лѣтъ. Онъ полюбилъ меня какъ сына, такъ радовался о моемъ обращеніи къ познанію истины. Однажды я прочелъ ему наизусть оду Богъ, Державина. Онъ удивился, восхитился, и просилъ еще прочесть, я повторилъ; то онъ спросилъ: неужели это простой ученый писалъ? Я сказалъ: да, ученый поэтъ. Онъ сказалъ, что это по вдохновенію Божію писано! — Однажды я розказалъ ему: какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ нашихъ 14 человекъ алеутовъ и іезуиты замучили одного алеута, принуждая ихъ всѣхъ принять католическую вѣру, на что алеуты никакъ не соглашались, отвѣчая: мы христіане, мы крещены и показывали имъ кресты на шеяхъ. Но іезуиты возражали: нѣтъ вы еретики схизматики, если не согласитесь принять католическую вѣру; то мы васъ замучимъ. И оставили ихъ по двое въ темницѣ до вечера на размышленіе. Вечеромъ пришли съ фонаремъ и зажженными свѣчами и начали опять убѣждать ихъ къ принятію католической вѣры. Но алеуты проникнутые благодатію — твердо и рѣшительно отвѣчали, что мы христіане и не

перемѣннѣ своей вѣры. Тогда эти фанатики приступили ихъ мучить; сперва одного, а другой быть свидѣтелемъ. Они сперва отрѣзали по одному составу у пальцевъ на ногахъ; потомъ по другому—тотъ все терпѣлъ, только и говорилъ: я христіанинъ и не измѣню своей вѣры. Потомъ на рукахъ отрѣзали по одному составу у каждого пальца; потомъ по другому; потомъ отрубили ступни ногъ, потомъ кисти рукъ—кровь лилась; по мученію до конца терпѣлъ и неизмѣнно одно твердилъ и съ такою вѣрою, отъ истеченія крови—скончался! Они на другой день хотѣли было мучить и другихъ; но въ эту же ночь было получено изъ Монтерей повелѣніе: чтобъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ алеутовъ немедленно прислать за конвоемъ въ Монтерей; а потому они утроемъ, всѣ, кромѣ скончавшагося, отправлены. Это рассказывалъ мнѣ самовидецъ алеутовъ, товарищъ замученнаго; въ послѣдствіи бѣжавшій изъ плѣна. Объ этомъ я тогда же донесъ въ Главное Правленіе въ С.-Петербургъ. Когда я окончилъ свой рассказъ, то о. Германъ спросилъ: а какъ звали этого замученнаго алеута? Я отвѣчалъ—Петръ; а фамиліи не припомню. Тогда онъ всталъ передъ образомъ, благоговѣйно перекрестился и произнесъ эти слова: святой ношо-мученикъ Петръ моли Бога о насъ!

Оканчиваю мое повѣствованіе о моемъ любимомъ старцѣ и наставникѣ отцѣ Германѣ. Написалъ какъ могъ; или какъ Господь внушилъ и помогъ мнѣ; но я отъ души старался лучше и повѣрѣе составить это краткое описаніе достойнаго старца! Кое гдѣ не такъ складно—простите! Какъ уиѣлъ. Я болѣзненный, слабый старецъ—77-й годъ мнѣ—стою на краю могилы; почему знать: можетъ быть Господь и жизнь мою долготерпѣлъ, чтобъ передать свѣдѣнія о жизни святаго старца. (Подпись).

№ 4

Подлинное, собственноручное письмо отца Германа къ Семену Ивановичу Яновскому, отъ 20 іюня 1820 года.—На письмѣ поимѣнка рукою Яновскаго; „Получено въ Ситхѣ, 1820 года въ Іюль“.

Ваше Благородіе

Милостивый Государь

Семенъ Ивановичъ.

Благосклонное пріятное и милостивое ваше писаніе любопытными известіями и при немъ посылку имѣлъ честь получить приношу всеусердную благодарность а более платить нечимъ, Благодарю Всемогущаго Бога сохранившаго ваше здравіе, и отъ всехъ печальныхъ приключеній на земли и на мори покрывающаго, но того неисчетными мерами еще более путь истинны показующаго, по коему слѣдуя достигнемъ вечной радости, а темъ исполняя долгъ нашего бытія исполнимъ волю нашего творца, произведшаго насъ единственно на сей только конецъ.

Уверялъ я себя прежде личнаго вашего со мною—убогимъ свиданья какъ были вы комне благосклонны—такъ нелишете того и впредь, и всакомъ деле пы-

не вы по кротости своей, негнушаясь моего недостойнства показали болѣе и болѣе ко мнѣ убогому смиренную и человеколюбивую ласковость, такъ и я делаюсь болѣе и болѣе предъ вами дерзновеннее, надѣясь что вы на простоту мою и грубость не только не прогневаетесь но и примете велико-душно, не санъ я учителя восхищая но для пользы ближняго долгъ мой и обязанность работлепно исполняя, мои мненія основанныя на повеленіяхъ священнаго писанія, жаждущему и ищущему, вечнаго небеснаго своего отечества скажу,

Истиннаго христіанина делаютъ вѣра и любовь ко Христу, грѣхи наши нисколько христіанству не препятствуютъ по слову—самого Спасителя, онъ изволилъ сказать, не праведныя придохъ призвати но грѣшныя спасти, радость бываетъ на небеси о единомъ клящемся болѣе нежели о девяностидесяти праведникахъ, также и о блюдице прикасающейся ко ногамъ его кфарисею Симону изволилъ говорить, имеющему любовь многой долгъ прощается, а снѣимающаго любви и малой взыскивается. сими разсужденіями христіанинъ долженъ приводить себя въ надежду и радость и отнюдь не внимать наносимому отчаянію—тутъ нуженъ шить веры,

Грѣхъ любящему Бога ничто иное но какъ стрѣла отнепріятели на сраженіи, истинной христіанинъ есть воинъ, продирающей ся сквозь полки невидимаго врага къ небесному своему отечеству по апостолскому слову отечество наше на небесахъ, а о войне говорить несть наше брань кплоти и крови но кначаломъ и ковластемъ.

Пустыя века сего желанія удаляютъ отъ отечества. любовь ктемъ и привычка одеваютъ душу нашу какъ будто вгнутое платье, оно назвало отъ апостоловъ внешней чело-векъ, мы странствуя впутешествіи сей жизни призывая

Бога впомощь должны гнусности той совлекатся, а оде-
 нятся вновь желанія, новую любовь будущаго вѣ-
 ка, и чрезъ то узнавать наше кнебесному отечеству
 или приближеніе или удаленіе, но скоро (но скоро)
 сего здѣлать не возможно, а должно следовать примеру
 больныхъ кои желая любезнаго здаровья не оставляють
 изыскивать средствъ для излеченія себя, я говорю не-
 ясно несма тороплюсь время не позволяеть, но надеюсь
 что вы сами остроюю вашего разума и пламенеющимъ
 желаніемъ кнебесному небесному отечеству, не только
 себе но и другимъ можете открыть путь ко святой
 истиннѣ,

Теперь буду говорить о делахъ другаго сорту.

По отбытіи вашемъ отъ Кадыяка, Божіимъ гневомъ.
 или святымъ его промысломъ внашу ползу, при васъ
 бывшее поветріе, еще несколько продолжалось, многихъ
 молодыхъ женщину жизнь прекратя оставила детей
 сиротами, между коими и кума Леонтыя Андреяновича
 и Аяны Александровной, Христофора служащаго при
 церкви жена, а моя бывшая дочка пятерыхъ мало-
 летнихъ оставила детей, слава судьбамъ святымъ мило-
 стиваго Бога, онъ неостижимымъ своимъ промысломъ
 показалъ мне нынѣ новое явленіе чего здѣсь на Кадыяке
 я дватцать пять лѣтъ живши невидаль, нынѣ после
 пасхи одна молодая женщина не более дватцети лѣтъ,
 порусски хорошо говоритъ умеющая прежде совсемъ
 меня незнавшая и никогда невидавшая, пришла ко
 мне и услышала о воплощеніи сына Божія, и о вечной
 жизни, столько возгорела любовію ко Іисусу Христу, что
 никакъ не хочетъ отъ меня отойти, но сильною прозбою
 убедила меня противъ моей склонности и любви ко
 уединенію, несмотря ни на какія предлагаемыя ей отъ

меня препятствія и трудности, принять ее, и более уже месеца у меня живетъ и нескучаетъ, я свели-кимъ удивленіемъ, смотря на сіе, поминаю спасителево што утаено отъ преудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцемъ а на- нее глядя есть уже и другіе охотники, но затемъ толко дело, нетъ у меня силъ построить для нихъ какое нибудь особливо жилище, многіе есть также охотники изъ молодыхъ мужескаго полу но нетъ места,

Ермей живущей вкатмае былъ у меня здетин, и стоеномъ отъ коего будтобы была на Ерему жалоба къ Епифанову во обидахъ, но тотъ тоенъ самъ былъ прежде у русскихъ толмачемъ и ине лично сказывалъ, что то на него сказано Епифанову позлобе на Ерему отъ нынешняго толмача напрасно, а о бабрахъ Ерема самъ мпѣ сказывалъ, что было отъ него Ершеву отдано 680 а отъ Ершева Епифанову здано 300 да и всакомъ деле столко летъ у разныхъ байдарщицъ былъ веренъ за то и медаль отъ Александра Андревича получилъ и ныне противъ товаровъ компанейскихъ бобры были излишніе, а толко при Ершеве былъ недостатокъ и столь много кудыжъ ему девать, кажется явная ложь,

Писмо вваламъ когда будетъ возможно благолите ото-слать

Прощай прощай милостивой нашъ благодетель, более писать время не позволяетъ, извинитежъ что худо пи-сано, поверте и то едва кой какъ спривеликою нуждею, глаза совсемъ почти отказываются отъ службы, а за млость и благодарѣніе ваше извините платить нечемъ кроиѣ одного благодаренія вообще стоварищемъ Іоасафомъ мы ваши благотворныя милости принимаемъ не толко чув-

ствомъ но и со удивленіемъ и со вседушевною благодарностію остаюсь,

Вашею Благородія
Покорный слуга
Убогій Германъ.

Благородной и любезной Барыне Анне Александровной исклюбезнымъ сынкомъ Александромъ Семеновичемъ приношу мое почтеніе убогій Германъ.

А присемъ прошу засвидѣтельствовать и Кириле Тимофеевичу мое почтеніе.

ч: 20-е іюль
1820-го года
Новый валакъ.

№ 5.

Списанная въ Валаамскомъ монастырѣ копія съ письма отца Германа къ Семену Ивановичу Яновскому, отъ 28-го декабря 1818 года.—Помѣтна: Получено въ Ситхѣ 1819 года.

Выше Благородіе
Милостивый Государь
Сеиенъ Ивановичъ!

Какъ свойственно благотворнымъ душамъ изливаться вездѣ свои добродѣтели, такъ вы невидавши и отнюдь не знавши кромя разве какихъ нибудь слуховъ, меня убогаго и весьма мало или ничего незначащаго, не возгнушались столь благорасположительнымъ своимъ писаніемъ удостоить посѣщенія, за которое по долгу возблагодарить я средствъ не имѣю, но для изъявленія сильнымъ удивленіемъ пораженнаго чувства, простыми только словами осмѣлюсь сказать всеусердно приношу мою благодарность, купно же со вступленіемъ вами къ должности всепочтениѣише приношу мое поздравленіе дай Боже корабля сего кормило держать вамъ незыблемо.

А какъ вы сами изволили открыть мнѣ къ вамъ путь смѣлости и дерзновенія, теперь уже въ надѣждѣ на ваше великодушіе говорить буду.

Любезному нашему отечеству Творецъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволилъ край сей, который еще неимѣетъ ни силъ къ какимъ нибудь познаніямъ, ни смысла, требуетъ не только покровительства, но по безсилію своему и слабому ради младенческаго возраста самаго поддерживанія; но и о томъ самомъ неимѣетъ онъ еще способности къ кому либо дѣлать свою просьбу; а какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ провидѣніемъ неизвѣстно до какого то времени отдана въ руки находящемуся здесь Россійскому начальству которое теперь вручилось вашей власти: сего ради

Я нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька отъ лица тѣхъ предъ вами ставши кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу, Будте намъ отецъ и покровитель, мы всеконечно краснорѣчія незнаемъ, но съ немотою младенческимъ языкомъ говоримъ, отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали таюшіе сердца, дайте разумѣть что значить отрада.

Милостивейшій Государь въ семъ маломъ изображеніи вы тонкостію вашего разума и проникательнымъ вниманіемъ сами можете пространство и обширность народныхъ горестей съискать. Мы остаемся въ ожиданіи какое Творецъ изліетъ благоволеніе вашему сердцу на участь бедныхъ. однако—болѣе въ надеждѣ отъ новаго нашего господина новыхъ милостей новыхъ радостей, вообще всему здешнему краю новаго оживотворенія, взаимно благодарныя молчаливыя вздохи, восхитительныя радостныя восклицанія проникши облака возлетятъ къ престолу всемогущаго царя со испрошеніемъ вамъ нашему милостивому отцу и благодѣтелю при всемъ благополучіи продолженія дней, и полученія вѣчныхъ благъ.

А я въ послѣднихъ послѣднѣйшій уверяю себя что
вы какъ на первый случай, еще мое убожество уви-
давши изволили оказать толь великую благосклонность
такъ и впредь того не исключить, въ надеждѣ сего

и остаюсь Вашего Благородія
Милостиваго моего Государя
Покорный слуга
убогій Германъ.

ч 28 Декабря
1818 года

№ 6

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину, отъ 3-го сентября 1866 года.—На письмѣ помѣтка: „№ 181.—Въ Монастырѣ получено 18-го сентября 1866 года“.

Достопочтеннѣйшій и душою уважаемый Отецъ Дамаскитъ!

При всей моей немощи, за ваши святыя молитвы, Господь помогъ мнѣ нарисовать двѣ картинки. Одна изъ нихъ представляетъ мѣсто уединенной жизни о. Германа. За ваши святыя молитвы, Господь оживилъ мою память, и возобновилъ воспоминаніе: я нарисовалъ на Еловомъ острову, въ лѣсу келію о. Германа, недалеко нарисована часовня, въ которой, по воскресеніямъ и праздникамъ, о. Германъ служилъ обѣдницы или читалъ часы, Евангеліе, Апостолъ и поученія: для посѣщающихъ его обоего пола алеутовъ и русскихъ, такъ-же дѣтей; которыхъ онъ очень любилъ и иногда дарилъ имъ своего (печенія: крендельки и пряники. Другая картинка представляетъ видъ Трахъ-Святительской гавани и всего селенія, гдѣ представленъ видъ монастыря, или церкви. Усердія моего было много; ко советамъ тѣмъ, вы не найдете тутъ большаго искусства и тщательной отдѣлки. Глаза у меня

слабы, я вижу только однимъ глазомъ, да и тотъ слабъ, и руки не тверды и вообще часто посѣщаютъ болѣзни; довольно что эти рисунки представляютъ похожую по воспоминаніямъ мѣстность. Подлинно, только за ваши святыя молитвы Господь, умудряющій слѣпцы,—помогъ мнѣ въ такой преклонной старости исполнить это безъ всякой сторонней помощи и поправки; чему я и самъ дивлюсь.—Чтобы лучше было можно видѣть и понимать мѣстность; то къ рисункамъ приложены описанія.

(Подпись)

№ 7.

Описаніе острова Кадьяка. сдѣланное С. Яновскимъ. — (Нъ
предыдущему письму)

Островъ Кадьякъ лежитъ къ востоку отъ полу-острова
Аляски; онъ простирается въ длину отъ сѣвера къ югу
болѣе нежели на сто верстъ и въ ширину отъ востока
на западъ — отъ 80 до 100 верстъ. Гористъ, покрытъ лѣ-
сомъ; но есть хорошіе долины изобильные пастбищами;
на немъ разведено болѣе пятидесяти штукъ рогатаго
скота. Хлѣбъ не родится ни какой; отъ влажной погоды;
но огородная оwoцъ; какъ-то: картофель, рѣпа, капуста
и морковь родится хорошо. Островъ Кадьякъ обитаемъ
алеутами; которые окрещены всѣ въ христіанскую вѣру.
Въ первый разъ, изъ русскихъ, Кадьякъ заняты былъ
купцами Шелеховымъ и Барановымъ — въ концѣ прош-
лаго столѣтія. Они на юго-восточной сторонѣ острова
открыли прекрасную гавань, заселили ея и назвали
гавань Трехъ-Святителей; потому что въ этотъ день
была открыта. Въ послѣдствіи, прислана была ду-
ховная миссія и построенъ монастырь, который былъ
названъ Новый Валаамъ; а церковь во имя Трехъ-
Святителей. Гавань Трехъ-Святителей весьма спокойна

для стоянки; отъ волненія закрыта островами. Въ концѣ 1819 года, сюда завезено было изъ Ситхи страшное моровое повѣтріе, изстребившее осьмую долю народа. Здѣсь была прежде главная контора Россійско-Американской Компаніи, которая въ 1807 году переведена г. Барановымъ на островъ Ситху, въ крѣпость Ново-Архангельскъ; это около 1,500 верстъ отъ Кадьяка къ востоку. На о-вѣ Кадьякѣ ловится много лисицъ, добывается много рѣчныхъ бобровъ и нѣсколько выдръ; а морскіе бобры рѣдки. Климатъ умѣренный. (Подпись).

№ 8.

Письмо Высокопреосвященнаго Петра, Епископа Новоархангельскаго, Викарія Камчатской Епархіи, отъ 12-го мая 1866 года, къ Игумену Дамаскину. — Помѣтка на письмѣ: „№ 190. Въ Монастырѣ получено 4-го октября 1866 года“.

Ваше Высокопреподобіе.

Достопочтеннѣйшій Отецъ Игуменъ!

Посланныя вами при письмѣ отъ 25 октября 1864 года описаніе Валаамскаго Монастыря и собраніе видовъ мѣстностей Валаама въ 2-хъ экземплярахъ я получилъ 29 октября 1865 г. Покорнѣйше благодарю васъ за этотъ даръ. Описаніе Монастыря, особенно жизнь и ученіе старцевъ Валаамскихъ я читалъ съ большимъ удовольствіемъ и назиданіемъ. Экземпляръ описанія и собранія видовъ нынѣ лѣтомъ будетъ препровожденъ въ Благовѣщенскъ на Амуръ къ Его Высокопреосвященству, Архіепископу Иннокентію; раньше этого времени не было случая послать; потому что отъ насъ корабль плаваетъ къ восточному берегу Сибири только одинъ разъ въ годъ лѣтомъ.

Вы просите доставить вамъ біографію старца отца Германа, подвизавшагося на Еловомъ островѣ близъ

Кадьяка. Въ 1860 г., точно, я поручалъ креолу Герасиму Зыранову написать мнѣ все, что онъ знаетъ объ отцѣ Германѣ. Но онъ, къ сожалѣнію, ничего особеннаго не сообщилъ мнѣ, написалъ очень мало, — съ полписты. Эту записку я отдалъ Кадьякскому Овященнику съ порученіемъ дополнить ее свѣденіями, какія можетъ собрать отъ старыхъ людей, которые ближе знали отца Германа; нѣсколько разъ напоминалъ я ему — скорѣе доставить мнѣ эти свѣденія; но и доселѣ ничего не получилъ, да и надежды нѣтъ — получить полныя свѣденія. Впрочемъ, если получу что-нибудь дѣльное, то постараюсь послать вамъ. Я слышалъ, что отецъ Германъ, по прекращеніи миссіи, заботился особенно объ устройствѣ училища, въ которомъ подъ наблюденіемъ благонравной женщины обучались грамотѣ алеутскія дѣвочки-сироты. Отецъ Германъ что пріобрѣталъ своими трудами, все то употреблялъ на пропитаніе, одежду для дѣвочекъ, на книги для нихъ, самъ училъ ихъ церковному пѣнію, благонравію. Но въ послѣдніе годы онъ велъ жизнь болѣе сокровенную, совершенно уединенную въ своей маленькой кельѣ не очень далеко отъ часовни, при которой жили семейства три, гдѣ было и училище. Въ свою келью онъ вовсе никогда никого не принималъ, чѣмъ онъ занимался, это одинъ Богъ знаетъ. Дѣломъ онъ около своей кельи самъ обдѣлывалъ гряды, удобрялъ морскою капустою, которую собиралъ на берегу моря, сажалъ преимущественно картофель. Вотъ, кажется, и все его внѣшнее дѣло! А главное его дѣло было упражненіе въ духовныхъ подвигахъ въ уединенной кельѣ, гдѣ никто не видѣлъ, что онъ дѣлалъ, только внѣ кельи слышали, что онъ пѣлъ, — совершалъ Богослуженіе по монашескому правилу. Отъ многихъ я слышалъ, что онъ имѣлъ

отъ Бога и даръ прозорливости, предвѣденія; вапр. предсказывалъ, что въ Америкѣ будетъ свой Архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не думалъ, да и надежды не было, чтобы въ Америкѣ былъ свой Архіерей; также предвидѣлъ и предсказалъ время своей смерти и обстоятельства ея, — говорилъ: я скоро умру, вы священника не дожидайтесь, да и не дождетесь его, а похороните меня въ свое время“. Когда ояъ померъ, то подулъ сильный вѣтеръ съ дождемъ, при которомъ не было никакой возможности плыть съ Еловаго острова въ Павловскую гавань для приглашенія священника на погребеніе; (плыть нужно часа два или три на легкой байдаркѣ чрезъ проливъ довольно широкій). Вѣтеръ непрерывно дулъ 12 дней, и жители о. Еловаго принуждены были сами безъ священника похоронить отца Германа, какъ ояъ предсказалъ. Вообще всѣ мѣстные жители имѣютъ благоговѣйное уваженіе къ отцу Герману, какъ святому подвижнику, вполне увѣрены въ его богоугодности.

Желая вамъ отъ Господа всѣхъ благъ, и покорнѣйше испрашивая вашихъ святыхъ молитвъ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшимъ слугой
Петръ, епископъ Новоархангельскій,
Викарій Камчатской Епархіи.

12-го маія 1866 года.

Ост. Ситха.

№ 9.

Изъ письма С. И. Яновскаго къ Игумену Дамаскину, отъ 12 декабря 1866 года.—На письмѣ пометка: „№ 246. Въ Монастырь получено 24-го декабря 1866 года“.

Достопочтеннѣйшій и высокоуважаемый, Отецъ Дамаскинъ!

Драгоценное письмо ваше, отъ перваго числа октября, — имѣлъ счастье получить. Не имѣю словъ достойно благодарить васъ: за великую любовь вашу и искреннѣе расположеніе ко мнѣ недостойнѣйшему грѣшнику! Чтобъ спасти меня, Онъ побезпредѣльному милосердію взыскалъ меня на концѣ свѣта, въ отдаленномъ краю Россіи—послалъ мнѣ святаго старца, отшельника о. Германа; который по многихъ трудахъ и молитвѣ — привелъ меня отъ заблужденія и вольнодумства: къ познанію истиннаго Бога, научилъ истинной вѣрѣ — отъ тьмы къ свѣту! Когда же я разлучился съ этимъ Боговдохновеннымъ наставникомъ и много разъ уклонился съ истиннаго пути—но великое милосердіе Божіе не отступило меня до конца.

По нашей вѣрѣ и за святыя ваши молитвы — я не усумнился приняться исполнить ваше желаніе: нарисо-

вить о. Германа! Прежде всего я усердно помолился Богу: чтобъ Онъ возобновилъ въ умѣ моемъ образъ почтеннѣйшаго о. Германа, и Господь столько милосердъ: что память моя оживилась воспоминаніями, я припомянулъ всѣ черты сіяющаго благодатию лица его: — пріятную улыбку на устахъ, кроткій взоръ, смиренный тихій нравъ, привѣтливое слово; — его ростъ, походку, привлекательный взоръ; голубо-сѣрые глаза — все Господь возобновилъ по вашимъ святымъ молитвамъ! — Я какъ самовидецъ этого св. Старца; при написаніи портрета, былъ только руководителемъ и указателемъ: какъ изобразить; а рисовала, по моему наставленію — вторая дочь моя, послушница Елизавета; которая хорошо рисуетъ, что видно и по этому портрету. Много мы занимались, перепортили и перерисовали болѣе десяти портретовъ — все я находилъ несходство. — Наконецъ Господь помогъ намъ изобразить похожій; какъ я его припомию какъ бы теперь его видѣлъ! Посылаю Вамъ почтеннѣйшій Батюшка этотъ портретъ.

Полагаю что вы: въ видѣ прибавленія къ описанію Балаамскаго монастыря; или особой брошюрой — издадите (чего и я-бы желалъ) жизнеописаніе: бывшаго въ миссіи, на берегахъ сѣверо-западной Америки, на островѣ Кадьякъ — монаха Балаамскаго Монастыря Отца Германа; подвизавшагося въ уединеніи на необитаемомъ острову близъ о. Кадьяка! Къ этому изданію приложить бы его портретъ и рисуночки; которыя я вамъ прислалъ. — Мнѣ кажется это хорошо бы было?

(Подпись).

№ 10.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину отъ 19-го декабря 1866 года. — На письмѣ помѣтна: „№ 251. Въ Монастырѣ получено 31-го декабря 1866 года“.

Достопочтеннѣйшій и душею-уважаемый,
Отецъ Дамаскинъ!

О. Германъ въ своей жизни много терпѣлъ непріятностей; а послѣ моего отъѣзда черезъ годъ туда былъ присланъ изъ Иркутска бѣлый священникъ, съ большими полномочіями отъ Архіерея; который надѣлалъ большіе непріятности О. Герману; онъ вызвалъ его на Кадьяхъ, обошелся весьма грубо, переписалъ и отчасти отобралъ его имущество и хотѣлъ выслать старца въ Иркутскъ. Но мой преемникъ: Главный правитель — Мурзьевъ, узнавъ объ этомъ — не позволилъ его высылать; но все, до конца жизни онъ тѣснилъ его и тотъ вскорѣ черезъ годъ скончался; кажется въ 1824 или 1825-мъ году. Я думаю теперь тамъ все пусто, разорено и знаку не осталось послѣ О. Германа! — Прошло болѣе 40 лѣтъ! Вотъ какіи великими скорбями достигается небесное царствіе! Что претерпѣлъ во всю жизнь этотъ Святой Старецъ: лишены, скорбяще, озлобляны, скитающіяся

иъ горахъ и вертепахъ—на необитаемомъ острову—ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ! — За то теперь онъ наслаждается небесною радостію. Почему знать, пройдетъ еще полъ вѣка, и если будетъ угодно Господу прославить Своего подвижника; то Онъ явить его мощи. — Мнѣ всегда пріятно воспоминать объ о. Германѣ: я за полночь просиживалъ съ нимъ слушая его неумолкаемые поучительные, весьма занимательные разговоры: о вѣчности, о спасеніи, о любви Божіей!—Никогда празднословія не было у насъ!

(Подпись).

№ 11.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамаскину, отъ 24 января 1867 года. — На письмѣ помѣтка: № 23. Въ Монастырѣ получено 7 февраля 1867 года.

Достопочтеннѣйшій и душею уважаемый,
Отецъ Дамаскинъ!

Драгоцѣнное письмо ваше отъ 27 декабря имѣлъ счастье получить!—Объ о. Германѣ имѣю честь сообщить вамъ что узналъ: Происхожденіе его изъ купцовъ города Серпухова; поступилъ въ монастырь 16-ти лѣтъ, сперва въ Сергіевскую пустыню, которая подъ Питербургомъ; и пробывъ тамъ пять или 6-ть лѣтъ — перешелъ на Валаамъ—кажется при о. Назаріи, котораго онъ мнѣ очень хвалилъ. Изъ Валаама два раза уходилъ съ товарищемъ и жилъ нѣсколько времени—въ лѣсахъ. Два раза его хотѣли посвятить въ Іеромонахи, даже общали въ Архимандриты и посылать въ Пекинъ — но онъ по смиренію отказался. Изъ какой онъ былъ фамиліи и какое его было имя въ міру—я не могъ узнать. Однакожъ я написалъ въ Серпуховъ къ моему знакомому купцу (бывшему моему крестьянину); который постоянно лѣтъ 30 тамъ живетъ и занимается торговлею — чтобъ

онъ постарался узнать и поразвѣдать объ о. Германѣ и что онъ напишетъ; то я немедленно сообщу вамъ. Полагаю, что въ архивахъ Сергіевской пустыни есть: какая его была фамилія и прежніе имя—но гдѣжъ теперь искать. Въ 1822-мъ году я доставилъ отъ о. Германа къ Игумену о. Іоаннафану большое письмо, оно должно быть у васъ есть.

Разбирая свои старые бумаги, я нашелъ морской журналъ плаванія на Кадьякъ, изъ него узналъ что гавань на Кадьякѣ называется Святого Павла; а не Трехъ Святителей, какъ я по ошибкѣ называлъ—это поправте на моей картинкѣ. Какъ то она названа на вашей картѣ? — Еще выставѣ при описаніи вашей картинки что мною вычислена широта мѣста Кадьякской гавани:— 57° , $47'$, $10''$ —N-я.

Долгота отъ Гренвича 152° , $36'$, $13''$ —W-я

№ 12.

Изъ письма С. И. Яковскаго къ Игумену Дамаскину, отъ
6 марта 1867 года.—На письмѣ помѣтка: „№ 45. Въ
Мртѣ получено 18 марта 1867 года“.

Достойнѣйшій и всею душею уважаемый батюшка
Почтеннѣйшій Отецъ Дамаскинъ!

Прилагаю, при этомъ, еще одно письмо незабвен-
наго, святаго старца о. Германа, найденное въ моихъ
бумагахъ.—Оставьте его у себя; только увѣдомте о по-
лученіи.

№ 13.

Письмо отца Германа къ С. И. Яновскому, отъ 10 августа 1821 года.—На письмѣ помѣтка: „получ. 1-го декабря 1822 года черезъ Охотскъ изъ Главн. прав. въ С.-Петербургъ“.

Ваше Благородіе
Милостивый Государь
Семень Ивановичъ.

Всемоудній Богъ непостижимыми своими судьбами благоизволилъ мне свами на короткое время имѣть знакомство и видѣть ревностныя и усердныя (и усердныя) добродетельной вашей души ко святой вечности расположенія, и любовь къ Богу, и знаніе писанія, чѣмъ можете разогнать всякой туманъ и тму неведенія пройтись прямымъ путемъ къ небесному отечеству, Но признаю себя предъ вами виновнымъ что вовремя вашего изъ Америки отправления не позволила мне погода переслать въ гавань приготовленнаго писма ко изъявленію вамъ моего почтенія и благодарности коихъ впечатленіе въ моемъ сердцѣ всегда пребудетъ.

1820 года весной вы прислали мне две книжки стѣмъ чтобъ я сказала вамъ свое мненіе о сочинителе; но я тогда не успѣлъ въ нихъ заглянуть а послѣ читавши увидалъ что онъ западнаго мненія гордостію залетѣвши выше облакъ включаетъ себя въ число пророковъ думаетъ что можно ему чрезъ высокія его познанія и вычисленія также писать какъ пророки писали о со-

стояніи государствъ, дивно и предивно какъ гордость ослепляетъ, Говорить что не всемъ сочиненія его понравятся что могутъ и осмеевать а не видятъ что онъ самъ себя прежде осмелялъ, думать что утверждаетъ истину но спорить сама съ собою и священнымъ писаніемъ, много говорить о немъ скучно а можете изъ сихъ малыхъ словъ видятъ мое о немъ мненіе, таковыхъ книжекъ кто естли не можетъ твердо знать истину весьма нужно удалатся,

Письмо ваше последнее отъ 3-го числа мая 1821 года и при немъ посылку чрезъ Матвея Ивановича имель честь получить приношу мою всеусердную благодарность,

О состояніи нашей Америки много говорить не могу народныхъ печалей мера перевесъ имель довольно а што далее Творецъ изводитъ устроить неизвѣстно, моя тишина со одной стороны кажется приходитъ къ лучшему, азъ другой предвидятся возникающія возмутительныя тишину притчины, но какъ промыслъ Всемогущаго изволитъ неизвѣстно буди Его святая воля,

Милостивый Государь Семенъ Ивановичъ и слѣбзною барынею Анною Александровною и со Александромъ Семеновичемъ за все ваши милости и ласковости принося мое премное благодареніе и усердное почтеніе остаюсь,

Вашего
Высокоблагородія
Милостиваго моего Государя
Покорный слуга
убогій Германъ.

ч. 10-го августа
1821-го года.
Нолый Валамъ.

№ 14

Письмо Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Нанчатскаго, Игумену Дамаскину, отъ 1 марта 1867 года.—
На письмѣ помѣтка: „№ 66. Въ Монастырѣ получено 10 мая 1867 года*.

Возлюбленный мой о Господѣ Братъ
Отецъ Игуменъ Дамаскинъ!

Прежде нежели я буду отвѣчать на посланіе ваше отъ 27 декабря за № 345 касательно о. Германа, долгомъ считаю свидѣтельствовать Вамъ Высокопреподобію съ братією моею благодарность за присланные мнѣ виды Валаамскаго Монастыря.

Въ разсказѣ о покойномъ о. Германѣ есть правда, но не все.

Дѣйствительно было, что мы въ 1842 году плывя въ Кадыякъ долго были въ морѣ и находились въ крайности, такъ что у насъ на 52 пассажира оставалось менѣе полу-бочки воды. И предъ входомъ въ Кадыякскую гавань явсъ встрѣтилъ противный вѣтръ, который дулъ ровно трои сутки. Въ это время судно наше ходило взадъ-впередъ (или по морскому лавировало) отъ южнаго мыса Кадыяка до Еловаго острова, гдѣ жилъ и скончался о.

Германъ. На третій день къ вечеру, когда судно наше опять подошло къ Еловому острову (можетъ 20-й или 30-й разъ), я глядя на оный, сказалъ въ умъ своемъ: „Если ты отецъ Германъ угодилъ Господу, то пусть переимѣнится вѣтръ“. И точно не прошло кажется и четверти часа, какъ вѣтръ вдругъ сдѣлался попутный; и мы въ тотъ же вечеръ вошли въ заливъ и стали на якорь. Молебна же въ то время не служили. Потомъ чрезъ нѣсколько я ѣздилъ на могилу и служилъ панихиду—но видѣнія ни какого я не видалъ.

Болѣе этого я ничего не знаю и ни отъ кого ничего подобнаго не слыхалъ объ о. Германѣ.

Затѣмъ поручая себя молитвамъ вашимъ имѣю честь быть съ искреннею о Господѣ братскою любовію

Вашего Высокопреподобія
Вседоброжелательный слуга
Иннокентій Архіепископъ Камчатскій.

Марта 1 дня

1867.

Г. Благовѣщенскъ.

№ 15.

Письмо Высокопреосвященнаго Петра, Епископа Якутскаго, Викарія Камчатской епархіи. Игумену Дамаскину. отъ 9 сентября 1867 года за № 55. — На письмѣ поимѣтка: „№ 155. Въ Монастырь получено 18 ноября 1867 года“.

Ваше Высокопреподобіе,
Достопочтеннѣйшій Отецъ Игуменъ!

Не знаю, доставить ли вамъ Кадьякскій креоль Герасимъ Зыряновъ какія нибудь свѣденія объ отцѣ Германѣ; а я съ своей стороны поручалъ Кадьякскому Священнику, и Кадьякскому уроженцу, креолу Константину Ларіонову написать ииѣ все, что они знаютъ, или отъ другихъ слышали объ отцѣ Германѣ. Что могъ собрать, то при семъ препровождаю къ вамъ. Если еще понадобится какія либо свѣденія, то отпоситесь къ Преосвященнѣйшему Павлу, который поступилъ на мое мѣсто — въ Новоархангельскъ; а я переведенъ пока въ Якутскъ. Желая вамъ отъ Господа всѣхъ благъ, и прося вашихъ святыхъ молитвъ, съ совершеннымъ почтеніемъ ииѣю честь быть

Вашаго Высопреподобія

Покорнѣйшій слугой

Петръ Епископъ Якутскій, Викарій Камчатской епархіи.

9-го Сентября
1867 года.
Г. Якутскъ.

Тетрадь подъ заглавіемъ: „Свѣденіи объ отцѣ Германѣ“.

Свѣденіи объ отцѣ Германѣ, собранныя отъ разныхъ лицъ.

1-е. По поселеніи отца Германа на о-въ Еловой въ первыя годы было наводненіе или приливъ моря (должно быть отъ землетресенія), и народъ, жители онаго испугавшись дали знать старцу, который изъ своей кельи пришедъ въ домъ воспитаниковъ своихъ, гдѣ каждое Воскресеніе служилъ часы за неизмѣнимъ часовни или церкви, поднявъ Икону Божія Матери съ мѣста унёсъ къ лайдѣ и, куда послѣдній разъ подымалась вода, поставивъ икону сталъ молится Богу, когда же кончилъ моленіе, объявилъ присутствовавшимъ чтобы они не боялись говоря: что болѣе и далѣе сего мѣста, куда поставлена святыня не пойдётъ море что и было! О чемъ утвердительно разсказывали слышавшія сего событія.

Когда же нужно было понести Икону назадъ, послѣ наставленія людямъ, будто сказалъ Германъ Софьи Власовой (котора была уже смотрительницею воспитывающихся дѣвицъ), въ случаи если когда еще будетъ такое же возвышеніе моря, то ставить сію Икону на лай-

ду, и обѣщала что море не пойдетъ далѣе онаго мѣста. Икона сія Вожія Матери находится до днесь на Еловомъ прозванномъ Новымъ Валаамомъ.

Осемъ событіи желая слышать еще нынѣ отъ кого нибудь, спрашивалъ нѣкоторыхъ:

Целлгея жена Степанова говорить такъ: что она въ молодости слыхала о семъ, но только многое не помнить.

Колоніальный гражданинъ креоль Петръ Гавриловъ говорить: что онъ слыхалъ о наводненіи бывшемъ въ гавани св. Павла въ бытность отца Афонасія, который будто неотходилъ съ лайды всю ночь по опасенію. А отецъ Германъ жилъ ли тогда на Еловомъ не знаетъ.

Алеутъ Игнатій Алигьяга отзывается, что онъ въ долге по поселеніи отца Германа на о-въ Еловой былъ посланъ изъ Игакской бухты къ отцу Герману, и что онъ ни отъ кого не слыхалъ о семъ событіи! почему и сомнѣвается.

При мысляхъ моихъ, что должно быть я слыхалъ ложь, Богъ послалъ какъ бы утѣшеніе, алеута Василія Гагарина который пріѣхавъ изъ Орловскаго селенія съ женою Ириною пришли ко мнѣ въ гости, которыхъ спрашивалъ объ отцѣ Германѣ и не слыхали ли о наводненіи бывшемъ въ живности Германа; начто утвердительно отвѣчали оба, что они слыхали и о вѣрности не сомнѣваются потому что слыхали отъ такихъ добрыхъ и старыхъ людей которыя солгать никогда не могли и что еще слыхалъ (Василій) будто говаривалъ отецъ Германъ, что на о-вѣ Кадьякѣ скорѣе случится что либо опасное чѣмъ на Еловомъ.

2-е. Разсказъ старухи Целлгеи жены креола Степанова, самовидѣцы происшествіи при жительствѣ ея во услуженіи у правителя Никифорова.

Приходившія изъ Ситхи бывшія главными правителями колоніи гг. Честяковъ и Муравьевъ ѣзжали на Еловой по ночамъ крѣдучи отъ людей на байдаркахъ съ бывшимъ Кадьякскимъ правителемъ Никифоровымъ и священникомъ Фурументьевымъ и приставали къ Еловому тамъ гдѣ люди подозрѣвать не могли, гдѣ притаившись какъ въ засадѣ между лѣсомъ слѣдили какое жительство препровождаетъ отецъ Германъ! и, покуда не были замѣченными отъ людей, возвращались назадъ также ночью въ тихомолку конечно не выдавъ ничего предразсудительнаго, не могли очернить и обеславить старца.

3-е. Въ 1825 году по прибытіи на Кадьякъ священникъ Фурументій Мордовской, по какому только случаю или поводу не знаю, поѣхалъ на Еловой и сталъ обыскивать (какъ говорятъ и нынѣ) пожитки отца Германа! Съ нимъ былъ правитель Никифоровъ и русскіе служители компанейскія. Когда же не нашли ничего цѣннаго, то одинъ изъ числа русскихъ Пономарьковъ, взявъ топоръ началъ выворачивать плахи съ пола, (навѣрно съ дозволенія старшихъ), тогда будто отецъ Германъ вздохнувъ и смиреннымъ духомъ сказалъ: несчастный, напрасно ты взялъ топоръ; и тутъ же предсказалъ ему такъ: сіе орудіе лишитъ твою жизнь. Что же! въ долге послѣ того понадобились люди въ Никольевскомъ редутѣ, тогда изъ Кадьяка послали служителей русскихъ въ томъ числѣ и упомянутого Пономарькова, гдѣ въ скоромъ времени кенайцы у снага отсѣкли голову топоромъ! такъ сбылось предсказаніе обиженнаго.

4-е. Въ 1834 году изъ бытность главнаго правителя Ф. П. Врангеля въ Кадьякѣ, отецъ Германъ былъ въ гостяхъ у него по приглашенію его (какъ дѣлали и предшественники его, ибо старецъ былъ краснорѣчивъ

и не утомивъ въ назидательныхъ бѣдахъ). Постелю стлали для Германа въ кабинетѣ, когда же приходили по утрамъ убирать постелю, находили совершенно не тронутымъ и старца постоянно бдящимъ! заставляли.

Во время оного, въ одинъ день отецъ Германъ просить Г. Врангеля написать что-то (что въ послѣдствіи слышалъ будто письмо Митрополиту, только незнаю кому), съ просьбою неупотреблять никакого краснорѣчія а просто какъ будетъ сказываемо. Когда же было кончено письмо по просилъ прочесть, и когда нашелъ вѣрнымъ по его диктовкѣ, старецъ всталъ со стула поблагодаривъ сказалъ: за вѣрный трудъ Ф. П.: поздравляю васъ съ Адмиральскимъ чиномъ, Г. Врангель соскочилъ съ мѣста съ виднымъ испугомъ кланяясь говорилъ: что вы Батюшка, на что Германъ повторялъ, что онъ получить. Когда же Г. Врангель выѣхалъ въ С.-Петербургъ, то сіе предсказаніе сбылось! Можетъ быть сей добрякъ еще здравствуетъ и не забылъ бывшее.

Также я слышалъ, что отецъ Германъ за годъ до извѣстія въ Кадьякѣ, предсказывалъ о успѣхѣ Московскаго Митрополита, о чемъ не обвиняясь сказывалъ алеутамъ, что ихъ большой начальникъ оставилъ земной жизнь.

Также будто предсказывалъ насчетъ 12-го года.

5-е. Отецъ Германъ очень часто бывалъ въ гаванѣ въ бытность правителя В. Из. Кашеварова, который любилъ и уважалъ и онъ бывалъ виновникомъ разъѣзды старика, правда и самъ Кашеваровъ нерѣдко бывалъ у него на Еловой особенно когда строили первую часовню.

Однажды между разговоромъ Германъ говорить Кашеварову, любезный кумъ, (отецъ Германъ принималъ

отъ купели единого сына Кашеварова), жаль мнѣ тебя. смѣна тебѣ будетъ непріятная. Кашеварова смѣняли послѣ смерти Германа чрезъ годъ или два, а предсказаніе сбылось, Кашеварова отправили на Ситху связаннымъ!

Петръ Гавриловъ о справедливости сего также подтверждаетъ доказывая что онъ самъ слышалъ и видѣлъ какъ сіе было (онъ тогда былъ навѣстяхъ у Кашеварова) и говорить такъ: когда Кашеваровъ былъ въ послѣдній разъ на Еловомъ, между разговоромъ провожая Кашеварова на лайду, отецъ Германъ остановилъ противъ часовни, предсказалъ что по смѣнѣ встрѣтитъ непріятности, и многое что то отецъ Германъ говорилъ Кашеварову, только Гавриловъ немногъ все слышать, во первыхъ былъ въ хлопотахъ и притомъ боялся прислушиваться боясь начальника своего, и притомъ семейство Кашеварова ждали на лайдѣ.

Другіе говаривали такъ: что Германъ предсказалъ Кашеварову смѣну позорную за то что онъ безъ чело-вѣчно наказывалъ людей, приѣда, Кашеваровъ если случалось кого отучать отъ какого порока, дѣлалъ такъ чтобы было памятно, за то люди уважали и боялись старшихъ.

б-е. Въ одно время въ бытность мою на Еловомъ, былъ я К. Ларіоновъ у него въ келіи, со мною былъ алеутъ Степанъ прозываемый Штулукъ. Когда мы пришли къ келіи, какъ былъ предваренъ, у дверей сотворилъ молитву: Господи Іисусе Христе сынѣ Боже помилуй насъ, когда же услышали отъзвъ, аминь. тогда мы вошли въ келью, гдѣ застали старца сѣдышимъ на полу, рубящимъ сѣчкой на корытѣ картофель (что впослѣдствіи узналъ для хлѣбовъ). Это было въ 1835 году, мнѣ

было тогда не болѣе 12 лѣтъ, онъ мнѣ велѣлъ достать съ полки книгу и заставилъ находить статьи о которыхъ былъ предметъ его рассказа, а какъ я тогда небегло читалъ, то онъ мнѣ сказывалъ или указывалъ страницы объясняя церковныя цифры, самъ же кажется былъ слѣпъ, а въ книгахъ повидимому помнилъ слова всѣ наизусть, потому что онъ по отдалъ сидѣлъ отъ насъ.

Между рассказами, сдѣлалъ мнѣ вопросъ, что передаю въ точности: миленькой, какъ дуиашь; строемая часовня будетъ ли оставлена въ тунѣ? на что отвѣчалъ: Апа (какъ мы всѣ жители Кадьяка называли, въ переводѣ обозначаетъ: дѣдъ или дѣдушка) не знаю дѣйствительно значеніе вопроса тогда я не понималъ, но онъ вздохнувъ и немного помолчавъ сказалъ: дитя мое, помни, на этомъ мѣстѣ современеиъ будетъ монастырь, и просилъ меня перевести товарищу моему Степану, который былъ немного менѣе моего роста, что я и исполнилъ изъ слова въ слово.

Не знаю и до днесь, для чего стары деншии и украшены сѣдинами удостоилъ меня такимъ предсказаніемъ, или предвидѣлъ что во время свое, хотя и недостойнъ я, буду передателемъ слова его.

Старецъ бывалъ и въ нашемъ домѣ, однажды по прибытіи нашемъ изъ Ситхи, въ живности еще маменьки моей, я былъ тогда малъ, что конечно не помню, держи въ рукѣ бумажку подошелъ къ нему (какъ мнѣ рассказывалъ родитель мой), положивъ бумажку старцу на колѣни, сталъ что то лепетать, отецъ Германъ долго посматривъ на меня, сказалъ будто родителямъ моимъ такъ: берегите сына, я вижу въ немъ, что то будетъ отъ него. Быть можетъ, его молитвами благословилъ меня Богъ.

7-е. Однажды былъ пожаръ на Еловомъ, отъ пущен-

наго пала для огородовъ, когда объявили отцу Герману, онъ приступилъ къ работѣ и пришедшій къ нему Игнатій, сталъ пособлять, работа была такого рода: мохъ сталъ сдирать между густымъ лѣсомъ, шириною не болѣе одного аршина, который простеръ до подошвы горы, который болѣе походилъ на черту, какъ говоритъ Игнатій. И потомъ отецъ Германъ будто сказалъ: что огонь непередеть сей черты и огонь на другой день подошелъ какъ бы съ напоромъ, отецъ Германъ же отправился въ свою келью, на вѣрно припасти предъ милосердіемъ Бога. Огонь дошедъ на развороченный мохъ и пробѣжавъ въ даль онаго ненайдя себѣ прохода, приведемъ свое неистовствѣ, не коснувшись густаго лѣса, возвратился въ спять т. е. назадъ! да, истинно было чудо.

Бывшій сотрудникъ Игнатій Алигьяга, находится еще въ живыхъ, который говоритъ: что не было возможности спастись.

8-е. Предсказаніе о. Германа алеутамъ: которыхъ будто говаривалъ: что въ скорѣ послѣ смерти его будетъ понаяльная болѣзнь и что много умрутъ люди, послѣ чего алеутъ соберутъ русскія воедино. Сіе предсказаніе сбылось въ скоромъ времени послѣ смерти Германа, кажется чрезъ полгода, именно оспѣнная повѣтрія, отъ ко- его умерло много алеутъ, такъ что въ иныхъ селеніяхъ осталось по нѣскольку дѣтей! на что и было обращено вниманіе колоніяльнымъ начальствомъ, гдѣ также содѣйствовалъ протоіерей Петръ Литвинцевъ (тогда онъ былъ священникомъ на Кадьякѣ). Такъ изъ 20 селеній сдѣлались 7 селеній, и предсказаніе отца Германа сбылось въ точности.

9-е. Изъ словъ Игнатія, который находится доднесь на Еловомъ, отецъ Германъ будто предсказывалъ ему:

что живущія на Еловомъ люди всё умрутъ. и что онъ Игнатій останется одинъ и будетъ старъ и беденъ, и что чрезъ 30 лѣтъ по смерти отца Германа въ спомнать и въ это время будетъ живымъ Игнатій, чему удивляется говоря: какъ подобный намъ человекъ могъ знать на долгое время въпередъ. да, истинно онъ былъ не простой человекъ, потому что мысли наши видалъ, которыхъ невольно открывали ему, когда онъ (отецъ Германъ) доводилъ до того, начто получали отъ него наставленія.

Еще говаривалъ (Германъ) хотя долгое время пройдетъ послѣ смерти его, его не забудутъ и мѣсто его бывшее жительствомъ не будетъ пусто, что подобный ему монахъ убѣгающій славы человѣческой придетъ и будетъ жить на Еловомъ, и Еловой не будетъ безъ людей.

Также предсказывалъ: что землетресеніи на Кадьякѣ будутъ частыя и усилятся, и что будутъ являться кометы изъ конхъ одинъ будетъ страшною.

10-е. Просьба отца Германа передъ смертію, что подтверждаетъ и Игнатій.

Отецъ Германъ просилъ окружающихъ себя, когда умредъ, не доносить Правителю покаместъ непогребутъ его тѣло (должно быть во избѣжаніе чествованія) предсказывая что его лица изъ гаванскихъ никто не увидитъ. Но жители Еловаго не исполнили просьбу старца боясь русскихъ, какъ говаривали алеуты.

Какъ скоро Кашеваровъ извѣстился о смерти достопочитаемаго всѣми, озабочился сдѣлать гробъ, который былъ сдѣланъ къ доброй памяти Кашеварова въ лучшемъ видѣ. Только вѣтръ задувшій недалъ Кашеварову и священнику приготовившимся ѣхать самимъ (тогда какъ до Еловаго отъ гавани всего 2 часа ѣзды), и гробъ былъ

съ великомъ трудомъ отправленъ чрезъ мѣсяцъ съ опытнымъ старикомъ Козымою Училищевымъ.

Еловскія какъ скоро получили гробъ, положивъ въ оный останки добраго нашего старца, предали къ землѣ, и въ тотъ же разъ вѣтръ стихъ и море сдѣлалось какъ зеркало! такъ послѣднее предсказаніе отца Германа сбылось.

Просьба же старца была такого рода, какъ говорить Игнатій:

По окончаніи своей жизни не велѣлъ себя мыть, а положить просто на доску, положить обѣ руки на грудь, ничѣмъ не одѣвать кромѣ своей мантией и стѣ полу снявъ полость въ ладонь ширины, и спеленать его овымъ, а лицо покрыть воскриліями. Если же кто пожелаетъ проститься, то заповѣдалъ положить на голову, т: е: колбу крестъ который онъ носилъ (толи съ четками или какой, я Игнатія не могъ понять), коего велѣлъ цѣловать, лица же строго запретилъ ни показывать никому.

Похоронить же велѣлъ себя подъ дерево или подъ пѣнь закрывъ себя бывшимъ своимъ одѣяломъ, котораго люди не знали кромѣ стариковъ Игнатія и Исаія, одѣяло это было въ ростъ отца Германа, доска!! На что Игнатій прибавляетъ: что трудную жизнь велъ Апа и никто не можетъ подражать его жизни.

По смерти Германъ находился въ домѣ воспитанниковъ своихъ ровно мѣсяцъ, гдѣ было тепло но у отца Германа лице не измѣнилось, даже не получилъ никакого запаха! какъ не старались ислѣдовать жившія въ ономъ домѣ. На что прибавляетъ Игнатій: да, мы передержали противъ завѣщанія его.

Еще передъ смертію завѣщалъ жителямъ около часовни или воспитанникамъ своимъ, когда оставитъ земной

жизнь, то чтобы *они одного большого быка употребили на пищу*, Исай умеръ послѣ смерти отца Германа.

И только что разстался съ душою Германъ, этотъ самый назначенный на убой быкъ съ баламутился и сталъ бѣгать и въ этомъ бѣганьи стухнулся объ лесину и упалъ! почему люди должны были дорѣзать. Чему видѣвшіе рассказывали и самъ Игнатій съ удивленіемъ... Конечно люди сіи сдѣлали бы приказаніе сіе, только поранѣ какъ по донесеніи мѣстному Правителю, но старцу можеть не угодно было такъ. Это также достойна своего вниманія, ибо нѣтъ ничего случайнаго, а все дѣлается поволѣ Бога.

11-е. Отъ словъ самовидицы старухи Аяны вдовы Вологдиной, и показанію ея есть еще въ живыхъ алетка также старуха Аяна Пыцмышкпакъ, которую я нынѣ видать не могъ подаленности жительства ея.

Во время жительства нашего въ селеніи „Катани“ (на Афогнакѣ), въ одинъ вечеръ былъ видѣнъ отъ Еловаго къ небу необыкновенно свѣтлый столбъ, тогда же опытные старики и мужъ Аяны, креоль Герасимъ Вологдинъ сказали: видно отецъ Германъ оставилъ ихъ, и тотчасъ стали молится Богу. Въ послѣдствіи когда извѣстились о смерти Германа, то узнали что въ ту самую ночь было видѣніе. (Въ сноскѣ подъ страницей рукою преосв. Петра приписано: „Отецъ Германъ умеръ 18 декабря 1837 года“).

О семъ я слыхалъ отъ многихъ людей, которыя видѣли съ разныхъ мѣстъ, другіе видѣли на морѣ ѣдучи на байдаркахъ.

Въ тотъ же вечеръ: съ другаго селенія также съ Афогнака, видѣли челоѣка на воздухѣ ниже облаковъ надъ Еловымъ.

12-е. Часть изъ келейной жизни.

Въ бытность мою въ кельи отца Германа, видѣть я удостоился какъ его назвать одръ или опочивальню, мѣнѣе $\frac{3}{4}$ арш. лавочку покрытый олѣньей шкурой безъ шерсти, не знаю почему а можетъ быть и отъ времени, одѣяло же небыло, и я грѣшный сидѣлъ на ономъ, что считаю верхъ моего счастья. Сія лавочка стояла нъ плотъ къ печкѣ, а напечкѣ сія доска лежала и никто не зналъ значеніе ея, къ чему и для чего, я даже и незамѣтилъ. Знали о сей доскѣ только двое Игнатій и Саин.

На возглавіи же лежали 2 кирпича вмѣсто подушекъ покрытыя также голой шкурой или роздугой! также незамѣтныя для проходящихъ.

Неподалѣку отъ кельи, протѣкаетъ рѣчужка у которой постоянно ометзется устье буруномъ. Отецъ Германъ, вѣсвою когда появится рѣчная рыба, возметъ огребетъ песокъ такъ что только только пройти рыбѣ, и что же; рыба перво приближавшаяся къ берегу, стрѣмится въ нее! Откуда пользовался старецъ такимъ родомъ, какъ Игнатій говорить: прикажетъ Апа (старецъ) достать рыбу и дать заснуть, потомъ велитъ расплостать надвое, часть очень малую употребить для себя, а остальное положить на доску, нарѣзавъ пластиньками и кормить птицъ, которыя не отходили отъ его кельи. А что всего замѣчательнѣе, гарностаевъ которыя жили подъ его кельей и щепились! Странно, сей звѣрекъ когда ощенится бываегъ недоступенъ, а отецъ Германъ кормилъ изъ рукъ, ни чудо ли мы видѣли, какъ говорить Игнатій. Послѣ смерти Германа, птицы и звѣрьки отшетились! Если же посторонній человекъ самовольно держитъ бывшія огороды отца Германа, недаютъ никакого урожая! утверждаетъ Игнатій.

Отецъ Германъ носилъ жилѣзныя периги, которыхъ

нашли въ долге посмерти Германа, въ часовнѣ позаты Иконы Божія Матери, другіе говаривали что они сами упали изъ за образа. Которыя и доднесь хранятся въ оной часовнѣ.

Креолъ Константинъ Ларионовъ.

Р. С. Отецъ Германъ лѣтомъ занимался огородствомъ: распахивъ самъ землю, сѣялъ: рѣпу и рѣдку. Садилъ картофель и чеснокъ не бороня землю, а просто, собранъ землю въ одну кучу въ сыпалъ въ сдѣланную яму картофель, а чеснокъ въ гряды. Расположалъ хренъ. И воспитанникамъ своимъ давалъ средства къ умноженію огородства, и отъ урожая содержалъ оныхъ людей. Обучалъ грамотѣ и къ церковному пѣнію, которыя при молитвословіи отца Германа мальчикъ замѣнялъ чтеца а прочія дѣвицы бывали пѣвчими, которыя пѣвали очень пріятно ибо я самъ бывалъ нѣсколько разъ при служеніи: заутрени въ Свѣтлую недѣлю и часовъ.

Запасеніе къ зимѣ дѣлалъ старецъ собираніемъ грибовъ разныхъ, которыхъ сушилъ а иныхъ солилъ. Соль же варилъ самъ изъ морской воды или расола.

Землю одобрялъ морской капустой въ мѣсто навоза, которую носилъ въ коробѣ. Видѣвшія величину онаго рассказывали: что одному сію плетѣнку трудно было поднять, а онъ этотъ трудъ дѣлалъ всегда безъ людей. Почему люди удивлялись, какъ могъ такой старецъ переносить такую тяжесть на большое разстояніе.

Мяса отецъ Германъ неупотреблялъ, и потому когда бывалъ въ доиѣ Кадьяккаго правителя или когда гостилъ у прибывшихъ изъ Ситки гг. главныхъ правителей, готовили для него особенное постное кушанье, которую отвѣдавъ оставался безъ обѣда или безъ ужина. Чай употреблялъ своевременно, т. е: два раза въ день.

Бесѣдующія спимъ увлекались его разговоромъ, какъ что поутрамъ когда расвѣтаетъ день, приходили какъ бы въ себя, и тогда оставляли старца на покой, но и тогда отецъ Германъ не предавался къ сну.

(Слѣдуетъ приписка рукою преосвященнаго Петра):

„Свѣденія эти, по моему порученію, собиралъ и написалъ Кадьякскій житель, Константинъ Ларіоновъ, стоящій довѣрія. Петръ, епископъ Новоархангельскій, Викарій Камчатской епархіи.

21-го маія 1867 г.

Ос. Ситха.“

№ 17.

Записка объ о. Германѣ Надьякскаго священника о. Петра Кашеварова, озаглавленная „Отецъ Германъ“, отъ 7 сентября 1866 г. — На запискѣ помѣтна рукою преосв. Петра: „Получено въ Ситхѣ, 11-го сент. 1866 г.“

Отецъ Германъ.

Въ 1798 году пришли изъ Россіи миссіонеры, состояшіе изъ 7 монаховъ подъ начальствомъ Архимандрита Іоасафа, который поручилъ Кадьякскую церковь монаху Герману, жившему въ то уже время на островѣ Еловомъ. — Онъ устроилъ тамъ мужскую и женскую училища, былъ преподавателемъ въ обоихъ училищахъ Закону Божію, также пріучалъ ихъ и къ общественной жизни, самъ же живя отъ нихъ далеко, занимался своими трудами какъ-то: строеніемъ себѣ келіи, въ которой онъ жилъ, а которую ему келію строили онъ пророчески сказалъ „мнѣ не надо“ и дѣйствительно онъ умеръ спустя нѣкоторое время недождавшись достройки келіи.

Поучалъ неоднократно посѣщавшихъ его какъ-то: священниковъ, правителей конторы Кадьякской и другихъ лицъ, которые хотѣли у него взять богатство (чего не было) и даже порывались къ нему съ топорами; до-

стопримѣчательное слово было сказано имъ „ты что пришелъ, то на тебя будетъ“, это сбылось съ бывшимъ правителемъ Кадьякской конторы В. П. Кашеваровымъ, который имѣлъ дерзость ломать у него къ келии полъ (съ однимъ изъ служителей компаніи) п искать золота, котораго у него не было;—озлобленныхъ укрощалъ своимъ смиреніемъ.

Много разъ предсказывалъ погоды рубившимъ тогда тѣсь на строеніе, нынѣ существующее въ Кадьякѣ, также предсказалъ быть архіерею въ Америкѣ (чѣмъ насъ Господь Богъ наградила) и еще (что еще не исполнилось) что будетъ на островѣ Еловомъ (гдѣ онъ лежитъ) большой монастырь.

Теперь можно сказать, что я самъ видѣлъ надмогильный памятникъ отца Германа, до сихъ поръ какъ будто сегодня сколоченный и нетронутый временемъ.

Вериги носилъ онъ на голомъ тѣлѣ желѣзныя вѣсомъ въ 15 фунтовъ, которыя до сихъ поръ хранятся въ часовнѣ на Еловомъ, равно и схима находится въ цѣлости.

Кадьякскій священникъ Петръ Кашеваровъ.

7-го сентября 1866 г

Павловская гавань.

на о-в. Кадьякѣ.

№ 18.

Письмо архимандрита Іоасафа къ отцу Герману, отъ 8 іюня
1798 года.

О-цъ Германъ!

Должности церковныя, такъ же и присмотръ за благоустройствомъ и службой церковною препоручены мною отцу Нектарію, а чтобъ излишню неотяготить его домашними экономическими должностями; то лавка съ имуществомъ оставляется въ смотрѣніи у тебя съ отцомъ Іоасафомъ, ибо вы не занимаетесь по церкви, то и будете имѣть время, поразобравшись съ имуществомъ, по временамъ просушивать оное, нужное на продолженіе времени выдавать братіи съ отпѣткою что и куда израсходуете, вразсужденіи провіанту и другихъ жизненныхъ припасовъ, уже вы навыкли какъ то употреблять, чай и сахаръ такъ же можете употреблять сообразно съ нынѣшнимъ расходомъ, церковное вино выдавать можно по штофу разчисляя время, свѣчи такъ же выдавайте по целому ящику кои и будутъ содержатся въ церкви; ежели бы когда и случилось пороптать кому пзъ братіи вы внимать тому не должны, а въ случае и утѣшать чемъ либо, но по вашему разсмотренію а не по ихъ прихотямъ. платье и обувь потребное всѣ выдавайте, а въ излишнихъ требованіяхъ отказывайте рѣшительно. Для пересушки имущества подъ вашимъ присмотромъ можете занимать безъ изыятія всѣхъ, ибо имущество есть общее всѣхъ; а

сколько чево при домѣ и въ лавкѣ остается тому сообщается здесь фактура. Видится что недостатка имѣть ни въ чемъ не будете на долгое время, а ежели въ чемъ нужда будетъ; то можете относится къ г-ну Правителю здѣшней Компаніи, и ежели требованіе ваше будетъ справедливое а ояъ то имѣть; то надѣюсь, что ни къ чему вамъ отказано небудетъ. А ежели и Компаніи или в самому Правителю нужда востребуется заняться чѣмъ либо и отъ васъ, то можете подъ росписку давать изъ такихъ вещей конхъ у насъ избыточно, какъ то прядино можно въ Компанію отдать все оставя только для собственного употребленія часть китаекъ, холста, сумъ дорожныхъ провіантскихъ дотравной водки, а прочево отпускать по вашему разсужденію. Осипу Андреичу такъ же подъ росписку давать можете соразмѣрно, чаю, холста китаекъ дублены, и чево вы сами разсудите по потребамъ его и по избытку вашихъ вещей смотря.

Иоанъ, Гаврилу и Ивану Чорному давать нужную одежду и обувь, и имѣть за ними хорошей присмотръ; такъ же и Куликалову во время недостатки выдавать какъ на рубашки такъ и на обувь.

О многомъ вамъ напоминать питаю за излишніе вы сами можете все располагать сообразно обстоятельствамъ. каковыя съ вами встретиться могутъ.

А единаго сего сердечно желаю, да пребудетъ съ вами благодать Божія, и страхъ Его да вселится въ сердцахъ вашихъ, о семъ моля благость Божию пребуду и есмь вашъ доброжелатель

Архимандритъ Іоасафъ.

1798-го года
Іюня 8-го дня.

№ 19.

Изъ письма С. И. Яновскаго Игумену Дамвскину, отъ 10-го декабря 1867 года. — На письмѣ помѣтка: „№ 190. Въ Монастырѣ получено 23-го декабря 1867 года“.

Прилагаю вамъ, благодѣтель мой, весьма замѣчательную копію съ письма о. Германа, писаннаго въ 1819 году въ декабрѣ къ игумену о. Іонафану самвиѣ о. Германомъ, имѣ присланную изъ Москвы, найденную въ бумагахъ недавно умершей родственницы его въ Страстномъ монастырѣ. Интересно будить для васъ читать, — изъ копій сей много вы увидите: островъ уединеннаго жилища о. Германа находится недалеко отъ гавани — всего въ 10 верстахъ—это на байдаркѣ одинъ часъ ѣзды, — почти въ самомъ томъ мѣстѣ какъ я его назначилъ на рисунокъ. Хижина его, рѣчка и огороды, какъ онъ пишитъ и какъ я изобразилъ на моей картинкѣ. Я очень радъ, что это совершенно согласно съ моимъ описаніемъ—этотъ документъ вы можете оставить у себя.

№ 20.

Копія письма отца Германа Валаамскому игумену Іонафану,
отъ 13 декабря 1819 года.

Копія изъ Амѣрики письмо отца Гѣриана.

Ваше Преподобіе Милостивый Государь Батюшка
Отецъ Іонафанъ и со всею о Христе любѣзною и пре-
любѣзною братією о Господѣ радоватися вамъ желаемъ.

Къ великому вашему удивленію многожеланное и
многолюбѣзное но неожиданное, въ другъ сверхъ чаянія,
какъ радостная молнія, ваше писаніе насъ убогихъ мно-
гимъ растояніемъ удаленныхъ, и во многое времени
какъ темной ночи глубокою тіюю, забвеніемъ покрытыхъ
светомъ радости озарило, отъ васъ ноября 8-го числа
1818-го года посланное, а къ намъ ноября 10-го 1819-го
года.

Любви вашей какое принести благодареніе никакихъ
средствъ ни способовъ не находимъ, кроме сего ничто
же значущаго убогаго нашего начертанія, коимъ за пѣр-
вое нынѣшнее ваше писаніе всеусердное приносимъ бла-
годареніе, и просимъ естли будетъ свашей стороны воз-
можно, удостойтъ насъ, какъ и нынѣ вашего чрезъ пи-
саніе посещенія, и увѣдомитъ какимъ образомъ отецъ

Назарій изъ Балаамской въ Саратовскую обитель вышелъ по нужде ли какой, или своею волею въ какомъ году, и мѣсецъ скончался, также и во святой Балаамской вашей обители, сколько Иеромонаховъ Иеродьяконовъ, и кто оны, естли изъ какихъ прежде бывшихъ знакомыхъ или уже все новыя.

Просимъ же какъ вы изволили въ спомнить насъ и посетить своимъ писаніемъ, такъ въ спомнить насъ и помянуть убожество наше, предъ всеилнымъ Богомъ, во святыхъ вашихъ молитвахъ; мы не въ морскихъ волнахъ обуреваемъ, но среди прелѣстнаго и многомятежнаго міра страждемъ и скитаемся по Апостольскому слову, хотя и неимѣемъ той Благодати каковую имѣли Святые Апостолы, но сраженіе наше къ темже безъ плотнымъ началомъ и властемъ, къ миродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебѣснымъ, кои всехъ путешественниковъ къ небѣсному нашему отечеству стараются перехватить, и удержать, и не допустить по слову святаго Петра зане оупостатъ нашъ діаволь яко лѣвъ рыкая ходить нища како поглотити, въ томъ случае мы слабыя и немощныя всеконечно имѣемъ нужду искать помощи отъ вашихъ Святыхъ молитвъ.

Незабутте вселюбіязѣйшіи Наши Отцы, незабутте нашу нищету помянуть, предвсемоущимъ Небѣснымъ Царемъ, всехъ во святѣй вашей обители просимъ.

А онашей странѣ и мѣсте и онашемъ состояніи и пребываніи имѣемъ честь донести, страна известная вамъ Америка.

Островъ Главной Кадьякъ, внемъ Компанейская Гапань, и церковь воскресенія Христова, тутъ отъ компаніи данъ намъ домикъ, съ самаго начала нашего приезда, страна холодная, зимы бывають нетакъ холодныя, но

непостоянны, снега и дожди по переменно, лѣто начинается нерано и холодно, овощи огородные только репа, ретка, картофель, а более ничего не вызреваетъ, хлѣбъ неродится ноть нуть никто не сеютъ, А толко мало бываетъ привознаго, Самородные Овоща, коренья, первой называется сарана несколько горьковатъ, но очень у насъ въ почтеніи, Ево вопервыхъ сваривши потомъ мешаютъ съ ягодами называются шикшею и наливаютъ китовымъ жиромъ и бываетъ по привычке нашей изряднымъ кушаньемъ, другой макарша мелкой и къ собиранію трудной Употребляется сырой и вареной, въ кусъ имеетъ несколько на Ареховой но только мало ево бываетъ, ягоды малина неруская, но другога роду, бываетъ же брусника и марошка но очень мало черника годомъ довольно а болѣе всего шикша въ довольномъ собирается количествѣ, въ зиму заготавливается скитовымъ жиромъ, а иногда и ссараною у васъ на баламѣ она есть но не употребляются, а называется вороницею. Рыбы разныхъ родовъ превеликое у насъ множество, такъ же и китовъ изнихъ лиша почитается лудшею, есть же и другія водяныя животныя кои такъ же служатъ намъ ко употребленію. Народы у насъ накадыаке, иподругимъ островамъ мало на зываются Олеуты, смирны, и весьма бѣдны, многія говорятъ поруски, къ намъ ласковы и многія знакомы, матерая земля отъ насъ съ северной стороны верстъ за сорокъ А съ восточной стороны болѣе, тамъ народы Кенайцы, Чугачи, Калоши по названію, и другіе многіе изнихъ знакомыхъ намъ довольно.

А сами мы Балаискіе все, вамъ известные трое, живемъ невѣдѣ месте, отецъ Афонасій, отъ церкви верстъ за сорокъ или болѣе на островѣ Афогнаке которой отъ Кадьяка отъ деляется ускимъ проливомъ, отецъ Іоасафъ

о коемъ вы упоминаете бывшей у васъ послушникомъ въ гаване при церкви въ томъ домикѣ о которомъ я выше сего упомянулъ для храненія библіотеки и ризницы, а въ воскресные дни съ некоторыми изъ школы мальчиками отъ правляетъ церковную службу, а я отъ гавани верстъ за десять на особливомъ малинкомъ островке, ния ему Новой Баламъ, блиско подлѣ меня самая малиная речка, въ ней летомъ довольно бываетъ рыбы, живу одинъ только версты задне отъ меня семьи три Американцевъ они мнѣ съ великою любовію въ нуждахъ помогаютъ, отецъ Іоасафъ часто ко мнѣ ездитъ въ кожаныхъ американскихъ лотачкахъ, кои называются по сдѣшнему Байдарки, въ месте у насъ огороды нво всемъ общество. Живущіе подле меня американцы цочитвють зародныхъ нво всемъ намъ помогаютъ.

А о продчихъ нашихъ братіяхъ думаю изволили слышать въ первый годъ нашего приезда два Јеромонаха. отецъ Макарій, и отецъ Ювеналій въ нашей же обители бывшей послушникомъ на зывался Яковъ Ѳедоровичъ изъ офицеровъ, и въ нѣвскомъ постриженъ на званъ Ювеналиемъ, отъ правились для проповѣди, Макарій на алеутскіе острова Лисей гряды, А отъ толь Выехаль въ росію, Ювеналій навосточной берегъ матерой земли, вопервыхъ въ Чугатскую бухту крестивши внеи народъ. пустился къ северу по берегу океяна, перенесясь чрезъ горы въ Кинайскую губу, презимоваль крестивши тамошней народъ, далѣе приближаясь къ северу перешель Аляксу, и тамъ отъ некоторыхъ народовъ убить, какамъ образомъ слухи несогласныя и отъ какихъ имянно народовъ ипониѣ Вернаго известія еще нѣтъ. После техъ Отецъ нашъ Архимандритъ былъ требованъ Вроссію для производства Во Архіерея и принятія въ городѣ Иркут-

скѣ посвященіе возвращался обратно, аснимъ и выше-помянутой Іеромонахъ Макарій, и были уже отъ Кадьяка. по признакамъ Выкинутыхъ Судовыхъ частей, судно въ море разбилось неизвестно, а нынѣ мы одни трое только остаемся живы, благодаря всемогущаго Бога, при всехъ нашихъ печальныхъ обстоятельствахъ и приключеніяхъ живемъ весело и спокойно одни, только печаль какъ бы небѣснаго достигнуть Отечества, для того васъ просимъ и молимъ Преподобные Отцы Любѣзные батюшки помогите убогимъ намъ Вашими Святыми молитвами, въ надѣжде чего остаюсь

Вашего Преподобія
Покорный слуга и усердный послушникъ
Убогій Германъ.

Присемъ прошу засвидѣтельствовать усердное мое почтеніе отцу Іакову бывшему Ивану Алексіевичу нашего монаха Іоасафа брату хотя лично мнѣ знать и не было случаю, такъ же Гавріилъ Терентьевичу много и премного о нихъ радуюся и благодарю Бога.

Убогій Германъ.

11—13-го, Декабря
1819-го года.

Америка Островъ Кадьякъ.

Приложеніе II.

Изъ рукописи соборнаго іеромонаха Александро-
Невской лавры о. Гедеона.

(Точная копія).

1804. Іюнь. 8-го числа въ 1 часть по полуночи при Брамсельномъ (ровномъ или посредственномъ) вѣтрѣ отъ сѣверо-востока прошли мы 122 версты, и въ полдень находились въ широтѣ 23.6. долготѣ счислимой 160.18. По хронометрамъ 160.10.—Отъ насъ восточная сторона острова Уналашки была разстояніемъ въ 467-ми Нѣмецкихъ миляхъ. Въ 5-мъ часу по полудни миновали тропикъ рака.

Отъ 8-го до 19 числа имѣли плаваніе при благополучномъ вѣтрѣ и переменной погодѣ, то при ясной и пасмурной, то при небольшомъ дождѣ и сырости; а 17 въ 5-мъ часу по полудни терпѣли штормъ, который только продолжался до утра слѣдующаго дня. Въ оныя 10-ть сутокъ пробѣжали 2038 версты, и были въ широтѣ обсервованной 42.18, долготѣ счислимой 164¹/₂. По хронометрамъ 163.13.

Съ 19 числа начались частые туманы, дождь, пасмурность, мокрота, сырость и продолжались почти до окончания сего мѣсяца. Отъ сего числа до 26-го къ сѣверовостоку прошли 1372 версты.

26-го въ началѣ 3-го часа по полудни увидѣли островъ Укамокъ или Чириковъ; 27-го въ 2 часа по полудни еще Троицкіе острова—Ситхинокъ и Тугидокъ; въ 12 часу легли въ дрейфъ.

28-го въ половинѣ 3-го часа по полуночи открылся глазамъ нашимъ Кадьякъ съ высокими своими горами, кои чрезъ все лѣто бывають покрыты снѣгомъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ нему то встрѣчали, то провожали величавые киты. Въ 5-мъ часу подняли Россійскій купеческій флагъ и въ разные часы выпалили изъ пушки три раза. Въ 2 часа по полудни пріѣхалъ къ намъ изъ Трехъ-Святительской гавани въ трехъ-лючной байдаркѣ Старый Байдарникъ Острогинъ, который остался у насъ на суднѣ для показанія входа въ Павловскую гавань.

29-го покрылъ насъ густой туманъ, и во весь день продолжалось маловѣтріе: 30-го въ 12-мъ часу туманъ нѣсколько прочистился; тогда увидѣли Чиніатскій мысъ (на Англискихъ картахъ мысъ Гренвилъ) въ 10-ти Италіанскихъ миляхъ. Въ 5-мъ часу по полудни при брансельномъ вѣтрѣ миновавъ оный мысъ выпалили изъ пушки съ ядромъ; по такому знаку пріѣхала къ намъ двух-лючная байдарка, которую тогдажъ отправили обратно съ письмомъ къ Правителю Баннеру для присылки байдаръ, чтобъ буксировать наше судно. Ибо въ это время насталъ штиль. Съ 9-го до 2-го часа палили изъ пушекъ, и звонили въ колоколъ, дабы посланные съ берега байдары насъ не миновали по притчинѣ густаго тумана.

1-юля 1-го числа въ началѣ 2-го часа по полуночи

закрѣшивъ всѣ паруса остановились на верпѣ при глубинѣ 5-ти сажень и грунтѣ илѣ. Тогда жь прѣхаль къ намъ Г. Баннеръ на ялѣ, и съ нимъ двѣ 14-хъ весельныя байдары. Въ 11-мъ часу прочистился, — подняли верпѣ, и пошли буксиромъ въ Павловскую гавань. Въ 1-мъ часу прошли стоящее на рейдѣ Американское судно *Океина*. Во 2-мъ часу съ Павловской крѣпости салютовано изъ 11-ти пушекъ. Въ 2 часа прошедъ оную крѣпость, положили якорь. — Отъ Сандвическаго острова Овиги до Кадьяка плаваніе наше продолжалось 26-ть дней.

Въ Павловской гавани все строеніе изъ еловаго леса. На берегу, близъ котораго на якоряхъ стоятъ суда, Таке-лажная съ другіими большими для поклажи горницами. Противъ оной на горѣ новый правительскій Домъ съ Библіотекою; а отъ него въ видѣ продолговатаго четвероугольника восемь разныхъ семейственныхъ домовъ. Противъ правительскаго Дома при самой оконечности мыса стоятъ церковь и колокольня съ ветхими крышами. Предъ самымъ входомъ въ церковь по правую сторону общая компанейская поварня, а по лѣвую сарай для байдаръ и разныхъ подѣлокъ; позади сарая кладовыя для кормовъ и балаганъ, т. е. сарай на столбахъ для юколы и качемиза, въ которомъ полъ изъ жердей для свободного проходу воздуха. Въ кладовыхъ содержатся китовое, сивучье и нерпячье мяса, жиръ китовый и сивучій, сарана, и ягоды шикша, брусница, морошка. Всѣ кормовые припасы привозятся изъ артелей. Противъ церкви за ручьемъ на возвышенномъ мѣстѣ преждебывшая деревянная полуциркулемъ крѣпость, коей третья часть за ветхостію уже отломана, а остались только покои для конторы, казармы для промышленныхъ, магазинъ для

путиныхъ товаровъ, лавки съ погребами и не много въ отдаленности кузница съ слѣсарнею. Все оное строеніе ветхо. За сѣмъ подъ горою старый правительскій домъ, гдѣ теперь находится Россійско-Американское Училище, ветхіе покои для духовной миссіи, общія компанейская баня, круглый кажимъ, гдѣ живутъ компанейскія каюры и больные, и новый сотскій дворъ. Отъ сего послѣдняго въ недалекомъ разстояніи находится домъ правительскаго помощника Баянера и гостинные покои.

Кромѣ онаго селенія на Кадьякѣ находятся слѣдующія артели:

1) Сапожникова близъ Павловской гавани, въ коей построена одна деревянная казарма для русскихъ, скотскій дворъ, балаганъ и алеутскіе курты. Здѣсь содержится болѣе коровъ, нежели въ другихъ артеляхъ. Съ великимъ трудомъ и неудовольствіемъ сѣютъ не много ячменя и овса. Соху таскаютъ алеуты вмѣсто быковъ.

2) На южной сторонѣ Кадьяка Игьтская артель въ бухтѣ того-жъ имени. Въ ней все строеніе изъ тополоваго и ольховаго лѣса. Домъ для байдарщика и русскихъ промысловыхъ, кормовая барабара (кладовая), поварня для китоваго жира, кухня, баня, анбаръ, новый скотникъ, алеутскій кажимъ, сарай и два лабазы, т. е. столбы съ перекладинами, на коихъ для сушки развѣшиваютъ рыбу. Отъ артели въ разстояніи трехъ верстъ на устьѣ озера—запоръ,—сарай на 8 саженьхъ длины съ тремя лабазами и земляная юрта. Здѣсь заготавливается до 60.000 юколы. Съ 10-го Апрѣля *гольцы* идутъ изъ озера въ море; *Красная* подходит къ запору 23-го Апрѣля и ранѣе; *Горбуша* и *Хаико* приходитъ съ моря въ половинѣ іюня. Изъ сихъ трехъ послѣднихъ рыбъ дріуготовляется юкола, посредствомъ женщинъ, кои сво-

ими американскими ножами на подобіе нашихъ сѣчекъ сперва разрѣзываютъ по-поламъ рыбу, по томъ отнявъ голову вынимаютъ всю хребтовую кость, и таковыя пластинки вѣсятъ для сушки на лабазъ, а съ оныхъ относятся высушенныя въ балаганъ. — *Кижучи* изъ рода лососей приходитъ къ забору въ половинѣ сентября и ранѣе; изъ него такъ же приготавливаютъ юколу и *кочемизъ*, въ космѣ хребтовая кость не вырѣзывается.

3-я артель въ Трех-Святительской гавани. Въ ней строеніе изъ талового и ольхового леса. Цокон для байдарики и приѣзжающихъ, казарма для десяти семей, кузница, поварня, три барабары (кладовыя) на 15-ти саженьхъ длины. Въ первой хранится жиръ и производится рѣзка китовины. — Части свѣжаго кита сперва изрѣзавъ на малые кусочки, кладутъ въ большія кади, и даютъ отстояться безъ прибавки воды 10-ть дней, а съ подюю еще 20-ть дней; потомъ вытапливаютъ жиръ умереннымъ огнемъ въ большихъ котлахъ около 20-ти ведеръ, прибавляя въ каждый котелъ по 8-ми ведеръ воды. Еслижъ китъ долго пробудетъ въ морѣ и начнетъ портиться, отъ солнечнаго жара и морскаго воздуха; то изрѣзавъ такового кита не кладутъ въ кади, а скорѣе къ котелъ, прибавляютъ болѣе воды и вытапливаютъ самымъ легкимъ огнемъ. А сивучій и нерпачій жиръ вытапливаютъ не прибавляя воды. Въ хорошій ловъ запасается до 50-ти бочекъ китоваго жира. Брюховыя части свѣжаго кита особенно парятъ въ котлахъ и для предохраненія намазавъ икрою съ вареною кислцею, кладутъ ихъ въ кади. Таковая китовина называется *навлиною* и готовится оной здѣсь для однихъ русскихъ болѣе 200 пудовъ. *Провискою* называется та, которую рѣжутъ прутьями изъ ластовъ свѣжаго кита и

изъ брюховыхъ частей и ластовъ бывшаго долго въ морѣ. Оную китовину употребляютъ для каюръ и каюрокъ. Въ средней барабарѣ (кладовой) юкола, коей въ хорошее время заготавливается до 90.000. Въ третей 4 чана ягодъ шикши съ китовымъ жиромъ, изъ коихъ выходитъ болѣе 30 бочекъ. Между второю и третьею барабарами сдѣланъ сусекъ или ларь (закрамъ) для сараны, коей собирается въ урожай болѣе 600 ведръ. Ея копаютъ въ июнѣ, по томъ отваривъ толкутъ и высушивъ кладутъ въ вышеупомянутый закрамъ. Таковая сарана водою разведенная называется бурдукомъ. Близъ барабаръ скотникъ, сарай для сѣна, сарай для байдаръ и байдарокъ и юрта для каюръ.

4-я артель Алитатская на западной сторонѣ Кадьяка. Она построена на горѣ подлѣ не большей рѣчкѣ слѣдующимъ образомъ: одна для байдарщика горница изъ достокъ, кругомъ окладенная дерномъ, другая подлѣ ея, съ двумя урунами для русскихъ промышленныхъ, сѣни, поварня и кладовая; не много подалѣе поварня для жира, китовины и сараны, двѣ барабары для кормовыхъ припасовъ. Въ 1-ой двѣ большихъ кади сараны, 15 бочекъ хикши съ жиромъ и двѣ кади Павлиной китовины; во 2-ой хранится китовый жиръ въ 25-ти сивучьихъ пупузьяхъ—около 150 ведръ; сарай для разныхъ подѣлокъ, скотникъ, свинарникъ, сѣнникъ, балаганъ съ юколою, коей здѣсь заготавливается до 70.000, и подъ горою еще сарай для байдаръ и байдарокъ.

5-я Карлупская артель на Сѣверной сторонѣ Кадьяка.—На горѣ подлѣ рѣчки *Карлукъ* крѣпость обнесена небольшимъ землянымъ валомъ съ морской стороны 27-ми сажень, а съ протчихъ трехъ около 50-ти. Въ ней строеніе слѣдующее: довольно чистая и свѣтлая казарма

изъ достокъ, кругомъ окладенная дерномъ, 7 сажень длины и четыре ширины съ 11-ю урунами для русскихъ промышленныхъ, покои для байдарщика, и на верху двѣ лѣтнія горницы, сѣни, поварня, балаганъ 8-мь сажень длины, 4 ширины. Здѣсь юколы въ доброе лѣто припасаютъ до 300.000. Двѣ барабары, одна для кормовыхъ припасовъ, изъ коихъ сараны 200 ишкатовъ, шикши 20 бочекъ 25-ти ведерныхъ, три кади китоваго жира, и двѣ бочки морошки, а другая для поклажи разныхъ вещей; погребъ для сбереженія картофеля и рѣпы; поварня для лѣта, баня, сарай для разныхъ подѣлокъ, бутка или караульня. За крѣпостію, въ недалекомъ разстояніи отъ воротъ, скотникъ, сѣнникъ, свиларникъ, 3-хъ сажен. квадратный кажимъ съ юртою 3 хъ сажень длины, 4-хъ ширины для каюръ, коихъ при одной здѣшней артели состоитъ на лицѣ 20-ть, а каюрокъ 18-ть, и для чистки рыбы 25-ть женщинъ съ разныхъ жилъ. — Подъ горою сарай для байдаръ и байдарокъ.

Кромѣ сихъ Кадьякскихъ артелей, находятся еще на островѣ Афогнакѣ двѣ съ подобными постройками и заведеніями; на лесномъ островѣ одна, гдѣ юкола не заготовляется по тому, что нѣтъ ни одной рѣчки. На семъ островѣ дѣлаютъ кирпичи и вывариваютъ соль. При каждой артели, кромѣ скотоводства, имѣютъ огороды, въ которыхъ сажаютъ только картофель и сѣютъ рѣпу.

Нѣкоторые изъ таюновъ Кадьякскихъ по пріѣздѣ Г. Резанова построили себѣ по одной русской горницѣ — безъ печей, хотя и всѣ ему дали обѣщаніе строятся по примѣру русскихъ, но они не имѣютъ къ тому довольныхъ силъ и способовъ. — Обыкновенное жъ ихъ строеніе состоитъ въ слѣдующемъ: Прихожая или сѣни поалеутски *Чиклюакъ* въ 12 аршинъ длины, 8 ширины и 2 вышины

обставлена досками съ продолговатымъ отверстіемъ для входа; потомъ на поставленныхъ по угламъ стойкахъ начинаются по три со всѣхъ четырехъ сторонъ перекладки очень отлого положенныя клеткою, и на нихъ еще по три покруче—такъ что на верху остается отверстіе не много болѣе аршина; снаружи покрыта травой и насыпана землею. По сторонамъ съ малымъ круглымъ въ прихожую отверстіемъ (какъ только можно человѣку пролестъ) придѣланы небольшія квадратныя отдѣленія подобной постройки съ однимъ на боку окошечкомъ, гдѣ они спятъ, работаютъ, и парятся наносивъ туда наколенныхъ въ прихожей каменьевъ. Въ оныхъ спальняхъ уложены на стенахъ вмѣсто украшенія стрѣлки и для памяти промысловыхъ звѣрей висятъ нерпачьи грудные позвонки или уринные пузырьки и бобровыя головки; а на-низу лежатъ разныхъ величинъ блюда, чашечки, ложки и калужки, т. е. продолговатая посуда для воды. Въ прихожей хранятся въ особенномъ отгородкѣ кормовые припасы, какъ-то: юкола, красной рыбы, икра, ягоды съ жиромъ и сарана — только всего въ очень маломъ количествѣ.

У богатаго и семѣйнаго таіона въ 8 и 10 арш. квадратный кажимъ; въ 2½ арш. вышины обставленъ толстыми неотесанными досками со входомъ въ прихожую; по угламъ утверждены толстыя стойки, съ которыхъ отлого начинается квадратнымъ уменьшеніемъ склоненіе сводовъ числомъ до 6-ти перекладныхъ разстояніемъ немного менѣе аршина одна отъ другой клеткою положенныхъ такимъ образомъ, что на верху остается одинъ квадратный люкъ покрытый сивучьими или нерпачьими кншками, отъ котораго во всемъ кажимѣ очень свѣтло бываетъ; снаружи по крыть травой и по тойъ при сы-

панъ землею. Внутри по всемъ сторонамъ сдѣланы лавки для гостей. Таковыхъ кажимовъ видѣлъ я только три на всемъ Кадьякѣ. Въ нихъ бывають игрушки.

Таіоны учреждены по пріѣздѣ Шелехова на Кадьякѣ, а до него на каждомъ жилѣ начальствовалъ *Анаюгакъ* хозяинъ. Онъ непременно долженъ былъ имѣть собственный кажимъ: Сіе достоинство было наслѣдственное для дѣтей и для ближнихъ его сродниковъ, какъ-то: сынъ, братъ, дядя, племянникъ и зять постепенно заступали его мѣсто. Анаюгакъ назначалъ по себѣ наслѣдника еще заблаговременно до своей смерти. Для сего онъ всѣхъ созывалъ въ кажимъ, куда самъ приводилъ и назначаемаго, нарядивъ его въ лучшее платье. Тутъ предъ всеми объявлялъ его своимъ наслѣдникомъ, который непременно долженъ подчивать и угостить всѣхъ собравшихся. Въ это время женщины не бывають, а тѣ дѣвицы, коимъ дано имя мужское, и содержаны были вмѣсто сына, имѣли право находиться въ собраніи. За таковой ихъ входъ въ кажимъ отецъ ежегодно обязанъ дарить *Анаюгаку* въ трое больше нежели другіе дарятъ за мушнъ. По окончаніи собранія и угощенія, на игрушку приходятъ всѣ женщины уже вечеромъ. Власть Анаюгака состояла въ томъ, что отлучающійся долженъ объявить ему причину своей надобности, и что онъ еще дѣлалъ приказанія относительно посылокъ; а наказывать другихъ ничемъ не могъ, развѣ за собственную свою обиду, управлялъ только своимъ семействомъ, воспитанниками и калгами (плѣнниками); на войну склонялъ совѣтами и подарками: при собраніяхъ занималъ первое мѣсто и давалъ разные наставленія. Въ присутствіе его наблюдалось глубокое молчаніе, — и малый ребенокъ не долженъ ходить. Вотъ отличительная примѣта его чести!

Богатымъ между Алеутъ тотъ почитался, кто кромѣ одѣтаго семейства имѣлъ только для себя одну бобровую, 5 еврашачьихъ, 5 тарбаганныхъ или оленьихъ, 5 уриль-ныхъ и 5 топорковыхъ парекъ, дватцативесельную бай-дару, три байдарки, много лавтаковъ, т. е. сивучьихъ и нерпачьихъ кожъ, у коихъ шерсть по выпареніи снята, довольно китовины, два сивучьихъ пузыря китоваго жира, двѣ калуги для воды, 5-ть *калуккахъ* (изъ дерева согнутыхъ на подобіе нашего лукошка) шикши съ жи-ромъ и столько же сараны, сивучій пузырь икры изъ красной рыбы, 10-ть большихъ связокъ юколы, такъ же нѣсколько палтусовой и тресковой. За всемъ сиемъ, вы-ключая различныя стрѣлки и протчія домашнія орудія для каждаго необходимыя, должны у него находиться еще служащія къ украшенію слѣдующія вещи: 1-ое 4 и болѣе ятарей, которые находили они иногда сами на островѣ Укамокъ и свѣтло-бѣловатый цѣнили и теперь цѣнять дороже желтаго. 2-ое *Айминнахъ* (сѣкли) т. е. тонкія косточки, червяку подобныя въ длину болѣе и менѣе полутора вершка. 3-е *Куиккахъ* т. е. тонкія дощечки съ вершокъ длины и ширины, вырѣзанныя изъ самой сре-дины перламутровой ракушки; и 4-ое довольное количе-ство различныхъ бисеровъ.

На войнѣ употребляли щиты *кубахкинахъ* изъ де-ревянныхъ толщиною менѣе полвершка, шириною въ вершокъ и длиною на спинѣ въ $3\frac{1}{2}$, а на переди въ 2 четверти, крѣпко между собою жильными нитками свя-занныхъ дощечекъ, къ которымъ еще прикрѣпляется на-грудникъ *хахаитъ* изъ тоненькихъ палочекъ въ одну четверть длины такъ искусно и прочно между собою тѣмъ же нитками переплетенныхъ, что копье сильнаго ратника удобно удерживать могъ. Бывали такъ же и всѣ

щиты подобные нагруднику. Ими прикрывали одно только туловище. Сверхъ сихъ щитовъ надѣвали еще плащъ *улихтатъ* такимъ-же образомъ изъ длинныхъ дощечекъ сдѣланный, смотря по росту человѣка. Ошейникомъ служила урилья сѣтка, коею обвертывали шею крѣпко ея скрутивъ. Шапку имѣли или изъ тополоваго дерева или изъ толстой звѣриной кожи. Вымаравъ краскою лице, выходили на войну, держа въ правой рукѣ костяное копье, а въ левой лукъ. Колчанъ со стрѣлами повѣшанъ такъ-же на лѣвой сторонѣ. Лукъ обыкновенно бываетъ сдѣланъ въ 2 аршина длины изъ Американскаго кипариса, который иначе называется душинымъ деревомъ. У стрѣлокъ древко бываетъ длиною въ 3 четверти и болѣе съ наконечникомъ оленей кости при трехъ въ одну четверть насѣчкахъ и съ каменнымъ или мѣднымъ на немъ копьецомъ въ полтора вершка.

Съ таковымъ снарядомъ въ лѣтнее время сибѣлые и предприимчивые по здѣланному прежде позыву съѣзжались на жило къ главному начившику или своему воеводѣ. По собраніи достаточнаго числа таковыхъ ратниковъ, входятъ они въ клжимъ и садятся на лавкахъ по распоряженію своего предводителя какъ хозяина кажима. Самъ же онъ садится на полу близъ входа. По томъ жена его съ самыми скромнымъ видомъ приносить въ калугѣ воды—присядеть на минуту подлѣ мужа и вдругъ выдѣть для того, что женщины не должны быть при таковыхъ собраніяхъ. А мальчики изъ родныхъ или калги (плѣнники) подають воду пить по старшинству каждому гостю. За симъ опять жена при помощи другихъ женщинъ ближней родни приносить въ большихъ четвероугольныхъ и круглыхъ деревянныхъ мисахъ талкуши т. е. 1) расколотенной съ жиромъ красной рыбы икры;

2) растертой и перебитой съ водою и жиромъ сараны и 3) шикши съ жиромъ; по томъ подаютъ варенаго свиучьяго или верьячьаго мяса и сырой изрѣзаной палтусины, которую ѣдятъ для того, чтобъ не отрыгалось жиромъ. Въ продолженіе такового пиршества никто не смѣетъ говорить, кромѣ стариковъ, и строгій во всемъ соблюдается порядокъ. Кто даже въ собраніи протянетъ ногу, тотъ повиненъ заплатить штрафъ. По окончаніи обѣда жена еще приносить воды; а ближніе родные вносятъ изготовленные на сей случай подарки, и кладутъ ихъ на полу среди какина. — Тутъ встаетъ одинъ только — самъ воевода (первый ихъ анаюгакъ) — беретъ въ руки побрякушки, т. е. не большіе обручи съ привязанными во кругъ ихъ красными носками морской птицы топоркомъ называемой, — и начинаетъ плясать. Въ ту же самую минуту родные его бьютъ въ бубны, т. е. большіе съ ручкою обручи обтянутые тонкою кожею, и поютъ воспоминавша дѣла своихъ протцовъ и отцовъ славно воевавшихъ. По окончаніи таковой военной пѣсни хозяинъ изъ своихъ рукъ даритъ гостей по старшинству, — Анаюгакъ (таюновъ) бобрами или Евращечьими парками, стариковъ лавтаками или урильими парками, молодыхъ — нѣкоторыхъ янтарями, а прочихъ суклами или бисеромъ и проситъ извиненія въ томъ, что мало одарилъ. Обнадѣживая при томъ большою добычею, каковую они имѣютъ получить у непріятелей. На другой день изготовляются къ отъѣзду безъ всякой церемоніи; жены провожаютъ ихъ, сидя на берегу. Мужчины съ ними расстаются очень хладнокровно. Ни одинъ изъ нихъ не выронетъ ни одной капли слезы и даже не вздохнетъ, что почлось бы знакомъ трусости и не воина. Садясь въ байдару, едва удостоитъ однимъ словомъ сквозь зубы: *фай* — прощай.

Отправлялись для таковаго похода въ 30-ти байдаркахъ, въ каждой по 20-ти человекъ (иногда болѣе или менѣе), сѣверные жители съ западными противъ Аляксивдовъ, а южные съ восточными противъ Кинайцевъ или Чуагъ. Отъ острова Шуяка въ два дни при хорошей погодѣ переѣзжали въ Кинайскую губу, стараясь нападать на сонныхъ; стариковъ и взрослыхъ убивали, женъ молодыхъ, дѣвицъ и подростковъ брали въ полонъ; малолѣтнихъ оставляли съ старухами и всё нужныя вещи обирали въ добычу. Когда побѣжденный таюнъ покажетъ дѣтей и женъ, то при посредствѣ другихъ жиль получаетъ миръ. Побѣдители никогда въ томъ не отказывали; давали съ обоихъ сторонъ въ аманаты изъ знатныхъ и по согласію вымѣнивали плѣнниковъ. Аманатовъ содержали у себя отлично, одѣвали самымъ лучшимъ платьемъ, оказывали имъ великую учтивость; постилали для принятія ихъ бобры, и дарили лучшими вещами, когда они приходили въ гости. Во время непріятельскаго нападенія Кадьякскіе жители защищались не оружіемъ своимъ, а побѣгомъ на большіе высокіе или почти неприступные приморскіе камни, на конхъ они еще прежде приготовляли себѣ жилище и запасшись всемъ для себя и семействъ нужнымъ выдерживали долговременную осаду, или съ великою пользою отбивали нападающихъ. У которыхъ жиль не было близко таковыхъ каменьева, тѣ уходили въ горы — и тамъ спасались.

Осенью, по заготовленіи кормовыхъ припасовъ, алеуты обыкновенно исправляютъ свои зимники; — для прикрытія ихъ траву рвутъ руками и обсыпаютъ землею; такъ же заготавливаютъ траву и на зиму для постели въ своихъ спальняхъ. Въ обдѣлываніи кажима всё помогаютъ хозяину, который по окончаніи работы, того жъ вечера

угощаетъ трудящихся съ подобнымъ вышеупомянутому обрядомъ. Женщины исключены изъ сей работы.

Желающій сдѣлать игрушку созываетъ всѣхъ соседей своихъ въ кажимъ. Когда они сядутъ на лавкахъ по своимъ мѣстамъ, и онъ принесъ талкушу, поставитъ на срединѣ, и самъ станетъ у дверей; тогда всѣ начинаютъ пѣть похваляя его сродниковъ. По окончаніи таковой пѣсни садится на полу и объявляетъ всѣмъ, кого онъ намѣренъ позвать на игрушку, какой ему сдѣлаегъ подарокъ, и когда за нимъ пошлетъ; по томъ вставъ даритъ хозяина кажима и того старика, который во время игрушки своими разговорами долженъ забавлять гостей, а особливо, когда по окончаніи одной пѣсни и пляски еще не такъ скоро другая начинается. На конецъ самъ подноситъ талкушу каждому по старшинству. Ъдятъ учтиво—по немногу—чтобъ всѣмъ досталось. — За такое угощеніе поблагодаривъ его расходятся по домамъ.

Игрушки ихъ обыкновенно продолжаются въ концѣ Осени и въ началѣ Зимы до тѣхъ поръ, пока у нихъ находятся кормовые припасы. Дѣлаютъ ихъ по притчинѣ разныхъ обстоятельствъ и случаевъ. Иной отправляетъ игрушку желая съ кѣмъ познакомиться, и свести теснѣе дружбу, которая за велико между ними почитается; другой по притчинѣ женитьбы; третій изъ благодарности къ одолжившему чемъ-нибудь; четвертый изъ обыкновенія; пятый для щегольства предъ другими, что онъ богатъ и довольно у него корму и проч. — Производятся онѣ въ кажимѣ, а на которомъ жилъ его вѣтъ, въ алеутской прихожей, или въ большемъ отдѣленіи, гдѣ спать. Сходятся всѣ — мужчины, женщины, дѣвицы и малыя. Мужчины въ кажимѣ сидятъ на лавкахъ, а женщины подъ лавками на полу; каждая подъ своимъ мужемъ. Ста-

рики бьютъ въ бубны и начинаютъ пѣсни въ честь своихъ праотцовъ и отцовъ, воспоминаая, что у нихъ байдары бывали, бобры бывали и проч.—За ними все поютъ: а мужчины въ своихъ нарядныхъ шапочкахъ и узорчатыхъ колпакахъ, нарочито для таковыхъ случаевъ сдѣланныхъ, въ тожь время пляшутъ по одиночкѣ съ побрякушками въ рукахъ, то подпрыгивая, то присѣдая, то уклоняясь во все стороны—размахивая побрякушками въ тактъ;—въ таковыхъ движеніяхъ представляютъ разные свои промыслы, на пр. какъ китовый промышленникъ колеть стрѣлкою кита, и отъ него увертывается, какъ гоняють бобра и проч.—по томъ скинувъ нарядные колпаки надѣвають странныя личины разныхъ видовъ и разные маски и въ оныхъ такъ же подъ пѣсни пляшутъ съ побрякушками или по одначкѣ или по два, —тоже представляя. Женщины и дѣвицы танцуютъ всегда однѣ—безъ мужчинъ, важно вставъ въ прямую линію плотно одна подлѣ другой, то присѣдая тихо, мало, почти непримѣтно и подобнымъ образомъ выправляясь, то склоняясь такъ же на правую и на лѣвую сторону. Онѣ при началѣ своей пляски сперва нѣсколько выставивъ впередъ лѣвую руку согнувши пальцы, держать ея въ таковомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока все поютъ безъ рѣчей. Когда же тѣ, которые бьютъ въ бубны и продолжаютъ пѣсню въ честь своихъ умершихъ, чуть упомянуть имя и смерть своего сродника; тогда онѣ вдругъ стройно оборачиваютъ ладью къ землѣ. Во время ихъ пляски веселые старики различными образомъ стараются довести ихъ до того, чтобы другія изъ нихъ разсмѣялись, для того, что по ихъ обыкновенію тотъ отецъ или мужъ непремѣнно обязанъ платить штрафъ въ пользу старыхъ или бѣдныхъ; чья дочь или жена хотя чуть улыбулась во время пляски.

И мнѣ отецъ подарилъ лавтакъ, и мужъ перпячью кожу за нарушеніе дочерью и женою таковаго ихъ древняго преданія; а я отдалъ сіи вещи въ пользу бѣдныхъ; за что получилъ отъ всѣхъ предсѣдающихъ стариковъ великую похвалу и благодарность.—Таковыя игрушки продолжаются чрезъ всю ночь — почти до самой зари. По окончаніи дѣлающей игрушку даритъ парками, лянтаремъ и суками, или чемъ богаты, того, кого звалъ въ гости, такъ же хозяина кажима, говоруна, и кого еще за благо раскудять. Расходятся безъ всякихъ обрядовъ, но скромно—безъ шума—молча.

Вотъ пѣсня двоюродною сестрою острова Ситкинаки жила *Убауикъ* тѣлона Аелнасіа 68-ми лѣтнею старухою Василисою *Кинуанъ* сочиненная по случаю смерти ея брата!

Что я плачу смерть эта звездѣ
Амчѣ хвѣ кеннѣгли; тугу манна нууг-найтокъ.
Что я кручусь смерть эта звездѣ
Амчѣ хвѣ палюнѣгли; тугу манны нууг-найтокъ.
Что я червусь *) смерть эта по вѣтъ мѣсламъ
Амчѣ хвѣ иканѣгли; тугу манны шуидокъ.
Самые соб. имя отъ смерти не слышны
Иканкутлю кужиктагмютъ тугумъ нуунтей.

Кужиктагмютъ по ихъ мнѣнію такіе жители, далѣе которыхъ уже нѣтъ никого на свѣтѣ. Подъ симъ именемъ разумѣли отдаленныхъ Лисьевскихъ алеутовъ.

Вотъ еще старинная ихъ пѣсня сообщенная мнѣ Аехталитскимъ тѣлономъ Алексѣемъ *Ихуйкѣ!*

Дѣдушка исправно вилу
Апѣка кашкаклѣ ивахпѣгача.

*) Надъ словомъ *иканелли* было сперва написано *мараясь*; *мараясь* зачеркнуто и написано черною тѣмъ же, повидѣмому, дочерью, но болѣе свѣжими, болѣе черными чернилами

У дѣдушки байдары бывали Аминька ищутъ
 Апѣка *аминька*; Аминька ивахагака
 Дѣдушку исправно ищутъ у Агѣка бобры бывали
 Апѣка кашкакля ивахагака, Агѣка ахнякля.
 Дѣдушка Кигилякъ промышленникъ
 Апѣка Кигилякъ нахцагля.
 Дѣдушка Ухатакъ кривавалъ
 Апѣка Ухатакъ *натлякля*.

Сію пѣсню кадьякцы очень любятъ и на игрушкахъ часто ее поютъ съ крайнею жалостію. Ибо въ ней упоминается, 1-ое) что прежде у нихъ байдары бывали, а теперь рѣдкой таѣонъ имѣеть и трехъ-лучную байдарку; 2-ое) что у нихъ бобры бывали и носили бобровыя парки, а теперь съ великимъ трудомъ иной едва успѣваетъ добыть и топорковую парку, которую прежде носили ихъ калги; и 3) что прежній ихъ Анаюгакъ, по прїѣздѣ съ байдарами къ жилу или при встрѣчѣ гостей, чуть только закричитъ громко, то вдругъ выбѣгало великое множество народа и выносили на себѣ байдару и байдарки, а теперь весьма многія жила совсѣмъ опустѣли, хотя впротчемъ повальныхъ болѣзней не было.

На другой день игрушки въ 9-мъ или 10-мъ часу по полуночи опять всѣ собираются въ кажимъ и бываетъ угошеніе талкушами и ягодами съ жиромъ отъ женщинъ съ подобными вышеписаннымъ распоряженіями, скромностію и порядкомъ.—За таковую игрушку тотъ, для кого она была сдѣлана, непременно долженъ послѣ отблагодарить таковуюжъ игрушкою, хотя и на другой годъ или далѣе.

Когда женщины приходило время родить; тогда, призвавъ бабушку, отводили ея въ особую, не много постель прихожей сдѣланную юрточку. Тамъ, по разрѣшеніи женщины отъ бремени, бабушка холодною водою об-

мываетъ младенца и перевязавъ пупокъ уходитъ домой. Имя давали новорожденному по согласію мужа и жены въ честь дѣда или отца или ближняго сродника или пріятеля, когда младенецъ былъ мужескаго пола; а младенцу женскаго пола въ честь бабки или матери или родниці или подруги. По исходѣ 5-ти дней пожилой родильницѣ, а молодой по исходѣ 10-ти дней топятъ баню для обмытія ея съ младенцемъ и изъ бани прямо уже переводятъ ея въ обыкновенную ихъ спальню. Когда женщина лежитъ въ вышеупомянутой юрточкѣ, въ то время никто изъ мужчинъ не долженъ туда входить. — Относительно такого отлученія родильницъ отъ жилища, сдѣлано мною должное таюнамъ наставленіе по тому, что въ холодное время или зимою мать съ младенцемъ удобно можетъ получить поврежденіе въ здоровьи.

Воспитаніе дѣтей въ томъ состоитъ, чтобы не допустить до плача не только младенца, но даже и сеиплѣтняго ребенка; по сему можно заключить, что матери и отцы весьма нѣжно любятъ дѣтей. Они никогда ни чемъ тѣлесно не наказываютъ ихъ, какъ малолѣтнихъ, равно и взрослыхъ, а только совѣтуютъ. Когдажъ примѣтятъ неисправленіе, тогда выговариваютъ и стыдятъ при собраніи стариковъ. Есть-ли и сіе послѣднее средство не подѣйствуетъ, то презирая его, всѣ почитаютъ дуракомъ или дикимъ. Теперь отцы и матери приучаютъ уже маленькихъ кланяться другимъ и молиться Богу. Дѣвочки съ 6-ти лѣтъ начинаютъ работать, сучать ниточки, вяжутъ плетѣнчакки (мазутки) съ довольнымъ искусствомъ и порядочною чистотою. Мальчики съ 7-ми лѣтъ вмѣсто забавы занимаются дѣланіемъ стрѣлокъ, байдарочекъ, веселочекъ. на берегу бросаютъ стрѣлки, а чрезъ то приучаются заблаговременно къ будущимъ промысламъ,

помогаютъ на рѣкахъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ; съ 14-ти лѣтъ приучаютъ ихъ ѣздить въ байдаркахъ въ тихое время удить рыбу и по бухтамъ стрѣлками гонять птицъ; съ 16-ти лѣтъ берутъ съ собою отцы и родные въ партію для промысла бобровъ. — Женятся въ то время, когда они собственными своими промыслами заготовятъ для себя и будущей своей жены нужное одѣяніе и свадебные подарки. Женихъ старается по большой части выбирать ту невѣсту, которая бѣ умѣла шить байдарку, парки, и камлейки; хотя бѣ она была и гораздо старѣе жениха.

Сынъ проситъ прежде у отца позволеніе жениться объявляя имя невѣсты. Отецъ иногда одобряетъ таковое его намѣреніе, иногда назначаетъ по своему выбору другую. Если сынъ на то согласенъ, то онъ посылаетъ своего близкаго сродника объявить о семъ невѣстину отцу. Получивъ же желаемый отвѣтъ, на другой день женихъ самъ приходитъ ночью къ невѣстѣ, — ложится подлѣ ея во всей одеждѣ; по утру вставъ идетъ за дровами, накаливаетъ въ прихожей каменья для бани, гдѣ моется вмѣстѣ съ невѣстою. По выходѣ изъ бани, родные приносятъ жениховы подарки, которые прежде состояли въ бобровыхъ, еврашечьихъ, тарбыганьихъ и урильихъ паркахъ, калгахъ, янтаряхъ и сукляхъ. Ими даритъ тестя и прочихъ его сродниковъ. Въ слѣдующій день приходитъ сынъ съ своею женою къ отцу, который подаритъ ей одну парку, одну камлейку и нѣсколько суклей, бисера или корольковъ, попотчуетъ талкушею и при прощаніи скажетъ сыну: люби свою жену. Послѣ сего новобрачный съ молодою опять возвращается къ своему тестю, у котораго живетъ столько времени, сколько пожелаетъ. Новобрачные должны хранить цѣломудріе до 5-ти дней.

Осенью, естли богатъ, дѣлаеть молодой игрушку. Сей обрядъ наблюдали еще до крещенія. — Иныя съ малолѣтства назначали жениху невѣсту; и это происходило только между самими искренними друзьями.

Мужья съ женами обходятся очень ласково; въ присутствіи другихъ не смѣютъ даже другъ другу выговаривать и показывать суровый видъ. Иначе съ обѣихъ сторонъ причтено будетъ къ несносной обидѣ. Когда жена примѣтитъ, что мужъ не соответствуетъ ея любви, то рассердясь по причинѣ ревности, бросается ему въ лице и ногтями царапаетъ его; виновный мужъ сдвинуть повеса голову на лѣвую сторону, не отваживался даже поднять руки на сію правосудную мстительницу. Теперь случается нерѣдко, что мужъ наказываетъ жену, усмотрѣвъ ея непорядочную жизнь. — Мужья прежде воздерживались отъ наказанія женъ по той причинѣ, что сіи послѣднія угрожали побѣдою въ утѣсы, лишеніемъ себя жизни, или утопленіемъ въ водѣ; сіе самое и дѣйствительно инныя выполняли.

Случалось такъ же нерѣдко, что естли кто изобличивъ жену свою въ невѣрности, не видѣлъ ни малаго ея исправленія; то отгоняя ея отъ себя, давалъ тотъ другимъ на замѣчаніе о ея невѣрности, отрѣзывая концы носа, а сердитою откусывалъ зубами. Женажъ примѣтивъ и изобличивъ невѣрность своего мужа, имѣла право свободно его оставить и стоять къ другому. — У иныхъ проворныхъ и рукодѣльныхъ бабъ бывали половинщики, кои жили между собою дружно и мирно.

Женицы и дѣвицы отлучали и теперь отлучаютъ отъ жилищъ въ особливую юрочку, когда только примѣтятъ немощь ежемѣсячно свойственную ихъ полу, и подаютъ имъ туда пищу въ особыхъ посудинахъ, и воду въ особой калужкѣ.

Отъ колотья въ груди лѣкарствомъ служить малая морская рыба — быль *каюлюкхъ*, которую одну только употребляютъ въ пищу до самаго выздоровленія; да и послѣ такъ же воздерживаются отъ другихъ жирныхъ снѣдей. Притчину колотья приписываютъ внутреннимъ созрѣвающимъ чирьямъ, кои по мнѣнію ихъ производять отъ нечистоты женщинъ. По прорваніи таковыхъ чирьевъ приступаютъ къ другому лѣкарству. Наскобливъ корня растенія *чижиналаахникхъ*, и хорошо отнабивъ, даютъ пить по утру и вечеромъ. Таковой отваръ очень противенъ и такъ горекъ, что другой не можетъ снести его употребленія. Въ это время ѣдятъ треску и другую нежирную рыбу.

При самомъ первомъ появленіи наружныхъ чирьевъ разрѣзываютъ своими ножами больное мѣсто и до созрѣнія ихъ для того не допускаютъ, что они тогда бываютъ опаснѣе.

Когда болятъ печіонки; то противъ ихъ въ пахахъ, гдѣ чувствуютъ боль, такъ же разрѣзываютъ тѣло и по выпущеніи дурной крови засыпаютъ пухомъ.

Еслили человекъ опухнетъ и покажутся на всемъ тѣлѣ желваки; то прорѣзываютъ до кости пяты. Во время кошноты случающейся отъ многого изтеченія крови кладутъ между пахами холодные камни; а унимаютъ кровь изтертою въ порошокъ еловою гнилушкою. Когда пятки начнутъ заживать; тогда прорѣзываютъ и снимаютъ на верхушкѣ головы кожу въ полтора вершка длины и болѣе полвершка ширины. При семъ случаѣ очень много выходитъ крови, которую унимаютъ или тѣмъ же порошкомъ, или отъ палтуса сырымъ мясомъ, или глиною. — Еслили страждущій каменною болѣзнію отъ страшной боли сдѣлается почти безъ чувствъ, то иногда вынимали

камни, — только малые — разрёзывая обыкновенными своими ножами оконечность тайнаго уда.

Въ случаѣ застарѣлой глазной болѣзни производять иногда страшную операцію: выточенную изъ мѣдвежей кости толщины въ соломинку палочкою прокалываютъ съ обѣихъ сторонъ, начиная не много повыше оконечности бровей, такъ, чтобъ она прошла, минуя глазное яблоко, до самой переносицы. Въ продолженіи таковой ужасной операціи, въ ротъ кладутъ страдальцу елова дерева сукъ для того, чтобъ отъ нестерпимой боли не откусилъ языка. Послѣ сего ничемъ не прикладываютъ и не обвязываютъ.

Отъ головной болѣзни пониже темя прорѣзываютъ кожу до кости съ той стороны, гдѣ болѣе чувствуютъ боли, и по довольномъ изтеченіи крови присыпаютъ пухомъ.

Поднявъ иглою жилу и прорѣзавъ своимъ пожемъ, пускаютъ кровь, отъ головной болѣзни, изъ той руки, въ которой сторонѣ чувствуютъ боль, изъ подъязыка отъ кашля и горла, отъ живота изъ ногъ и изъ руки. Примѣчаютъ дурную кровь по цвѣту, а унимаютъ растертою гнилушкою. Судятъ такъ же по цвѣту крови о жизни и смерти человѣка.

Чиннакс коренья петрушки испаривъ употребляютъ съ жиромъ въ пищу, а столокши горячими припариваютъ опухоль.

Атунать Кислица толченая и отвареная служить рвотнымъ, а иногда и слабительнымъ лѣкарствомъ.

Чивихать Чистякъ (косички). Отваръ его кореньевъ бываетъ самымъ лучшимъ слабительнымъ; сей корень ѣдятъ и сырымъ съ великою пользою отъ запора, который часто случается отъ неумѣреннаго употребленія ма-
лины.

Таганахъ. Кутагорникъ горькій.—Сей корень изто-локши парятъ на раскаленныхъ камняхъ, и потомъ прикладываютъ къ опухшему мѣсту.

Кюйюханъ. Одни дробные его корешки приготовляя подобно таганакъ, употребляютъ отъ опухоли, но гораздо съ большею пользою, нежели первый.

Анагонъ. Отваръ изтолченныхъ его кореньевъ пьютъ по утру и вечеромъ въ венерической болѣзни, а особливо когда болить горло. Въ то время не ѣдятъ цѣлой день, а отварками припариваютъ горло. — Сія послѣднія двѣ травы обыкновенно растутъ на равныхъ песчаныхъ мѣстахъ приморскаго берега.

Шулляюнахъ. Кровочистительная трава похожа листьями на нашъ подбѣлъ, растетъ на сѣверной сторонѣ острова Кадьяка близъ Карлукской артели. Коренья ея близко подходятъ къ продаваемому въ лавкахъ декокту. Отваривъ ихъ въ закупоренномъ сосудѣ алеуты пользуютъ отъ венерической болѣзни. Выпить немного сего отвара, даютъ жевать сырой корень *черноголовника мжулингокъ* (который не мокнетъ), а слюну глотать, хотя она бываетъ горька и ѣдка.

Вообще во всѣхъ болѣзняхъ наблюдаютъ великую діету. Даже мальчики и дѣвочки примѣтивъ у себя на тѣлѣ маленькій нарывъ не принужденно воздерживаются отъ ѣды, а особливо отъ жирнаго.

Когда кто умретъ изъ Алеутъ, то крѣмъ малыхъ дѣтей, созываютъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, кои собравшись садятся вокругъ умершаго, плачутъ, приговаривая, надъ мужчиною, что онъ уже не будетъ промышлять звѣрей, дѣлать игрушки, ѣсть талкуши, китовины, ѣздить на войну и проч. Надъ женщиною или дѣвицею, что она не будетъ носить парохъ, янтарей, суклей и би-

сера, танцовать на игрушкахъ, шить байдарки и бить хитовины, сараны и ягодъ съ жиромъ, какъ-то: морошки, княженики и калины (это ихъ лакомство) и проч. — Послѣ сего копають яму въ довольномъ разстояніи отъ жилища; гробъ дѣлають въ могилѣ клеткою изъ дровъ, когда случатся, — кладутъ ихъ туда во всей ихъ любимой одеждѣ и украшеніи, прикрываютъ лавтаками, окладываютъ камнями, по томъ засыпають землею и сверхъ могилы нѣкоторыя ставятъ навскось длинныя лесины. Зимю зарываютъ въ спаннахъ. Послѣ 5-ти дней острываютъ себѣ всѣ волосы въ знакъ печали, и по зарнѣ ходять до полгода и болѣе на могилу, гдѣ плачутъ поя жалобныя пѣсни подобныя слѣдующей:

Имена Лисевскихъ островитявъ.

Акнакъ, Кашаюкснокъ, Капилюкъ, Кинашадакъ,

Имена Кляйскихъ жителей.

Калчача, Ништату, Кахтакъ, Увиннука...

Къ каждому изъ сихъ имени прибавляютъ слѣдующіе два стиха:

Подво плакать свѣтъ этотъ не безсмертенъ.

Таванъ коннѣгли; тля уна чакпильтвидокъ.

Има предидущее какъ человекъ умеръ оживаетъ

Ахнакъ каю пукка тутумъ-огни, унуакля.

Сими словами шестидесятилѣтній старикъ Никифоръ *Шипта*—житель Алтатскій оплакивалъ во время утренней зари смерть сына своего въ бытность мою на томъ жилѣ. Стояъ его или лучше сказать унылый ревъ почти у всѣхъ сосѣдей отнималъ сонъ.

Кадыакцы съ сосѣдами живутъ мирно и дружелюбно, въ нуждахъ другъ другу помогаютъ и во время недостатка охотно ссужаютъ одинъ другаго корювыми припасами; для прѣзжающихъ нарочито оставляютъ рыбу.

положить ея среди прихожей въ то время, когда всѣ уходятъ на работу, женщины для копанія сараны и собиранія ягодъ, а мужчины для промысла звѣрей; въ обществѣ наблюдаютъ учтивость, и осуждаютъ такъ же того, который не встрѣтитъ и не проводитъ другаго. Естьли кто къ кому обратится спяною, то сіе почитаютъ знакомъ неучтивства, и занявшійся работою просить извиненія. — Когда хозяинъ поставитъ гостю толкушу или ягоды съ жиромъ, то долженъ непремѣнно прежде самъ откупать. Жена не должна къ мужу протягивать ногъ, хотябъ и вѣстѣ сидѣла, а отворотясь свободна отъ сего закона. Кто прѣзжаетъ въ гости, тотъ обязанъ съ собою привести корму въ гостинецъ хозяину; равномѣрно и хозяинъ во напутствіе снабжаетъ гостя кормомъ, да и тѣ остатки, чѣмъ былъ потчыванъ, долженъ онъ взять съ собою; въ противномъ случаѣ почитается пренебреженіемъ и неучтивостію. За обиду вѣняли, естьли приходящій начнетъ непристойно поступать и съ другими ссориться; — такового не толчкомъ, а болѣе стыдомъ выгоняють вонъ.

Кто несправедливо назоветъ другаго бѣднымъ, нечестнымъ, лѣнивымъ и неприсмысленникомъ; того обиженный вызываетъ вонъ, при свидѣтеляхъ рассказываетъ свою обиду другимъ, и на конецъ удовольствуется тѣмъ униженіемъ, что при постороннихъ выругаетъ и наплюетъ въ глаза. — У нихъ никакихъ нѣтъ особенныхъ для ругательства словъ. Въ самомъ великомъ жару гнѣва скромный кадьяченинъ съ важныиъ видомъ скажетъ: „Твой отецъ не имѣлъ байдарки, былъ не промышленникъ, а я не носилъ перпячей парки“.

За воровство глѣсно не наказывали, а по отнятіи украденной вещи, стыдили при всѣхъ, и упрекали во-

рожь. Случалось, что у того, который не признается и не отдает добровольно украденной имъ вещи, отнимали силою, и для большого стыда въ примѣръ другимъ снимали съ него парку. Калговъ же (плѣнниковъ) за воровство наказывали палочными побоями, а за большую вину даже ломали руки и ноги.

Ревностный промышленникъ ночью часто выходитъ, смотреть на облака, примѣчаетъ погоду, и, судя по своимъ наблюденіямъ, выѣзжаетъ для промысла очень рано. Жена любя и почитая своего мужа не употребляетъ пищи до тѣхъ поръ, пока онъ возвратится. При постороннихъ мужъ обѣдаетъ прежде, — по томъ жена въ особенныхъ своихъ посудинахъ, безъ постороннихъ же часто ѣдятъ вмѣстѣ, — ничего не говоря. Во время обѣда дѣти не должны ходить. Женщина, принимаясь готовить какую нибуть пищу, непременно должна умыть прежде руки. Женнинъ такъ же долгъ принести воды для мужа въ особой его калугѣ.

Ловятъ бобровъ на островѣ Тугидокѣ созокупно выѣзжая въ тихое время отъ 8-ми до 15-ти двух-лючныхъ байдарокъ за 10-ть верстъ и болѣе въ море. Первой увидѣвъ бобра, дѣлаетъ знакъ другимъ, поднявъ вверхъ весло: прочіе стараются окружить то мѣсто разстояніемъ какъ можно стрѣлкою пошатъ въ звѣря. Одни только сидящіе въ переднихъ люкахъ бросаютъ стрѣлки непрерывъ другъ передъ другомъ, а сидящіе въ заднихъ люкахъ управляютъ байдарками. Бобръ тому достается, кто первѣе поранитъ его. Иногда вдругъ ранять двумя стрѣлками, — въ такомъ случаѣ тотъ получаетъ бобра, чья стрѣлка поранила звѣря подлѣ головы или по выше другаго стрѣлки. Еслияжъ ровно попадутъ стрѣлки, то получаетъ бобра тотъ, кто прежде начиная стрѣлать кри

чалъ: *ку—ко—ко*. Это обыкновенно дѣлаютъ для того, чтобъ другіе вѣдали что онъ первой начинаетъ бросать стрѣлку. Непроворный бобръ отъ 5-ти ранъ ослабѣваетъ, а проворный получаетъ до 10-ти.

Нерпѣ ловятъ сдѣланною изъ сего звѣря чучалою — (или шуа́къ), которую надувъ поставляютъ на лайдѣ, т. е. на отмеломъ прибрежномъ мѣстѣ, кое во время морскаго прилива бываетъ покрыто водою, а во время отлива сухо, — тамъ, гдѣ выходятъ сіи звѣри. Ловецъ сидя за сего чучалою въ деревянной подобной нерпячей головѣ шапкѣ кричитъ подражая хрипшатаму голосу сего звѣря: *ува*. По мѣрѣ приближенія звѣря къ чучалѣ, бросаетъ въ него стрѣлу на маутѣ 10-ти сажень и вытянувъ на берегъ добиваетъ дригалкою *никхудикъ*. — Ихъ промышляютъ еще сѣткою изъ жильныхъ нитокъ 30 ти сажень длины, 3-хъ ширины съ привязанными къ ней сверху пошловками, а снизу малыми камнями. Ловецъ проѣжая въ байдаркѣ старается весьма тихо разгнать таковую сѣтку почти чрезъ всю бухточку въ то время, когда спятъ сіи звѣри или на самомъ берегу и на высокихъ прибрежныхъ камняхъ; потомъ кричитъ изъ всего горла. Звѣрь испугавшись бросается въ воду и поспадаетъ въ сѣть.

Сѣверные и западные обитатели Кадыака производили торгъ мѣною по большей части съ аляксинскими американцами, а южные и восточные съ кинайскими и чугачьскими. Первые у аляксинцевъ вымѣнивали на суки и янтари оленьи рога для стрѣлокъ, оленьи парки, и еще длинную отъ груди оленью шею, которую кадыакскія женщины употребляютъ для вышиванія разныхъ на паркахъ и шмлейкахъ узоровъ, и на тѣхъ колпачкахъ и шппочкахъ, въ конхъ мушкетеры танцуютъ только на игруш-

кахъ. Оленей иногда и сами стрѣляли подкрадываясь къ нимъ противъ вѣтра, равно какъ мѣдведяиъ и пердлаиъ потому, что сїа звѣри имѣють острое обоняніе. — Последніе на евраиачьи парки вымѣнивали у кинайцевъ тарбаганьи парки, а у чугачъ сукли и ложки. Отъ ситхинскихъ жителей получали пластинки перламутровыхъ ракушекъ. Часто такъ же мѣнялись и между собою, особливо естли кому другаго вещь понравится. А теперь за опромышленныя звѣринныя кожи, коиъ они въ своихъ рукахъ, кромѣ лавтаковъ, никогда не имѣють, получаютъ изъ рускиихъ товаровъ то, что имъ дадутъ. Рускіе товары по большой части выходятъ на рускиихъ промышленныхъ; а кадьячане еще при отправленіи въ партію въ долгъ подъ бобръ забирають то лавтаками для байдарокъ, то топорковыми парками, то кишочными камлейками, — такъ, что рѣдкой остается не должныиъ Компаніи по окончаніи въ партіи промысла.

Кадьякскіе американцы роста средняго, собою рѣдкіе статны, по большой части сутуловаты, лице имѣють не много широкое, смуглов, иные румяно-бѣлое, носъ посредственныиъ, глаза и волоса черныя, брови густыя, уши широкія, губы нѣсколько толстыя, и зубы бѣлыя. У мужчинъ и у женщинъ около всей почти окружности обоиухъ ушъ проняты дырочки, въ коиъ посажъ бисера, сукли, вышеупомянутыя пластинки, корольки, а богатые еще два янтаря. У стариковъ нижняя губа прорѣзана, такъ же и хрящъ въ носу. — Прежде сего у каждой женщины борода была вытотована, а у иныхъ на тѣлѣ еще долѣ широкія полосы чрезъ оба плеча на крестъ такъ же разными вытотованы узорами; что почиталось отличныиъ знакомъ идегольства. Таковыя полосы имѣли нѣкоторые и изъ мужчинъ. Сїю татувку производили подпаявъ остріемъ иглы

не много кожи—такъ, чтобъ кровь выступила; по томъ намазывали черниломъ изъ еловаго угля, кои смѣшивали съ кровью, представляетъ на тѣлѣ темно синій цвѣтъ. У женщинъ на нижней губѣ пропято до 5-ти и 6-ти дырочекъ, изъ которыхъ въ каждой повѣшана ниточка бисеру въ полчетверти длины, а подѣ носомъ въ пропятай хрящъ вкладывали тонкій кривой зубъ нѣкотораго звѣря; уши унизаны бисеромъ, суклями, а у богатыхъ еще двумя янтарями, кои у рѣдкихъ находятся; на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ носятъ изъ разноцвѣтнаго бисера ожерелья въ вершокъ ширины, а другія на рукахъ и на ногахъ по пяти желѣзныхъ или мѣдныхъ колець. На игрушкахъ, особливо когда потчиваютъ талкушею и въ другое радостное время расписываютъ или просто намазываютъ лице красною и другою какою нибудь краскою, кромѣ черной, коею мажутся во время печали. Да и мужчины для тѣхъ же притчинъ мажутъ лице, а особливо при возвращеніи изъ промысла подъѣзжая къ жилищамъ.

Народъ кадьякскій, по преданію старыхъ людей, перешелъ на Кадьякъ съ Аляски. Предки ихъ жили прежде на сѣверной сторонѣ Аляски близъ большой рѣки *Кизиктакъ*. У нихъ Анаюгакъ (хозяинъ) былъ именемъ *Атлювату*; онъ имѣлъ одну только любимую дочь, которая безъ вѣсти пропала. Для поиску ея взявъ свою команду и согласивъ съ собою другаго Анаюгака по имени *Якунака*, ходили довольное время по разнымъ мѣстамъ; приближившись же къ южной сторонѣ Аляски, увидѣли землю и назвали ея *Кизиктакъ*, что собственно на ихъ языкѣ значить *островъ*. Симъ именемъ назывался Кадьякъ до самаго прибытія русскихъ. — По томъ *Атлювату* и *Якунакъ* за хотѣли полюбопытствовать, — и увидѣвъ тамъ свои выгоды, согласили прочихъ со всѣми семействами

переселиться на *Кигихтахъ*. Сходство языка аляскинскаго съ кадьякскимъ довольно подтверждаетъ справедливость такового событія.

О сотвореніи міра имѣли слѣдующее понятіе: Былъ нѣкто *Кашшахилукъ* (мудрецъ или хигрецъ). Въ то время не было ни дня, ни ночи. Онъ началъ дуть соломиною; отъ чего постепенно выходила изъ воды земля и непримѣтно расширялась; по томъ когда онъ еще не преставаъ такъ же дуть, то открылось небо, явилось солнце, а послѣ вечера показались звѣзды и изомель мѣсяцъ. На конецъ увидѣли звѣрей и людей.

О круглости земли заключали изъ слѣдующаго произшествія:—предки ихъ послали двѣ байдарки, въ которыхъ для такового пути поѣхали молодые, назидъ возвратились уже стариками, а конца земли не нашли. — Слѣдовательно у земли, утверждаютъ, нѣтъ конца, а по тому она и кругла.

Шаманства ихъ походили на дѣтскія забавы. Шаманъ, иногда голый, иногда нарядясь или намараясь самымъ страннымъ образомъ, прыгаетъ, ломается, реветъ изъ всего горла, упоминая имя злаго духа, бѣгаетъ вокругъ жилища, и въ такомъ чрезмѣрномъ движеніи до того себя доводитъ, что глаза нальются кровью,—и отъ усталости упадетъ безъ чувствъ на землю. Иной при такихъ случаяхъ употреблялъ разные обманы; на прим. отгадывалъ другимъ то, что прежде у кого видѣлъ самъ или узналъ посредствомъ своихъ учениковъ. Если кто нибудь требовалъ того, что ему не возможно сдѣлать; то и въ семъ случаѣ отклонялъ обманомъ или чѣмъ-нибудь удивительнымъ, на пр. увѣряя: что онъ весь изойдетъ кровью, когда только примется за такое дѣло. Для сего нарочито заготовляли кожаные пузырьки наполненные

кровью, и носили съ собою. — Въ сіе состояніе отцы и матери назначали дѣтей своихъ еще при рожденіи, давая имъ имя женское и обучая тому рукодѣлію, которое прилично только одному полу, а напоследокъ шаманы ихъ поручали извѣстному шаману. По таковой притчинѣ всѣ были не женаты, и бороды имѣли вытотонанныя.

О шаманствѣ подробно узнать мнѣ было не возможно по тому, что многіе изъ старыхъ шамановъ померли во время бывшей въ іюнѣ 1804-го года па всехъ Кадьякѣ болѣзни, а другіе скрывали. Въ бытность мою на Игатскомъ жилъ одинъ шаманъ притворился, что буд-тобы у него отнялся языкъ отъ испугу страшнаго во снѣ видѣнія.

Вышеупомянутая болѣзнь случилась предъ самымъ нашимъ на Кадьякѣ пріѣздѣ по приходѣ съ Калифорнскихъ береговъ Америко-Востонскаго судна *Океинз*, на коемъ находились Кадьякскіе американцы для промысла бобровъ. — Сперва болѣла голова до двухъ недѣль; — а по уменьшеніи головной боли слѣдовалъ насморкъ съ кашлемъ, по томъ закладывало всѣ уши, и производилось въ грудяхъ колюще; наконецъ лишался человекъ позыву на пищу, — и ослабѣвалъ. Кромѣ шамановъ, умершихъ было очень мало.

Китовые промышленники прежде тайно выкапывали недавно зарытыя умершихъ тѣла, уносили въ хребты горъ и вытапливали жиръ для намазыванія тѣхъ стрѣлокъ, конии кололи китовъ. Для таковогожъ предмета собиралъ и черви отъ мертвыхъ тѣлъ, — и тайно высушивъ привязывали къ тѣмъ же стрѣлкамъ.

Скринаго, не сердитаго, веселый и ласковый видъ показывающаго почитали добрымъ человекомъ. — Между двоюродными братьями сохранялась самая искренняя

дружба и всякая тайна чистосердечно другъ другу была открываема.

О сохраненіи здоровья правила ихъ слѣдующія: Конхотятъ здорово и долго жить; тѣ должны вопервыхъ бѣть не-досыта, во вторыхъ зари не просыпать, въ третьихъ отъ женъ воздерживаться, и на конецъ быть по большей части въ движеніи.

Все знаютъ, что они отъ неумѣреннаго употребленія бань преждевременно старѣютъ, теряютъ зрѣніе и слабѣютъ; но по привычкѣ отъ сего трудно ихъ отвыкать. Молодые теперь въ семь поступаютъ умереннѣе.

Кадыкцы по большой части молчаливы, а въ отвѣтахъ скоры, замысловаты и шутливы. Однѣ на вопросъ мой: гдѣ сыскиваетъ лѣкарство отъ болѣзней? вдругъ отвѣтствовалъ: во мнѣ, въ женѣ, въ водѣ и на берегу.

Увидѣвъ на высокомъ утесѣ великое множество чайкъ, когда спросилъ я у другаго: можетъ ли онъ пересчитать сихъ птицъ? отвѣтствовалъ: я бы ихъ пересчиталъ, если бы они ежегодно не клали яицъ.

Каюры. Каюрами называются тѣ алеуты, кои для разныхъ работъ по артелямъ и въ гаваняхъ берутся по произволу Компаніи съ разныхъ жилъ. Они въ половинѣ марта по приказанію Байдарщика утверждаютъ на рѣчкахъ запоры для промыслу рыбы, пріуготовляютъ ложа для сушки оной, и начинаютъ неводить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по бухтамъ рыба появится. Когдаже рыба пойдетъ въ рѣчки; тогда уже неводить перестаютъ, а отпираютъ въ запорѣ ворота, гдѣ ставятъ садки. По наполненію оныхъ рыбою, запираютъ ворота для того, чтобъ она вверхъ только не проходила. Ибо рыба оная назадъ въ море никогда не возвращается, но всегда силится пробраться на самой прѣснецъ воды. — Каюры

рубятъ дрова, носятъ на плечахъ лѣсъ, гдѣ близко, а изъ отдаленныхъ мѣстъ возятъ въ байдарахъ, косятъ сѣно; во время осени рассылаются по одиночкамъ промыслять въ Компанію клепцами лисицъ; зимою доставляютъ коры въ главную квартиру или гавань. Иные употребляются для варенія соли, дѣланія кирпичей и собиранія еловой смолы, и прочія работы, какія бѣ въ Компаніи не случались, исполняютъ. Въ награду за все сіе выдается имъ отъ Компаніи одежда, т. е. птичья парка, рубаха съ портками и для зимы лавтакъ на торбаса — инымъ сверхъ сего суконный куртъ съ шеро-рами.

Жены ихъ и каярки т. е. работницы безмужныя употребляются для заготовленія юколы, копаютъ сарану, папоротное коренье па каасъ, рвутъ крапиву, выдѣлываютъ изъ нея прядено на сѣти и невода, собираютъ разныя ягоды, рѣжутъ китовъ, топятъ изъ жирныхъ частей китовыхъ жиры, выдѣлываютъ птичьи кожи, кусая зубами и высасывая роюмъ жиръ, шьютъ изъ нихъ парки; изъ китовыхъ, сивучьихъ, нерпячьихъ и медвѣжьихъ кишокъ шьютъ каблейки, кои обыкновенно употребляются отъ дождя, и къ веснѣ шьютъ компанейскія байдары и байдарки. Таковымъ работницамъ выдается отъ Компаніи чрезъ цѣлой годъ за труды на каждую одна птичья парка, рубаха и торбаса.

Партіи. 1) По повелѣнію Правителя приуготовляется со всѣхъ жилъ лучшая часть Американцовъ для бобрового промысла, въ первыхъ числахъ Апрѣля съ южной стороны Кадьяка и прилежащихъ ей острововъ. Каждый таіонъ съ назначеннымъ числомъ байдарокъ высылается отъ Байдарщика въ Павловскую гавань, а оттуда отправляется къ Американскому берегу. Съ сѣвер-

ной же стороны Кадьяка и съ Аласки высылаются другая часть партіи подъ управленіемъ особеннаго Байдарщика, которая соединяется съ первою на устьѣ Кинэйской Губы въ Александровской крѣпости, гдѣ беретъ еще нѣкоторое число байдарокъ съ промышленниками бобровъ изъ тамошнихъ обитателей; по томъ дополняется оная партія въ путешествіи отъ Байдарщика изъ воскресенской и съ Нучека близкими и дальними чучачами. На Нучекѣ производится всей партіи главный смотръ. Иныя байдарки за ветхостію, а Американцы за слабостію здоровья оставляются для промыслу около Нучека. Оттуда партовщикъ съ полною уже партіею, которая прежде состояла до 800 байдарокъ, въ 1799-мъ году около 500, а въ 1804-мъ до 300, простирается вдоль береговъ Америки достигая своего для промыслу предмета. Въ ночное время и за погодями Байдарщики поставляютъ для себя палатки, Американцы же укрываются подъ своими байдарками; по утрамъ очередно отражаются таіоны съ командою доставать на партовщиковъ и на свою партію кормъ, какъ-то: рыбу, нерпу, выкидную китовину, птицъ и что попадетъ; а въ случаѣ недостатка Американцы питаются ракушками, морскими ежами, байдарками и морскою капустою. Когда главно-партовщикъ найдетъ довольно количество бобровъ; тогда, при вос-
 послѣдовавшей на морѣ тишинѣ вся партія раздѣляется по своимъ жиламъ, и каждое особо производитъ бобровый промыселъ. Звѣрь сей не можетъ долго пробыть въ водѣ по притчіяѣ переводу дыханія: по чему очень удобно его промышлять во время тишины моря. Сперва даетъ онъ большую пенырку, а по томъ ослабѣвъ даетъ одна другой меньше; въ которую жъ сторону ныряетъ показываютъ то пускаемые изъ роты его пузырьки. Про-

Бобровый
промыселъ.

мышляютъ ихъ по большой части въ заливахъ за остро-
вомъ Нарановымъ, гдѣ пылѣ стоитъ портъ *Ново-Арханг-*
гельскъ, самое дальнее заведеніе компаніи на Американ-
скомъ берегу (Ситка).— Бобровыя кожи по просушкѣ бе-
рутся въ Компанію. — По возвращеніи изъ началъ Сеп-
тября и позже на Кадыакъ, вся партія распускается по
своимъ жилищъ. Тѣхъ только молодыхъ, кои ѣздили въ
сотоварищахъ, не имѣя своихъ байдарокъ, берутъ въ
лисий промыслъ и находятся въ немъ до весны; вы-
дается имъ изъ Компаніи по птичей паркѣ, еслили у
кого собственной нѣтъ, но вычитаютъ изъ промысла ихъ
по 5-ти лисицъ или выдръ. Кои промыслятъ сверхъ
вычитемаго числа за паркѣ, тѣмъ платятъ табакомъ для
одного только виду. А хозяева байдарокъ по повелѣнію
изготавливаютъ къ будущей партіи, для которыхъ про-
мышляютъ перьями лавтаки. Ктожъ не можетъ оныхъ
промыслить достаточно (на одну байдарку выходитьъ
10-ть лавтаковъ), тотъ беретъ ихъ изъ компаніи подъ
бобры.

2-ая партія изъ Кадыакскихъ жителей до 150-ти бай-
дарокъ отражается для боброваго промыслу въ Запад-
ную сторону къ *Унатъ*. Она посылается съ первыхъ чи-
селъ Марта подъ смотрѣніемъ промышленнаго изъ старо-
вояжныхъ на островъ *Тугидокъ*, около котораго и про-
изводится промыслъ до Іюня мѣсяца. Съ первыхъ чи-
селъ Іюня по вритчинѣ перѣдко случающагося на морѣ
безвѣтрія, новыя байдарки и здоровые промышленники
отправляются на островъ *Укамокъ*, гдѣ такъ же прои-
зводится бобрамъ ловъ; по томъ переѣзжаютъ на *Съмиду*,
съ оной на *Сутхумъ*, и на конецъ на *Алиску*. Съ по-
ловины Іюля промыслъ у оныхъ оканчивается. Распус-
каются для себя промыслять птицъ на паркѣ и лав-

таки на байдарки. Одежду итѣютъ по большой части отъ того, что достанется за бобры. Въ половинѣ сентября они возвращаются на Кадьякъ.

3) Третій малый отрядъ для бобрового промысла состоитъ изъ Аляксинцовъ и жителей сѣверной стороны Кадьяка. Въ сей отрядъ помѣщаются тѣ, у коихъ байдарки ненадежны ѣхать въ Ситку, такъ же старики и немощные, промышляютъ бобровъ подлѣ береговъ южной стороны Аляски между Кинайскою губою и Сутхума.

4-ый отрядъ для бобрового промысла установленъ съ 1797-го года. Онъ состоитъ около 50-ти байдарокъ изъ Кадьякскихъ жителей; они промышляютъ около острововъ Евршечья, Афогнака, Шуяка и Перегребныхъ, и по Кинайской губѣ. Въ семъ отрядѣ находятся только тѣ, кои первые начали ѣздить въ Колошинскую партію, т. е. въ Ситку или за островъ Баранова; и по тому для отличности употребляются по близости къ Кадьяку.

Птичій промыселъ.

5) Изъ оставшагося числа обитателей Кадьякскихъ мужескаго полу, Компанія еще набираетъ престарелыхъ мужиковъ и ребятъ до 100 человекъ. Ребята берутся отъ 12 до 15-ти лѣтъ, а старики тѣ только увольняются, кои уже ходить не могутъ. Учиня таковой наборъ, отправляются на южную сторону Аляски по немощи не въ байдаркахъ, но въ компанейскихъ байдарахъ для промыслу птицъ морскими топорками называемыхъ. По пріѣздѣ рассылаются они по два и по три человека на прилежащія къ Аляскѣ небольшіе островки и отпрыдши. Налагается отъ Компаніи каждому добыть птицъ на семь паракъ. Въ каждую парку выходитъ 35-ть птицъ. Ловятъ ихъ силками на высокихъ утесахъ и острыхъ камняхъ. Къ тѣмъ камнямъ, на которые взлѣзть никакъ не возможно, подставляютъ лѣсницы. Откуда нерѣдко

падаютъ и предать послѣднее свое здоровье, а иные вовсе лишаются жизни. Въ продолженіе промысла питаются той птицы мясомъ, а кожу съ перьями сушатъ. Съ половины Іюля оный Компанейскій промыселъ оканчивается по тому, что птица высида дѣтей уже отъ своихъ гнѣздъ отлетаетъ. Тогда-то сими трудникамъ позволяется на себя промыслить до половины Сентября. — По возвращеніи, партовщикъ отобравъ у нихъ вышеупомянутый оброкъ птицъ, привозитъ въ Павловскую гавань и отдаетъ его компанейскому старостѣ съ роспискою. По томъ раздается оная птица каюркамъ при артеляхъ находящимся и всѣмъ Кадьякскимъ жепщинамъ выдѣлывать и шить изъ нея парки, которыя продаются за бобры ихъ же родственникамъ, т. е. отецъ отправляется для промыслу птицъ, а сынъ для промыслу бобровъ; или меньшій братъ для промыслу птицъ, а большій для промыслу бобровъ. У всѣхъ оныхъ отобравъ птицу, ихъ же женами, или матерями или сестрами выдѣлавъ и сшивъ парки, отдаютъ имъ самимъ и другимъ за бобры. — По возвращеніи изъ сей партіи, проворные берутся промыслить лисицъ или выдръ. Есть ли кто сверхъ положеннаго оброку не добылъ себѣ птицы на парку, тому выдаетъ Компанія изъ его же добычи, но за то долженъ онъ промыслить 5-ть лисицъ или выдръ. Ктожъ для компанейскаго вышеупомянутаго оброка не поймаетъ птицы, тотъ дополняетъ недостатокъ или на другой годъ или займомъ у другихъ. Въ случаѣ смерти за таковыя долги выплачиваютъ родственники.

Жены всѣхъ кадьякскихъ обитателей, по отъѣздѣ Работа женъ. мужей въ разныя партіи, принуждены копать сарану съ такими разборомъ: должны накопать каждая по 4 шиката жены и дочери тѣхъ, кои ѣздятъ въ партію въ сотова-

рицахъ, не имѣя собственныхъ своихъ байдарокъ; а которыхъ мужья собственныя свои имѣютъ байдарки, тѣхъ жены по 2 шиката, дочери же по 4 на каждую. Когда поспѣютъ ягоды, то въ запасъ для зимы, Компанія составляетъ брать, налагая на каждую по одному пекату брусники и по другому шикли; а прочіе роды ягодъ, какъ-то: малина, черница, голубица, моронка и княженика собираемы бывають, смотря по урожаю, сколько приказано будетъ отъ Байдарщика. Кто изъ нихъ не могутъ выполнить наложеннаго оброку или за слабостью здаровья, или за грудными дѣтьми, тѣ покупаютъ у подругъ своихъ и вносятъ въ Компанію. По окончаніи ягоднаго сбора, который въ послѣднихъ числахъ сентября совершенно рѣшается, наступаетъ имъ другая работа: возвращаются къ тому времени итичники, и получивши Компанія отъ нихъ промыслъ, раздаетъ по всѣмъ жиламъ (какъ выше упомянуто) алеутскимъ женамъ и дочерямъ выдѣлывать и шить парки. За симъ сыскивается имъ еще другая работа; т. е. изъ китовыхъ, сивучьихъ, нерпачьихъ и мѣдвѣжьихъ шить камлен, и дѣлать изъ жилъ плетешки для нерпачьихъ сѣтокъ, такъ же изъ китовыхъ жилъ сучить нитки. Такимъ-то образомъ почти во весь круглый годъ онѣ занимаются компанейскими работами!—Когда на Кадьякѣ получено извѣстіе, что въ 1803-мъ году отправлена имѣть быть экспедиція кругомъ свѣта, тогда начали платить иголками, бисеромъ и другими мелочами, да и то на нѣкоторыхъ только близкихъ къ Павловской гавани жилахъ, — для одного вида.

Компанія съ 1792-го года запретила всѣмъ обитателямъ въ занятіи ея состоящимъ шить парки изъ бобровъ и лисицъ, и отдала строжайшее приказаніе, что еслии кто будетъ носить таковое платье, то стануть съ того

сдирать и брать въ Компанію безпѣнно. Сіе въ самомъ дѣлѣ случалось. По чему всѣ жители вообще начали носить птичьи парки, которыя прежде употребляли одни только бѣдные и калѣя (плѣнники).

Въ 1798-мъ Компанія запретила жителямъ кадьякскимъ на островѣ Укамоѣ (Чирипона) промыслять еврашечъ, которыхъ они тамъ ловили для себя довольное число. Парки сего звѣрька у нихъ въ великомъ уваженіи. Для промыслу оныхъ звѣрьковъ тогожъ года отправила Компанія съ разныхъ кадьяскихъ жилъ до 25-ти человѣкъ, кромѣ женъ, дѣтей, и 15 каюрокъ подъ командою одного старо-вожнаго рускаго промышленнаго, возложивъ оброкъ на каждаго изъ оныхъ по 10-ти парокъ, которыя и продаются отъ Компаніи алеутамъ за бобры. Жены же ихъ и каюрки посланы для шитья парокъ изъ сихъ звѣрьковъ. Зимой мушныны промысляютъ еще нерпъ, коихъ въ одну зиму доставляется въ Компанію иногда болѣе ста; во время жъ погодливое смотрять около острова выкидныхъ бобровъ на берегу. Кожн сихъ звѣрей отдаются въ Компанію, а трудяшіеся пользуются мясомъ. Съ весны они начинаютъ промыслять птицъ урилами называемыхъ, изъ коихъ доставляется въ Компанію ежегодно до 200 парокъ. Лѣтомъ они находятся въ промыслѣ птицъ томорковъ вмѣстѣ съ прочими птичниками. А на островѣ остается только женской полъ для собиранія ягодъ и копанія сараны подъ защитою тѣхъ старичковъ, кои сами ходить не могутъ. Въ зимнее время, когда китовыхъ выкидовъ не случится, претерпѣваютъ тамъ великій голодъ, питаются одними кореньями, ракушками и морскою капустою. Ибо рѣчекъ на семъ островѣ хотя находится много, но рыба въ оныя не идетъ; а приходитъ годови въ осенѣ въ одну только рѣчку, да и то въ маломъ

Еврашечій
промыселъ.

количествѣ,—что самое во время прохожденія употребляется въ пищу. — Промышляютъ еще евраиекъ на *Семиотъ*.

Китовымъ про-
мысламъ

Оставаются каждо-годно промысляютъ на Компанію китовъ изъ самыхъ лучшихъ кадьякскихъ обитателей до 30-ти человекъ около острововъ Кадьяка и Афогнака. Разсылаются они по разнымъ бухтамъ отъ 2-хъ до 4-хъ человекъ, смотря по удобствамъ мѣстъ. Стрѣльцы выѣзжая въ однолучныхъ байдаркахъ, выбираютъ китовъ годовыхъ по тому, что мясо ихъ и тукъ бываютъ мягче и пріятнѣе. Замѣтивъ такового кита, приближаются къ нему разстояніемъ не болѣе 3-хъ сажень, стараясь вонзить стрѣлку подъ боковое перо, ластъ по здѣшнему называемое и увертываясь отъ него весьма проворно и осторожно для того, чтобъ китъ давъ понырку, не раздавилъ стрѣльца, или волною отъ него идущею не опрокинулъ бы его байдарку. Если не подадетъ въ боковое перо, то бросаетъ стрѣлку подъ задній ластъ или хвостъ. По полученіи раны китъ уходитъ на дно моря. Когда стрѣлка пала мѣтко, тогда китъ въ третьи сутки непременно всплыветъ мертвой; когда стрѣлка поранила немного далѣе боковаго пера къ хвосту, тогда онъ всплываетъ мертвой въ пятни или шестни сутки. Еслилижъ стрѣлка пущена подъ задній ластъ или хвостъ, то не ранѣе, какъ въ 8-мй и 9-ый день всплываетъ онъ. Промышленникъ, увидѣвъ на мори такового мертваго кита, тотъ-часъ даетъ знать о томъ ближней артели Байдарщику; и чей окажется по стрѣлкѣ, тому положено отъ Компаніи за работу взять меньшую половину кита, но въ самомъ дѣлѣ сіе рѣдко выполняется. Сдѣлано жъ таковое положеніе для одного только виду. Ласты, т. е. боковое перье и хвостъ, брюховая часть и все, что почитается за самое лучшее

въ китѣ, берутъ въ Компанію, да и часть жилы отдается промышленнику такая, которая едва годится на употребленіе. Иной изъ нихъ въ лѣто застрѣливаетъ китовъ по 8-ми, рѣдко случается по 10-ти.—Кто промыслить болѣе четырехъ—положеннаго оброку,—тому платится отъ Компаніи товаровъ рублей на пять.

Изъ числа 70-ти семей съ Лисьихъ острововъ завезенныхъ 1786-го года осталось до 30-ти человекъ, кои въ лѣтнее время употребляются въ промыселъ птицъ на перегребныхъ островахъ, и отъ устья Кинайской губы около матерой,—до воскресенской гавани и чугачъ и по прилежащихъ островкамъ. Они производятъ сей промыселъ совокупно такъ же съ Кинайцами и Чугачами. Налагается имъ отъ компаніи оброкъ по 10-ти парокъ. Сверхъ того должны уже промыслять на себя, женъ и дѣтей. Кто для себя не успѣетъ промыслить, тому изъ Компаніи выдается парка, за которую по вышеупомянутому установленію вычитается изъ зимняго его промысла пять лисницъ или выдръ, не считая того что каждое лѣто изъ Компанію безъ всякой платы доставляетъ таковой по 10-ти парокъ, изъ коихъ за каждую Компанія получаетъ бобра. Ктоже изъ нихъ сверхъ упомянутыхъ пяти звѣрей промыслить болѣе, тому отъ Компаніи платится столько, сколько по произволу своему дадутъ. Жены ихъ употребляются подобно кюркамъ.

1801-го года Компанія выгоняла алеутъ въ Ситкинскую партію для бобрового промысла слѣдующимъ образомъ: Надѣлавъ прежде колодокъ на ноги и накладныхъ рогатокъ на шею, изготова для молодыхъ розги, для тридцати-лѣтнихъ линки, а для стариковъ палки, отправлена была байлара съ пушкою и ружьями. На западномъ мысѣ Кадыка, по выходѣ на берегъ промыс-

Переводен-
цы

ленные Рускіе стали въ фронтъ съ заряженными ружьями, говоря: „Ну! естли не ѣдите въ партію, сказывайте? (взводя курки) стрѣлять станеть“.—При таковомъ страхѣ кто можетъ обнаружить свое неудовольствіе?—По приходѣ къ острову Стихинаку, выпалили изъ пушки, и стоя съ заряженными ружьями, расклали подлѣ жилъ розги, линьки, палки, колотки и рогатки, говоря: „кто не хочеть ѣхать въ партію, тотъ пусть себѣ избираетъ любуе“. Въ сіе время нѣкто началъ отговариваться; вдругъ его схватили, обложили желѣзными кандалами, сѣкли до тѣхъ поръ, пока захрипѣлъ, и едва могъ сказать: *поду*.

Того жъ года въ первыхъ числахъ Маія одинъ изъ стариковъ собранныхъ для птичей партіи, высланъ былъ такой, который не могши доплзти до почдегу на сто сажень разстояніемъ, ночеваль съ женою на берегу. По утру позванъ или лучше сказать отнесенъ для освидѣтельствованія болѣзни въ правительскій домъ, гдѣ ему сказано: „хотя, де, ты ходить не можешъ, но можешъ тамъ караулить, чтобъ собаки не съѣли байдару“.

Въ 1798-мъ году изъ числа Ситхинской партіи потонуло до 20-ти человекъ, немало также померло въ догрь и въ путешествіи.

Въ 1799-жъ изъ числа тойже партіи по притчинѣ голода отъ ракушекъ—померло 140 человекъ и во время путешествія 40 человекъ.

1800-го года въ партіи на Тугидокъ во время сильной погоды отъ промышленнаго Лопатина были высланы въ море, но взирая на ихъ прозбы—и потонуло 32 байдарки, т. е. 64 человека.

1805-го года въ птичью партію Убагунтеской житель высланъ былъ очень больной; о которомъ просилъ я правительскаго помощника, Г. Баннера, слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь,
Иванъ Иваловичъ!

Острова Ситхинска жила Убагунка Николай Чунаго-накъ—кривой боленъ опасно горломъ, отъ котораго про-залилась рана уже на затылкѣ, нижняя губа отгнила, еще раны на ногахъ, въ груди хрипъ и потому говорить нѣмо. Таковаго-то несчастнаго страдальца выслалъ Арта-моновъ въ партію для промыслу птицъ. Посудите сами, Милостивый Государь, какой онъ ловецъ въ столь жа-лостномъ положеніи, и какую онъ принесетъ прибыль Компаніи? Сжальтесь пожалуйста надъ снмъ разслаблен-нымъ,—прикажете лучше отослать его въ цѣлительную купель, т. е. кажимъ. Онъ человекъ молодой,—по излѣ-ченіи, будетъ Компаніи полезенъ; А вы таковымъ со-страдательнымъ поступкомъ сдѣлаеъ честь человѣчеству, п меня чувствительно одолжите, не презрѣвъ моего про-шенія. Твердо уповаю на великодушіе ваше, съ истин-нымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть,

и проч.

1805-го. Юни 8 го дня.

Сегожъ года въ послѣднихъ числахъ Октября при возвращеніи партіи изъ Ситки потонуло до 300 чело-вѣкъ.

По притчинѣ вышеописанныхъ отяготительныхъ Ком-панейскиихъ работъ, Алеуты по всѣмъ жиламъ въ зим-нее время претерпѣвають великій голодъ; съѣдаютъ нер-пачьи пузыри, въ коихъ хранятъ жиръ и кислую икру красной рыбы, лавтаки, мауты, и прочія изъ жилъ сдѣланныя вещи, за неимѣніемъ ракушекъ п морской капусты, когда лайда покроеся льдомъ. Сострадательный

человѣкъ едва можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ въ такомъ положеніи сихъ несчастныхъ, кои болѣе походятъ на мертвецовъ, нежели на живыхъ людей. — По отъѣздѣ мужей въ партію жены съ малолѣтними дѣтьми, дряхлыми стариками и старухами, какъ за неимѣніемъ байдарокъ, такъ и за наложенными отъ Компаніи на дѣто оброками, относительно чистки рыбы, копанія сараны и собиранія ягодъ, не могутъ и не имѣютъ времени запасти для себя нужнаго на зиму корма; и потому часто случается, что многіе умираютъ отъ голода. — Все сіе не есть ли отяготительныѣ и разорительныѣ ясака, который съ 1794-го года не собирается? и есть ли знакъ ласковаго и дружескаго обращенія? Слова: *ласковое и дружеское обращеніе* всегда обращаютъ первое иѣсто на губахъ и на бумагахъ Компаніи, а не на самомъ дѣлѣ.

1805-го года имѣлъ я щастіе послать къ Вашему Святѣйшеству съ Г. Лейтенантомъ Арбузовымъ и съ Г. Лейтенантомъ и Ковалеромъ Повалишинымъ слѣдующія донесенія:

1)

Копія.

Святѣйшій Архипастырѣ!

По прибытію моемъ 2-го Іюля 1804-го года въ главное занятіе Російско-Американской Компаніи первымъ и священнѣйшимъ почелъ долгомъ принести въ Америко-Кадьякской церквѣ подателю всѣхъ благъ искреннее благодареніе о благополучномъ совершеніи нашего плаванія около половины свѣта. Слабо перо мое къ объясненію тѣхъ душевныхъ измѣній, кои исполнѣ ощущалъ я.

сладитъ услышавъ, что въ Новомъ Свѣтѣ — странѣ толь удаленной отъ свободнаго сообщенія преизобильной Россіи, странѣ еще дикой, благоговѣнно прославляется имя Троицкаго Бога, — и превознесенное паче всякаго имени на земли живыхъ — имя Всеавгустѣйшаго Его Помазанника, достойно обожаемаго генія обширной Россіи — Александра Перваго. — Оставивъ для меня невозможное, — позвольте, Святѣйшій Архипастырь приступить къ слѣдующему:

Нареченнымъ епископомъ Кадыакскимъ Іосафомъ здѣсь оставлены изъ числа духовныхъ — четыре человека: при священнослуженіи іеромонахъ Аеанасій, ризничій іеродіаконъ Нектарій, при эконолической должности монахи Германъ и Іосафъ, — люди соответствующіе своему званію; всѣ они по мѣрѣ силъ своихъ старались о ученіи здѣшняго народа; собственными трудами развели огороды, съ коихъ въ иной годъ получали до осмидесяти четвериковъ картофеля, — рѣпы и рѣдьки также въ довольномъ количествѣ. Изъ картофеля дѣлали муку; рѣпу изрубивъ въ мелкія части, квасили, недостатокъ соли пополняя морскою водою и употребляли чрезъ всю зиму и лѣто вмѣсто капусты. Остающимися избытками своихъ грудовъ вспомошествова бѣднымъ жителямъ и по должности проповѣдниковъ имѣя ласковое обращенію впечатлѣли въ умахъ американцевъ доброе о себѣ мнѣніе. Пропалаго 1804-го года посѣяли на унавоженной землѣ для опыта 4 фунта ячменю, сняли полтора пуда. Земля на тѣхъ только мѣстахъ способна къ плодородію, гдѣ были прежде Алеутскія жила, коихъ по всему Кадыаку и прилежащихъ къ нему острововъ очень довольно.

6-го числа вышеупомянутаго мѣсяца перепелъ съ корабля въ покон духовной миссіи, — и по осмотрѣ всей

церковной утвари, ризницы, книгъ и домашней экономіи, 26-го отправился съ Компанейскимъ переводчикомъ въ двухъ трехъ-лючныхъ байдаркахъ для проповѣди слова Божія во кругъ всего Кадыяка, также и на прилежащіе къ нему острова: Угакъ, Шалидакъ, Аяхталикъ. Ситхинокъ и Тулидокъ. — Бывъ на всѣхъ Алеутскихъ жилахъ, старался по мѣрѣ способности моей внушать новопросвѣщаемымъ то, что необходимо нужно для вѣры. добродѣтелей Гражданскихъ и жизни хозяйственной. Всѣми мѣрами старался свикать въ прежніе ихъ предразсудки, кои непримѣтно раскрывая дружелюбными совѣтами, показывалъ имъ очевидную глупость, и вредъ отъ вкорененія ихъ происходящія;—и такимъ образомъ доводилъ ихъ къ правиламъ истиннаго Богопочитанія. Судя наружно, кажется, слушали меня охотно; случалось перѣдко, что болѣе 8-ми часовъ просиживали не вставая и не отходя прочь, вездѣ принимали ласково; кромѣ рыбы, потчивали саранною съ китовымъ жиромъ, и ягодами: малиною, шикшею, княженикою и черницею съ китовымъ же жиромъ. Я дарилъ ихъ табакомъ, бисеромъ, иглами, стаметомъ, ашаниной, т. е. длинною козлиною шерстью.

21-го Августа въ проливѣ отдѣляющемъ Аяхталикъ отъ Кадыяка, скорбію было наполнено мое сердце. Ибо послѣ тишины и тумана насталъ сильный вѣтръ съ противнымъ теченіемъ, — гребцы устали, — погода усилилась;—сталъ втупикъ: Но, слава Богу, едва-едва добились до пустого берега, гдѣ пробыли трое сутокъ; Благодарили Промыслителя всяческихъ, что въ пищу, т. е. яколѣ и китовинѣ недостатка не имѣли.

Во все время моего объѣзда т. е. въ два мѣсяца и 5-ть дней, крестилъ обоего пола 508 души отъ 1-го до

10-ти лѣтъ; въ томъ же числѣ 22 души сороколѣтнихъ; 38 паръ обвѣнчалъ.

21-го Ноября отъ лица Россійско-Американской Компаніи учинено празднество о благополучномъ взятіи Кадьякскаго Ситхинскаго крѣпости на островѣ Баранова и о занятіи тѣхъ мѣстъ въ скиптру Россійской Державы; по окончаніи литургіи принесено благодарственное моленіе ко всещедрому Богу о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома.—На канунъ того дня отправлена панихида о убитыхъ при взятіи крѣпости, коихъ всѣхъ числомъ до 10-ти человекъ, т. е. 3 матроса съ корабля Невы, 3 русскихъ промышленныхъ, и 4 Кадьякскаго Алеутъ. Ранены: правитель Барановъ, лейтенантъ Поваляшинъ, подлѣкаръ, подштурманъ, квартирмейстеръ, 8 матросовъ; 1 калонеръ и 7 промышленныхъ.

Въ прочее время отъ досуговъ своихъ занимался сочиненіемъ и оказываніемъ проповѣдей на Господскіе праздники, высокаторжественные и нѣкоторые воскресные дни, упражнялся въ переводахъ Бурдалу и Влера съ французскаго на руссійскій языкъ; приготоовилъ учителемъ для Кадьякскаго училища іеродіонка Нектарія, который имѣетъ великую охоту и способность къ наукамъ, особенно къ Механикѣ. До пріѣзда моего онъ самъ безъ руководства другихъ выучилъ Грамматику Россійскую; такимъ же образомъ выучился самъ дѣлать и часы стѣнные. Я ему показалъ первоначальныя основанія прочихъ наукъ: Ариѳметики, Исторіи и Географіи, обучается еще и французскому языку.

А 1805-го года открылъ Кадьякскаго Училище, раздѣливъ на два класса. Въ первомъ 30-ть обучаются словесному чтенію, письму, правиламъ для учащихся, и

краткому катихизису. Во второмъ 20-ть Грамматикъ Россійской, Арифметикъ, Священной и Свѣтской Исторіямъ. и Географіи. Кромѣ наукъ не забыты предметы относящіеся до хозяйственной части; занимаются вмѣсто отдыха, какъ приуготовлять огороды, садить и сѣять овощи, полоть, собирать нужныя травы, коренья и удить рыбу. Есть отдѣленіе для сапожнаго и бишиачнаго искусствъ.

Для сего малаго возрастающаго Россійско-Американскаго вертограда необходимо нужно благотворительное окропленіе свыше; по чему Америко-Кадьякская церковь, обративъ умиленный свой взоръ къ Россійскому Сіону — благоговѣнно вызываетъ Тебѣ: Святѣйшій Архипастырѣ! востани сѣвере и юже и повѣй въ вертоградъ семъ, да потекутъ ароматы твоя—для большей пользы ново-просвѣщаемаго сего края.

Азъ же уповаю на неизрѣченное милосердіе твое, держу и сіе изрещи: аще воззову въ день скорби моея, услыши мя,—и изми мя—не забуди мене до конца.

Вашего святѣйшества и проч.

1805-го года,
Юня 1-го дня,
Кадьякъ,

Копіа.

2) *Секретно.*

Великодушный Митрополитъ!

Послѣ достовѣрнаго извѣстія о несчастномъ разбитіи Компанейскаго судна Финикса, на коемъ отправился изъ Охотска Преосвященный Епископъ Кадьякскій Іовсафъ, происходило съ оставшимся здѣсь Духовенствомъ слѣдующее:

Кромѣ внушенія Алеутамъ многихъ укоризненныхъ нелѣпостей, кои только могли быть выдуманы со стороны Компаніи къ посрамленію чести Духовныхъ, изъ зависти по притчѣ великой любви младенчествуящаго народа къ своимъ просвѣтителямъ, Правитель Барановъ проразумѣвая изъ того умаленіе своей власти надъ изнуренными отъ разныхъ работъ и налоговъ Компанейскихъ Америкапцами. 1800-го года Іюля 14 дня присланнымъ къ эконому Духовной Миссіи монаху Герману письмомъ запрещалъ Духовнымъ имѣть обращеніе съ Америкапцами и велѣлъ отгонять всѣхъ тѣхъ, кои по долгу проповѣдниковъ приласканы были.

Въ силу Высочайшаго манифеста въ 796-мъ году состоявшагося народъ Кадьякскій за дальними отъ Компаніи посылками и за другими ея недосугами еще не былъ приведенъ къ присягѣ въ вѣрности къ Россійскому Престолу; для того іеромонахъ Аонасій 1801-го года Января 1-го дня просилъ на то позволенія у Баранова, за что самое іеромонахъ оный былъ обруганъ и выгнать вонъ съ запрещеніемъ, чтобъ и впредь не ходить. — Потомъ собралось съ нѣкоторыхъ жилъ со своими таіонами человекъ до дватцати просить Баранова, дабы онъ ихъ освободилъ отъ дальнихъ разъѣздовъ Стихінской партіи, обѣщаваясь производить промыслы около своихъ жилъ; но были прогнаты при жестокихъ угрозахъ, — да и приказано быть всѣмъ готовымъ на весну въ походъ; чѣмъ они безмѣрно огорчась съ отчаяніемъ осмѣлились объявить Духовной Миссіи, что они въ партію ѣхать не хотятъ по тому, что у нихъ тамъ многіе родственники померли и иныя жила опустѣли; А Есть ли Барановъ будетъ за то ихъ убивать, то они привезли съ собою по новой парки, прося Духовныхъ, чтобъ они въ сихъ

новыхъ паркахъ послѣ похоронили и были свидѣтелями тому невинному убійству. Что видя Духовные и при собраніи Г. Офицеровъ Штурмана Талина и переводчика Духовной Миссіи Прянишниковъ со ужасомъ то слушая, старались уговаривать ихъ въ великодушномъ перенесеніи всѣхъ тягостныхъ приключеній, увѣряли при томъ высоко-монаршими милостями; и едва утипивши предложили о присягѣ въ вѣрности Государю; на что они охотно согласились и обѣщались во всемъ слушаться. По сему они при сопровожденіи тѣми офицерами въ церковь, были къ присягѣ іеромонахомъ Аванасіемъ приведены. По выходѣ изъ церкви, когда начали только садиться въ свои байдарки, Помощникъ Правителя Барановъ Кусковъ съ своими промышленными схватя одного изъ нихъ знакомаго таіона, отвелъ въ компанейскую казарму, и оковавъ желѣзами, посадилъ въ темной чуланъ, гдѣ не только окна, но скважины были забиты; да и за другими ѣздили съ ружьями въ погоню на байдарѣ, но никого не поймали.

Послѣ сего происшествія Барановъ хотѣлъ такъ же схватя посадить другаго таіона крестника Архіерейскаго, который по дружбѣ пріѣхалъ къ Духовнымъ. Что самое приѣтъ, думали они проводить его ночью, но, опасаясь, сперва іеромонахъ Аванасій велѣлъ вынести свою байдарку самъ пошелъ къ оной, и хотѣлъ только проѣхать нѣкоторое разстояніе;—вдругъ промышленные, по приказанію Правителя Баранова, остановивъ байдарку, схватили іеромонаха, самъ же Барановъ къ самой великой запальчивости началъ ругать, называя его бѣглымъ Господскимъ человѣкомъ, а Духовныхъ всѣхъ и двухъ вышеупомянутыхъ Офицеровъ бунтовщиками. При такомъ непріятномъ происшествіи монахъ Германъ просилъ

Баранова объявить поряочно безъ всякихъ ругательствъ притчину своего неудовольствія; Правитель же съ крикомъ говорилъ: „вотъ! вы напѣли какую-то присягу, разиратили всѣхъ Американцовъ“.—Смиранный старецъ отвѣтствовалъ: „Высочайшій Манифестъ публикованъ всѣмъ; и что есть ли незаконно духовною миссіею сдѣлано, то лучше бы представить въ Правительство, гдѣ все законно могло быть разсмотрѣно“. Но Барановъ не внимая ему кричалъ: Какой вамъ манифестъ? какой вамъ судъ? и въ самомъ пылкомъ жару гнѣва разнообразно грозилъ, то сковавши выслать на Уналашку, то домъ ихъ загородить и забить, чтобъ никто къ нимъ не ходилъ, да и они никуда вытти не могли; по чему тогда въ великомъ находились страхѣ, и только ожидали, что промышленные по приказанію Баранова, или потянутъ куда, или начнутъ бить; — и едва осмѣлились съ берега пти въ свой домъ, около коего по томъ не малое время выдали промышленныхъ съ ружьями; по таковой притчинѣ не смѣли свободно выходить даже въ церковь, а въ домѣ отправляли всѣ церковныя службы болѣе года, а сверхъ того и по сумнѣнію въ вѣрности ради запрещенія присяги.

Когдажъ наставало время собираться въ партію для промыслу бобровъ, тогда Кусковъ вооружилъ байдару не только ружьями, но и пушкою, ѣздилъ на жила къ тѣмъ, кои были приведены къ присягѣ; а для большей славы приказано было партовичку Кандакову ѣхать впереди, который подѣлывая къ жиламъ съ непристойнымъ ругательствомъ и разными насмѣшками въ укоризну духовныхъ, громогласно кричалъ: „встрѣчайте, попы ѣдутъ, да Осипъ (такъ называли переводчика) приводить васъ къ присягѣ!“ И когда на берегъ отъ Байдары выносили руль; въ то время кричали всѣ: „вотъ вамъ крестъ! —

прикладывайтесь!“ — Да и какія дѣлали островитянамъ озлобленія, насилія и безчинства; о томъ стыдно и упоминать.

Барановъ наложилъ злодѣянію сему личину, что будто Американцы по наученію Духовныхъ и вышеупомянутыхъ Офицеровъ забунтовались и хотѣли всѣхъ побить Русскихъ; чего буд-тобы опасаясь въ томъ своемъ походѣ Кусковъ набралъ аманатовъ. Послѣ сего Барановъ всѣми мѣрами старался притѣснять Духовныхъ, какъ въ заготовленіи кормовыхъ припасовъ, такъ и въ другихъ для жизни потребныхъ вещахъ.

1802-го года на Святую шашу присланный отъ Баранова пьяный промышленный Черновъ съ великою грубостію приказывалъ именемъ Баранова іеродіакону Нектарію отпереть колокольню. Іеродіаконъ не хотѣлъ имъ отдать ключа по тому, что церковь однимъ замкомъ заперта, да и колоколъ большой разбитъ; то вышеупомянутый промышленный съ азартомъ грозилъ вытащить его насильно или выломать у колоколни окны. Между тѣмъ переводчикъ Пранишниковъ по болѣзни своей просилъ запискою іеромонаха и іеродіакона освѣтить домъ Его Святымъ крестомъ; когда они лишь только пришли, то вдругъ прибѣжавъ Барановъ съ своими промышленными въ самомъ сильномъ жару гнѣва срамно кричалъ, ругалъ, грозилъ іеромонаха посадя въ байдарку отправить въ неизвѣстное мѣсто, іеродіакона съ великимъ азартомъ схвата за грудь хотѣлъ повѣсить на колоколни. Чего онъ устрася принужденъ былъ отдать церковный ключъ. При всѣхъ таковыхъ дерзостяхъ, промышленные въ надеждѣ на своего Правителя говаривали: „до Бога высоко, а до Царя далеко, только бѣ былъ здоровъ нашъ начальникъ“.

По вышеписаннымъ всѣмъ обстоятельствамъ уже какъ Американцы не смѣли явно ходить къ Духовнымъ, такъ и Духовные опасались имѣть съ ними по должности своей обращеніе, въ коемъ они находили удобный случай внушать имъ христіанское ученіе, успѣхъ Духовной Миссіи несоотвѣтствуетъ предполагаемому чаянію. Ибо земляки наши обязавшіеся служить въ Компаніи по большой части самыхъ испорченныхъ нравовъ, какъ самъ здѣшній Правитель безпрестанно въ разговорахъ аттестуетъ ихъ народомъ съ Кази, да съ Волги; а Американцы отягчены непрерывными работами и такъ раздражены, что вездѣ, гдѣ только начинаютъ заводить заселеніе, навлекаютъ на себя ненависть. Даже въ отдаленныхъ окрестныхъ народовъ ния Рускихъ сдѣлалось ненавистныхъ. Женщины еще во утробѣ, а иногда и послѣ убиваютъ младенцевъ для того, чтобъ избавить ихъ отъ мученія компаніи. Текущаго года зимою на жилахъ острова Шалитока матери отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ ребятъ нарочно не стали кормить, и голодомъ уморили пятерыхъ въ томъ намѣреніи, чтобъ не были работники Рускимъ.

Правитель опасаясь о отверженіи присяги и о утѣшеніи Духовныхъ доносовъ отъ пріѣзжающихъ на судахъ компанейскихъ офицеровъ, старался загладить свои поступки; и по сему принужденнымъ себя нашелъ прислать Манифестъ и конверты принадлежаціе Духовной миссіи, кои были прежде удерживаемы, при сообщеніи, въ коемъ просилъ привести всѣхъ къ присягѣ. — Итакъ Духовные, оставивъ прежнее сумнѣніе въ вѣрности, 1802-го года 15 сентября начали производить въ церквѣ священныя службы. А Барановъ началъ оказывать имъ свое благоволеніе: сперва прислалъ два фунта чаю и 4 сахару;

потомъ бочку китоваго жира, бочку китовины, и бочку ягодъ шикши съ жиромъ, которая въ сѣверныхъ странахъ Россіи извѣстна подъ именемъ вороницы, но отъ народа не употребляется въ пищу; спустя же нѣсколько времени, прислана бумага, въ коей опредѣлила здѣшняя контора за поименованіе убитыхъ въ Ситкѣ на шотъ участія ихъ получать какими угодно вещами на 500 рублей; на послѣдокъ изъ той же конторы прислана еще бумага, въ которой отъ усердія нѣкоторыхъ промышленныхъ и правителя при раздѣлѣ положено по произволению кому сколько разсудилось болѣе трехъ тысячъ рублей съ раздѣленіемъ изъ оныхъ большей части на церковь, а меньшей на братію. На счетъ таковой суммы брали они для себя нужныя вещи изъ компанейской лавки по самой высокой цѣны, какъ-то: пудъ табаку 75 рублей, фунтъ сахару 3 рубля 60 копѣекъ, фунтъ чаю 8 и 6 рублей, пудъ сухарей пшеничныхъ 20-ть рублей, штофъ водки 25 рублей, и для домашней надобности пеньковыя веревочки самаго худаго разбора на вѣсъ по одному рублю фунтъ.

Духовные живутъ въ одномъ домѣ данномъ отъ Компаніи въ тѣсномъ мѣстѣ, между Домомъ Правительскимъ и общею компанейскою банею; пропитаніе имѣютъ по большей части отъ своихъ трудовъ; кромѣ обработыванія огородовъ, собираютъ разныя ягоды и грибы, ловятъ рыбу, а отъ части получаютъ изъ Компаніи. Всѣ такыя труды производятъ съ помощію приласканныхъ американцевъ, коихъ Компанія старалась всѣми силами отогнать. Духовные носятъ платье и обувь изъ оставшагося послѣ преосвященнаго епископа Іоасафа имущества, такъ же имѣютъ и хлѣбъ, коего сперва было привезено съ собою отъ Шелихова 250 пудъ аржаного, 20 пудъ пше-

ничнаго для просвирь, 20 пудъ разныхъ крупъ; до выѣзда Преосвященнаго на счетъ суммы на Кадьякскій архіерейскій Домъ положенной прислано было 150 пудъ аржаннаго.

Іеродиаконъ Нектарій 36-ти лѣтъ, монахъ Іоасафъ 32-хъ лѣтъ крайнее имѣютъ желаніе выѣхать въ Россію; на что съ воздыханіемъ сердечнымъ просятъ и молятъ Твоего, святѣйшій и высокомилоствѣйшій Отецъ, Архипастырскаго благословенія: Да исправится молитва ихъ предъ Тобою, Святителю Христовъ, яко кадило благовоное. Ибо сердца ихъ скорби исполнены. Утѣшь ихъ, Благій Утѣшителю Церкви Россійской!

Іеромонахъ 50-ти лѣтъ, монахъ Германъ 48-ми лѣтъ любители пустыни, имѣютъ желаніе остаться въ Америкѣ; но по притчинѣ вполнѣ со свѣтскимъ даннаго имъ дома, гдѣ не возможно имъ избѣжать отъ молвы, безнѣрныхъ соблазновъ и всякихъ безобразныхъ и безчеловѣчныхъ отъ русскихъ частію между собою, но много болѣе съ американцами чинимыхъ поступковъ, такъ-же за дальностію къ доставленію дровъ и другихъ нужныхъ для дома вещей, и по неспособности и тѣснотѣ самаго мѣста, — весѣли скупаютъ. Но намѣреніе ихъ въ томъ состоитъ, чтобъ, удалясь на какое нибудь разстояніе отъ тѣхъ бурныхъ мѣстъ, имѣть тихое себѣ пребываніе, особую вблизи церковь, и, естли ни съ какой стороны т. е. казенной или партикулярной не возможно будетъ имѣть въ пропитаніи своемъ и во всѣхъ нужныхъ вещахъ подкрѣпленія, то по крайней мѣрѣ въ надеждѣ на собственные труды, избрать для строенія къ лесу и для приуготовленія рыбъ къ рѣчкѣ близкое и къ распростраженію огородовъ способное мѣсто.

Святѣйшій Архипастыръ! Услыши и мой вопль. Не

отврати лица Твоего, высокомилолюбивый Отецъ, отъ отрока малаго—единого отъ Святительскаго Твоего Дому, яко скорблю; скоро-скоро услыши мя;—изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени Твоему.

Вашего Святѣйшества и проч.

Іюня 2-го дня

1805-го года.

Кадьякъ.

3)

Копія.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Запечатлѣвъ глубоко въ сердцѣ моемъ святительскія нашего высокопреосвященства наставленія, старался вездѣ поступать сообразно онымъ; но неравны характеры людей, съ коими, къ несчастію моему, досталось мнѣ на кораблѣ Невѣ провести время нашего странствованія почти чрезъ цѣлый годъ.—Капитанъ Лисянскій и мичманъ Верхъ—люди нрава безпокойнаго много мнѣ причиняли обидъ, отъ коихъ лекарствомъ моимъ было великодушное терпѣніе. Прохожу и теперь молчаніемъ многократное вснащеніе въ воскресные дни и Господскіе праздники отправлять службу Божию, — на морѣ единственную утѣху Бога вѣдущихъ; стыжусь упоминать о разныхъ извѣстныхъ насмѣшкахъ на счетъ Религіи. Сынъ Нѣжинскаго протоіерея Лисянскаго, кажется, родившійся и воспитанный въ самыхъ вѣдрахъ Религіи, часто изволилъ нить за столомъ вино Тенерифское, прозносая ко мнѣ сіи слова: „Батюшка! за здоровье Божіей Матери“.—Въ бытность нашу на островѣ Св. Екатерины въ Бразиліи, всѣми мѣрами подъ видомъ угодливости ко мнѣ старался онъ поссорить и меня съ Его Превос-

ходительствоваѣ. — На пути отъ бурнаго мыса Горна къ острову Св. Пасхи, 25-го марта 1804-го года опять во- стала на меня убогаго старца грозная буря отъ капитана; хотѣлъ въ каютѣ забить, заколотить за то только, что я сидѣлъ на шканцахъ въ то время, когда онъ прохаживался по палубѣ; но любовь другихъ офицеровъ за меня вступилась и защитила. — На островахъ Маркизскихъ отдалъ командѣ приказъ не спускать меня съ корабля на берегъ за то, что я вечеромъ по прїѣздѣ моемъ съ корабль Надежды не пришелъ въ капитанскую каюту и не сказалъ ему лично о моемъ прїѣздѣ, хотя впрочемъ г. вахтенному офицеру то вѣдомо было. — Безъ терпѣнія не жизнь; по тому и я всѣ таковыя непрїятности сно- силъ великодушно; въ островахъ Сандвичевыхъ уже не- сходилъ на берегъ. Въ Кадьякѣ капитанъ не могъ дѣлать мнѣ подобныя первымъ насилїя; но внушалъ въ должно- сти Правителю Губернскому Секретарю то, что я сюда присланъ вмѣсто наказанїя; — старался всѣми силами взять двухъ мальчиковъ приготавливаемыхъ Духовною Мис- сією для церкви, хотя и другихъ въ кадьякскомъ учи- лищѣ очень довольно; по томъ склонилъ контору просить меня сообщенїемъ о присылкѣ тѣхъ мальчиковъ; — я по законной необходимости учинилъ отказъ, коего копїя при- семъ прилагается. — Изъ всѣхъ прежнихъ обстоятельствъ довольно была видна его ненависть къ Религїи и ко- леей духовной части. Что самое онъ еще доказалъ тѣмъ, что во время своего выхода изъ здѣшней гавани увезъ одного изъ лучшихъ мальчиковъ такого, который былъ обученъ и могъ уже отправлять дячковскую должность. — Прилагается такъ же сообщенїе въ Духовную Миссію о препорученїи мнѣ храма Божїа и всѣхъ дѣлъ Духов- ныхъ, — и еще копїя съ данной мнѣ бумаги Его Превос-

ходительствомъ Николаемъ Петровичемъ Г. Резановымъ. Святѣйшій архипастырь! Отъ одного источника текутъ горькія и сладкія воды.—Азъ же крѣпко уповалъ на неизреченное милосердіе Твое паки и паки воюю: изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени Твоему.

Вашего Святѣйшества

и проч.

Конія.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,
Милостивый Государь мой!

Отправляясь съ острова Св. Екатерины, хотя и надѣюсь я имѣть удовольствіе видѣться еще съ вами въ островахъ Сандвичевыхъ, гдѣ, какъ извѣстно вамъ, назначено послѣднее соединеніе судовъ нашихъ; но какъ легко случиться можетъ, что бурливыя кругъ мыса Горна погоды разлучатъ насъ такъ, что до самыхъ береговъ сѣверозападной Америки суда пойдутъ такими путями, какія предположены будутъ встрѣтившимися обстоятельствами; то и поставляю я себѣ долгомъ сверхъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, къ лучшему усовершенствованію подвига отъ Государя Императора на насъ возложеннаго изъяснить вашему преподобію и на письмѣ мои мысли.

Съ особливимъ почтеніемъ обращаясь къ Апостольскому званію, вами столь ревностно на себя принятому, увѣренъ я, что по приходѣ въ Америку исполните вы наилучшимъ образомъ Высочайшую волю Всемилостивѣйшаго нашего Государя, пекущагося о распространеніи православныя христіанскія вѣры къ собственному

американскихъ жителей благополучію, что очистятъ отъ предразсудковъ умы ихъ, насадите вы въ сердцахъ ихъ правила истиннаго Богопочитанія, и что удаляя кроткимъ образомъ всякое суевѣріе, истинною Религіею не-тершимое, приготовите вы ихъ къ общежитію, покажите имъ обязанность ихъ въ отношеніи къ Государю и ближнему и содѣлаете добрыхъ сыновъ Россіи. Успѣхъ въ семъ важномъ преобразованіи, общаетъ безсмертную славу, благоволеніе Государя и признательность позд-наго потомства.

По прибытіи вашемъ въ Америку, старайтесь ласковымъ обхожденіемъ снискать любовь тамошняго начальства и всѣхъ жителей, содѣйствуйте первому всѣми мѣрами къ утвержденію между россіянами и американцами добраго согласія,—и внушите обоимъ племенамъ, что оба они составляютъ одинъ народъ Россійской, что оба они сыны одного Государя, и что не могутъ они лучшимъ образомъ обратить на себя Высочайшее Его Императорскаго Величества вниманіе и милость, какъ сохраненіемъ повсюду взаимной пользы, уваженіемъ челоувѣчества и повиновеніемъ начальству.

Вы можете предвѣрить ихъ о моемъ прибытіи, можете увѣрить ихъ, что Государь Императоръ, въ знакъ Всемилостивѣйшаго о отдаленныхъ сихъ областяхъ попеченія, Высочайше поручить мнѣ благоволилъ полезныхъ сыновъ отечества отличать наградами; что заключенія моя основываться будутъ на существенныхъ опытахъ трудолюбіи и добрыхъ дѣлъ каждаго, что имѣю я долгъ о каждомъ изъ нихъ донести Государю, для котораго равны Его подданные, и въ такомъ случаѣ буде бы кто по свойственной людямъ слабости совратился съ пути истиннаго, имѣетъ до прибытія моего еще довольно

времени не только къ своему исправленію, но къ заслугамъ.

Вашему преподобію извѣстно, что въ несчастливыхъ дняхъ нашихъ просвѣщеніе въ Россіи есть главнѣйшій предметъ человеколюбиваго Ея обладателя. Соотвѣственно симъ великимъ намѣреніямъ, поручаю я вамъ принять въ особовъ ваше попеченіе Кадьякскую школу, — и образовать изъ оной правильное училище; къ чему по сдѣланнымъ отъ меня Кадьякскому начальству предписаніямъ, получите вы всѣ зависящія отъ него способы. Ежели юношество тамъ обучено уже грамотѣ; дайте имъ истинное понятіе о законѣ Божіемъ и Естественномъ, займитесь между тѣмъ показаніемъ имъ правилъ Правописанія, Ариметики, и положите первоначальныя основанія прочихъ наукамъ.

Хлѣбопашество, скотоводство и прочія хозяйственныя зеведенія хотя и не принадлежатъ къ предметамъ вашего преподобія, но я васъ какъ мужа просвѣщеннаго покорнѣйше прошу, ежели по которой либо части имѣете вы свѣденія, то не оставьте начальство тамошнее вашими совѣтами и содѣйствовать къ общей пользѣ и благосостоянію края того.

На конецъ въ заключеніе сего, долженъ я сообщить предположеніе мое и въ разсужденіи васъ самихъ, полагая несомнѣнную надежду, что будете вы при исполненіи сихъ важныхъ предметовъ первымъ мнѣ поборникомъ, я не нахожу нужнымъ возвращеніе ваше въ Россію, на судиѣ Г. Лисянскаго; и по тому благоволите вы дожидаться меня въ Америкѣ и окончить путешествіе ваше уже со мною. О семъ предварительномъ распоряженіи моему всеподданнѣйше доносъ я Ею Императорскому Величеству. И теперь остается намъ ожидать отъ

щедротъ Всевышняго, что благословить Онь счастливымъ событіемъ добрыя наши намѣренія.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего преподобія

Милостиваго Государя моего

Покорнѣйшій слуга Николай Резановъ.

Бразилія

Островъ Св. Екатерины.

Декабря 21-го дня 1803-го

Году 6-го дня 1804-го года.

№ 176.

Конія.

Отъ Кадьякской Конторы

Въ Кадьякскую Духовную Миссію.

Его Превосходительство Г. Дѣйствительный Камергеръ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Николай Петровичъ Резановъ отъ 23-го числа Декабря 1803-го года за № 175—Его Высокоблагородію Г. Коллежскому Советнику и Правителю Россійско-Американскихъ областей, Александру Андреевичу Баранову предписать благоволить: въ разсужденіи непріятныхъ слуховъ о потерѣ Финикса, сколь не желательно, чтобъ были не справедливы; но подтверждаются уже неполученіемъ по сіе время о немъ свѣденія. По сему положенію испросилъ Его Превосходительство для распространенія Христіанскаго Православія Духовную Особу избраннаго въ сіе званіе Іеромонаха Гелеона, котораго по прибытіи сюда рекомендуетъ сего достойнаго мужа; есть ли въ сердечному прискорбію уже лишились мы Преосвященнаго Іоасафа, то порекомендовать храмъ Божій и всѣ дѣла духовныя Его

Преподобію. А посему Духовная Кадыякская Миссія благоволилъ о семъ быть извѣстна, и по соизволенію Его Превосходительства чинить непремѣнное исполненіе. Генваря 23-го дня 1805-го года. Въ должности Правителя Губернскій Секретарь Иванъ Ваннеръ. № 99.

Копія.

Отъ Соборнаго Иеромонаха Гедсона
Въ Кадыякскую Контору.

Его Императорскаго Величества одинъ изъ великихъ предметовъ есть вѣра, церковь и проповѣдь въ здѣшнемъ мѣстѣ; о чемъ самой Компаніи не безъизвѣстно: По чему бывшій здѣсь Преосвященный Іоасафъ, по притчинѣ на и труднѣйшихъ доставленій въ сей отдаленный край Духовенства за самонужнѣйшее дѣло почелъ приуготовлять для Священно и Церковно-служительскихъ должностей изъ здѣшнихъ малолѣтнихъ, коихъ и оставилъ при письменномъ своемъ наставленіи.

При томъ какъ здѣшняя церковь не имѣетъ по должностямъ дьячковой и пономарской служителей; то и я по долгу моему желая видѣть церковь оную въ приличномъ ей благоустроеніи къ большому христіанскому удовольствію и назиданію прихожанъ, необходимо-нужными нахожу для ней, какъ требуемыхъ незаконно оною Конторою мальчиковъ Куликалова и Прянишникова, равно и другихъ находящихся при Духовной Миссіи, кои уже приучены къ церковнымъ чиноположеніямъ и прочимъ для Священныхъ службъ пособіямъ.

Кромѣ сего, извѣстно самой Конторѣ ожиданіе великой особы, Высочайшею Монаршею волею уполномочен-

наго Образователя здѣшнихъ странъ, Дѣйствительнаго Камер-Гера и Ковалера Николая Петровича Резанова, то до пріѣзду Его Превосходительства оставить все касающееся до Духовной части.

Того ради вышеозначенныхъ мальчиковъ къ Начальнику Компанейскаго судна Невы Г. Капитанъ-Лейтенанту и Ковалеру Лисянскому прислать не сибю. Марта 11-го дня 1805-го года. Соборный Иеромонахъ Гедеонъ.

1805-го года Іюля 28-го дня Кадыакъ обрадованъ былъ пріѣздомъ Его Превосходительства Г. Резанова.

7-го Августа получена мною отъ Его Превосходительства бумага слѣдующаго содержанія:

Копія.

Преподобный Отецъ Гедеонъ,
Милостивый Государь мой!

Приводя въ устроеніе всѣ части Американскаго края, изъ первыхъ моихъ обязанностей поставляю возникнуть въ настоящее состояніе пребывающей здѣсь Духовной Миссіи и положить прочныя кѣры къ отвращенію нужды тѣхъ благочестивыхъ мужей, кои удалясь мірскихъ попеченій, грядутъ во имя Господне просвѣщать и образовывать невѣжствующее челоѡчество. Отдавая съ достоинствомъ моимъ почтеніемъ всю принадлежащую ревностнымъ успѣхамъ ихъ справедливость, и памъ яко Главному ихъ Путеводцу свидѣтельствуя искреннѣйшую мою признательность, покорнѣйше прошу ваше преподобіе увѣдомить меня, что сегодно нужно для содержанія Духовенства и благолѣпія храма Божія, и доставить мнѣ удовольствіе преподавать къ тому зависящіе отъ меня способы во удостовѣреніе того непреложнаго почтенія, съ

коиѣ я вѣмъ почтенныѣ Отцамъ и вѣлему препода-
бію готовъ навсегда быть

Покорнѣйшимъ слугою

Николай Резановъ.

Авг. 7-го дня.

Наволоцкая Гавань.

На что сперва отвѣтствовано симъ:

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Приѣмля съ полною благодарностію ревностное ва-
шаго Превосходительства попеченіе о содержаніи здѣш-
ней Духовной Миссіи, необходимо-нужнымъ нахожу слѣ-
дующее:

1) Строеніе домовъ и принадлежности къ онымъ,
какъ-то: пилы, желѣзо на топоры, заступы, матыки, ло-
патки для земледѣлія, гвоздья, пенька, смола, парусина
для лодокъ, стекла, деревянная и мѣдная посуда, ко-
стрюли, чайники, веревки и прядено для неводовъ и
сѣтей, сальныя свѣчи и писчая бумага.

2-ое. Провизія должна быть получаема вещами въ
натурѣ по примѣру морскаго попа на каждаго человѣка
со исключеніемъ мяса и пива, а съ прибавленіемъ чаю
и сахара.

3-ье. По приличію сану платья и обуви по двѣ пары
зимняго и лѣтняго, и по пяти рубашекъ съ портами въ
каждый годъ на каждаго человѣка; такъ же крепы на
клубки и плісу на камылавки и муфты.

4-ое. Въ пособіе домовыхъ работъ и необходимостей
въ замѣну платы усердствующимъ Американцамъ, такъ
же къ большимъ успѣхамъ образованія и просвѣщенія

для приласкиванія ихъ, потребно табаку, сукна, китайки, дабъ, стамета, холста, бисера, иголокъ и крестовъ.

Все сіе отвергнуто съ негодованіемъ; по чему я принужденнымъ себя напелъ отвѣтствовать Его Превосходительству такъ:

Конія.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Пріемля съ полною благодарностію благодѣтельное Вашего Превосходительства расположеніе о ежегодно-нужномъ содержаніи Духовенства, Отцы здѣшней Духовной Миссіи, іеромонахъ Аванасій, монахи Германъ и Іоасафъ объявили мнѣ, что они совершенно предоставляютъ благоволенію вашему положить свои мѣры къ обращенію каждагодныхъ ихъ нуждъ относительно пищи, одежды и всѣхъ домашнихъ надобностей; А относительно благолѣпія храма, имѣю честь сказать, что оно зывиситъ отъ усердія благодѣтелей и Боголюбцовъ. Необходимы для церкви: мука на просвиры, вино, ладонъ, свѣчи и деревянное масло; необходимѣ же всего унять въ церкви течь. Съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства и проч.

Авт. 9-го дня 1803-го года.

Тогожъ дня получилъ я еще отъ Его Превосходительства слѣдующую бумагу:

Конія.

Видѣвъ здѣсь отличные труды Духовной Миссіи Отцовъ въ земледѣліи упражняющихся, покорнѣйше

прошу ваше преподобіе доставить мнѣ свѣденіе, какому хлѣбу и когда дѣлаемы ими были опыты, и какія огородныя овощи и въ какомъ количествѣ у нихъ произрастають, пріобща при томъ вкратцѣ практическія сихъ трудолюбцовъ примѣчанія, дабы при всеподданнѣйшемъ моемъ Его Императорскому Величеству донесеніи о сей столь нужной хозяйственной въ Америкѣ части, могъ я и съмъ благочестивымъ мужамъ отдать всю достодожную имъ справедливость.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю

Вашего Преподобія
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга

Николай Резановъ.

1805-го года 9-го Августа.

Царевская Гавань.

Копія.

Отвѣтъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Отцы здѣшней миссіи начали производить опыты по части земледѣлія еще съ 1795-го года, сѣявъ морковь, лукъ, горчицу, макъ, рѣпу, табакъ, саживъ картофель, рѣдьку, свѣклу, брюкву, капусту, огурцы, арбузы, тыквы, дыни, горохъ огородній, бобы, кукурузу, которая въ Россіи называется огородная пшеничка, подсолнечники и иные огородныя цвѣты.—Изъ всѣхъ оныхъ овощей плодами обрадовали трудниковъ только картофель, рѣдька и рѣпа, а прочихъ хотя всходы и появились; но вскорости все исчезло. Въ 1796-мъ году оставивъ прежніе огороды по неудобности земли къ урожаю, дѣлали опыты

на другихъ мѣстахъ, употребивъ при томъ стараніе о удобреніи земли навозомъ; кромѣ посредственнаго урожая картофеля, рѣпы и рѣдки, была страя капуста безъ вилковъ и брюква. Въ 1797-мъ году еще дѣлаемы были опыты на старомъ алеутскомъ жилѣ, гдѣ даже родилась свѣкла хотя небольшой величины; рѣпа была довольно крупна—самая большая до 10-ти фунтовъ; а картофеля и рѣдки былъ самый лучшій урожай. Въ 1802-мъ году узнали самымъ опытомъ, что морская капуста очень способствуетъ къ удобренію земли; въ томъ же году сажали чеснокъ, который по замѣчанію родиться можетъ. 1804-го года сѣяли на удобренной навозомъ землѣ 4 фунта ячменя; сняли полтора пуда. — Сего 1805-го года апрѣля 23-го дня посѣяли ячменя 10-ть фунтовъ, пшеницы 10-ть фунтовъ въ одно время на разныхъ земляхъ, т. е. на удобренной навозомъ, на простой, и на алеутскомъ старомъ жилѣ; соломою и колосомъ хорошъ тотъ хлѣбъ, который посѣяны на навозной землѣ и на старомъ алеутскомъ жилѣ. Ячмень началъ колоситься ранѣе; и потому подаетъ надежду къ скорѣйшему созрѣнію, а пшеница гораздо позже, и потому къ вызрѣнію мало даетъ надежды. Время откроетъ, каковъ воспослѣдуетъ успѣхъ отъ сихъ начатковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Августа 10-го дня 1805-го года.

Павловская гавань.

15 августа Россійско-Американское Училище въ числѣ 50-ти учениковъ имѣло удовольствіе показать плоды свои на публичномъ экзаменѣ въ присутствіи попечительнаго образователя Россійско-Американскихъ областей Николая Петровича Г. Резанова, и любезныхъ посѣтителей,

какъ г. морскихъ оберъ-офицеровъ и нѣкоторой неизвѣстной Духовной Особы, равно Кадыякскаго ново-учреждаемаго Гражданства почетныхъ людей. Отличившіеся за приѣзжаніе, успѣхи въ наукахъ и благомѣрное поведеніе ученики лично награждены отъ щедрой Его Превосходительства десятицы.

20-го августа Г. Резановъ отправился къ острову Баранова въ портъ Ново-Архангельскъ—(въ Ситку). Откуда и получилъ 29-го сентября отъ Его Превосходительства слѣдующее письмо:

Копія.

Преподобный Отецъ Гедеоизъ,
Милостивый Государь мой!

Достигнувъ по благодати Божіей Ново-Архангельскаго порта минувшаго августа 26-го по утру нашелъ я здѣсь съ сосѣдствомъ не весьма еще мирную жизнь. Партію ожидаемъ съ часу на часъ, но она не возвратилась еще. Мы живемъ на кекурѣ, имѣя всегда вооруженныхъ людей и заряженные пушки; а потому почелъ нужнымъ предварить васъ, что въ разсужденіи присылки сюда для проповѣди Слова Божія, подвиговъ сей для здѣшняго края не возможенъ, а когда можно будетъ, то Александръ Андрѣевичъ извѣститъ васъ. Я прошу васъ объявить Духовнымъ Отцамъ Миссіи, чтобы подвизались они во славу Троицостастнаго Бога въ предѣлахъ кадыякскихъ, гдѣ уже начали внимать Святому Имени Его; впрочемъ помѣщеніе здѣсь крайне нужно, а кормы еще нужнѣе. Мы живемъ весьма скучно, дожди всякой день проливныя, и какъ ни нужны работы, но отъ нихъ отбиваетъ. Между тѣмъ устрояется здѣсь верфь, эленти для двухъ

судовъ очищены, лесъ по маленьку валятъ, и въ скоромъ времени поставимъ съ Божіею помощію на стапели военный брякъ о 16 и тендеръ о 8-ми пушкахъ, которыми чертежи и смѣты уже кончаны.

Я поручаю содѣйствию вашему успѣху школы, которая столь же близка моему попеченію, прошу васъ такъ же внушать, чтобъ сохранялось повиновеніе къ начальству и американцы безропотно исполняли повинности ихъ, доколѣ не улучшимъ мы края сего, ибо иначе все можетъ разрушиться, и ежели не будетъ въ партовщики достаточнаго числа людей, то ножи, подъ которыми мы ведемъ здѣсь жизнь свою, употребятся ко вторичному Россіянъ истребленію. Удивительно, что за варварскіе здѣсь народы; страхъ теперь обуздаль ихъ, но злоба осталась, и съ плѣнниками нашими, какъ слышимъ, производятъ неописанныя безчеловѣчія. Я располагаюсь здѣсь пробыть зиму, а думаю, что Александръ Андрѣевичъ къ вамъ будетъ. За тѣмъ поручая себя въ продолженіе вашихъ ко мнѣ благорасположеній всегда съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Преподобія
Покорнѣйшій слуга
Николай Резановъ.

Сент. 11. 1805-го года.

О. Барановъ.

Портъ Ново-Архангельскъ.

24-го Октября получилъ я еще слѣдующее:

Копія.

Секретно.

Преподобный Отецъ Гedeонъ,
Милостивый Государь мой!

Изъявленное вами желаніе видѣть портъ Ново-Архангельскъ, пріятной въ бытность мою на Кадыакъ вызовъ вашъ раздѣлять со мною труды на пользу Отечества и собственно мое нелестное къ достоинствамъ вашимъ почтеніе, все сіе совокупно обязываетъ меня, ежели писью сіе пайдетъ васъ въ прежнихъ расположеніяхъ, предложить вамъ участіе въ предполагаемой мною секретной сего же года экспедиціи. Купленной у бostonцовъ въ Компанію трехъ-мачтовой обшитой мѣдью корабль Юнона подъ начальствомъ Г. Лейтенанта Хвостова отправился въ Трехъ-Святительскую гавань за корями, съ тѣмъ, чтобъ какъ можно поспѣшнѣе возвратился, а по тому какъ онъ ни часу мѣшкать не долженъ и не можетъ; то по корябѣшше прошу васъ, буде предложеніе мое будетъ вамъ угодно, поспѣшнѣе немедленно въ байдарѣ въ помянутую гавань, безъ малѣйшей кому-либо огласки и закрывъ надобностью моею въ васъ на Ситкѣ, доставить тогда скорѣе удовольствіе увидѣться съ вами пребывающему съ совершеннымъ почтеніемъ вамъ,

Милостивому Государю моему,

Покорнѣйшимъ слугою

№ 498.

Николай Резановъ.

P. S. Въ походной церкви нѣтъ нужды, ибо въ сыромъ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ строеніе еще безъ печей, она згніетъ безъ пользы, а возмите одинъ только образъ для корабля, чтобъ иногда совершить молебствіе. Впрот-

чемъ повторяю еще, что прибытіе ваше зависитъ совершенно отъ воли вашей.

Окт. 4-го дня 1806-го года.

Ос. Барановъ.

Портъ Ново-Архангельскъ.

На что Его Превосходительству 1806-го года апрѣля 14 дня отвѣтствовано снмъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Удостоясь быть очевидцемъ усердно-истинныхъ трудовъ и ревностныхъ вашего Превосходительства о благѣ Отечественномъ попеченій,—и сладостно вспоминая таковой образъ мыслей вашихъ, пріятнѣйшею почель обязанностію, съ полною моею благодарностію повинуюсь лестному для меня вашему предложенію, сопутствовать вамъ на кораблѣ Юнонѣ въ Секретной вашей эспедиціи. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, стеченіе обстоятельствъ положило преграду такому исполненію.

По полученіи пріятнѣйшаго вашего начертанія 24-го октября минувшаго года, Иванъ Ивановичъ Г. Баннеръ не согласился меня отпратить въ старую гавань, и посланному отъ меня монаху Іоасафу съ гнѣвомъ сказалъ: „ѣхать ему туда нѣтъ ни байдары, ни людей, а здѣсь судно *Елисавета* готово къ выходу; то пусть на немъ и ѣдять“.—Почему я принудилъ себя слѣдовать къ острову Баранова на означенномъ суднѣ *Елисаветы*.—Изъ гавани вышли 26-го числа тогожъ мѣсяца; но были встрѣчены жестокимъ противнымъ вѣтромъ, проходя лесной островъ, гдѣ остановились на якорѣ. 28-го вечеромъ совершенно уже вступили въ настоящій путь. Два удара

на лайдѣ Горбуновой понесенные нашимъ судномъ не воспрепятствовали продолженію нашего плаванія. 9-го ноября самымъ жестокимъ штормомъ принесены были въ ночное время къ земли близъ леденаго пролива входа креста, отъ коей едва отошли бывъ подвержены очевидной опасности; нѣсколько разъ видѣли Лытуйскія горы, кои поразительнымъ своимъ видомъ болѣе умножали горестъ о неблагополучномъ нашемъ плаваніи. Переменная погода, то стужа, то слякоть, то противныя жестокіе вѣтры, то туманы томили насъ унылымъ чаяніемъ увидѣть портъ Ново-Архангельскъ. Опасность опасности преслѣдовала. 23-го ночью еще принесены были въ Окойску—краю горести; по пролитіи съ сокрушеннымъ сердцемъ моленія, помилуваны всемогущимъ; тогожъ дня предъ вечеромъ видѣли краткое время Якутатскую бухту хотя и держались около трехъ сутокъ.

1-го декабря увидѣли гору Св. Лазаря и чрезъ цѣлую ночь въ недалекомъ разстояніи веселыми глазами взирали на нея; но утромъ съ крайнимъ прискорбіемъ оставили оный Ново-Архангельскій колоссъ по притчинѣ жестокаго противнаго вѣтра. Забывъ сіе, еще трижды питали себя томною надеждою быть на островѣ Баранова, т. е. 3-го, 6-го и 7-го чиселъ сколько близко подходили къ вышеупомянутой горѣ; столько удаляли насъ отъ оной противныя вѣтры, кои по томъ очень усилились. Вотъ несчастіе! люди обносились; появились больные; отъ чистоты слякоти не успѣвали просушивать платья; вода приходила къ умаленію; по томъ наступила стужа, еще горестнѣе, замерзли паруса, кои разволачивали ганшпугами; а руки и зубы уже не помогали; отъ желаннаго берега очень удалены. Что начать? Итакъ 10-го декабря принуждены были спуститься къ Кадьяку. 18 съ полу-

ночи увидѣли Кадьякъ. Кажется, очень близко къ нему находились; начали отлавировиваться; но теченіемъ принесены были къ берегу *Тонкаго мыса* въ небольшемъ разстояніи отъ острова Угака, гдѣ послѣ сильнаго удара о камень въ 6-мъ часу утра положили два якоря. 19 вѣтръ съ половины дня усилился; якоря не удержали; бѣдствіе предслѣдовало неизбежно; начали облегчать мачты; по томъ (слеза на глазахъ, охъ въ сердцѣ) срубили гротъ-мачту. Какой ужасъ! и теперь мятутся мои чувства! — на конецъ при толь жестокомъ волненіи, что пескомъ отъ kloкочущей стихіи ослѣпляло насъ, выброшено судно на берегъ уже темно. Съ дрожащими членами отъ мокроты и холода, и съ теплыми слезами благодарности ко всевышнему, всѣ сошли съ судна благополучно; — и тѣмъ рѣшилась наша участь.

Все плаваніе наше было горестно. Поздое время, сильные противные вѣтры, переменная погода, одинъ мореходъ безъ помощника, упорность или лучше сказать необузданность промышленныхъ, слабость здоровья морехода, который въ такомъ жалкомъ положеніи силася выходить на верхъ, 23-го ноября въ прибавокъ къ нашему несчастію упалъ и расшибъ правую руку. Все сіе совокупно не малою было преградою къ достиженію желаемого предмета. Что жъ принадлежитъ до хорошаго порядка, бережливости и попечительности въ сохраненіи груза и кормовыхъ припасовъ, чему я очевидный свидѣтель; то дѣлаетъ великую честь достоинствамъ Г. Карпинскаго. Жалко только то, что люди приказанія его исполняли съ понужденіемъ, а по разбитіи судна явные оказывали знаки непослушанія; и естли бы каюры не были при семъ случаѣ, то большая бы часть Компанейскаго имуществва погибла. Безъ его присутствія работа

не производилась отъ нравственной упругости промышленныхъ; по чему принужденъ онъ находится во все время выгрузки неотступно, будучи самъ не здоровъ.

А меня принудилъ холодъ удалиться на третій день по разбитіи въ Игатскую Артель, въ которую, надевъ торбаса, пошелъ пешкомъ. Дорога была весьма безпokoйна и затруднительна по притчинѣ большого снѣга, частыхъ высокихъ хребтовъ, и крупныхъ утесовъ. За противною погодою пробылъ я двѣ недѣли въ оной артели, и по совершеніи свящ. требъ, 6-го Генваря текущаго года отправился оттуда въ байдаркѣ, едва-едва успѣлъ пристать къ разбитому судну. Настали сильные штормы, жестокіе морозы и необыкновенныя пурги, кои еще недѣлю удержали меня на семъ пустомъ берегу. 14 возвратился въ Павловскую гавань, гдѣ претерпѣлъ не менѣе прежняго безпокойства.

Желая умножить въ Училищѣ пользу и успѣхи соотвѣтствующіе ревностному Вашего Превосходительства попеченію положилъ въ намѣреніи назначить Учителя для обученія Ариметики, Географіи и Рисовальнаго искусства; который бы обучалъ симъ предметамъ въ Училищѣ, по тому болѣе, что Іеродиаконъ Нектарій отказывался отъ преподаванія Ариметики, да и занятъ другими предметами; что самое Его затрудняетъ и успѣхамъ отъ того выходить прелятствіе. Г. Ворисовъ съ великимъ усердіемъ и охотою вызвался принять на себя сей трудъ изъ любви къ пользѣ здѣшняго юношества. Способность его въ обученіи принятыхъ имъ двухъ мальчиковъ и надлежащій порядокъ были мнѣ къ тому поводомъ и порукою чаяныхъ успѣховъ. О таковомъ моемъ намѣреніи извѣстилъ я Контору, предоставляя Вашему Превосходительству опредѣленіе и утвержденіе онаго. Но

Котора весьма обидливо для меня отозвалась, не прилично напоминая мою должность, грубо предписывая свои правила и укоряя самовольствомъ выводила изъ такого моего благонамѣреннаго къ общей пользѣ избранія нелѣпныя мнѣнія о какихъ-то непріятностяхъ къ Начальству. При томъ отъ нѣкоторыхъ изъ конторскихъ проявляются слѣды разстройки Духов. Іеромонаха Аванасія и Іеродіакона Нектарія, кои мнѣ оказали послѣ несчастнаго разбитія судна, великія грубости; да и самыя Начальствующіе подаютъ къ тому поводъ.—И потому нетерпѣливо желалъ бы увидѣться еще съ вами на Кадыжѣ, какъ вы мнѣ изволили прежде обѣщать, и увидѣть облегченіе моей участи. — А дотолѣ поручая себя подъ защиту вашу, съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства
и проч.

Апр. 14 дня.

1806-го года.

Павловская гавань.

1807-го года 21-го Апрѣля Россійско-Американское Училище имѣло пріятный случай дать второй публичный экзамень къ присутствіи Г. Правителя Коллежскаго Совѣтника Баранова и Иностранныхъ морскихъ Г. Капитановъ и прочихъ посѣтителей. За успѣхи учениковъ Правитель благодарилъ меня слѣдующимъ письмомъ

Копія.

Ваше Преподобіе, Милостивый Государи!
Отецъ Гедеоны!

Во изъявленіе моей признательности за положенныя начала образованія, здѣшнихъ областей собраннаго въ

Училищѣ Кадыякскомъ юношества, руководствомъ вашими впечатленныя, пріемля то съ чувствами сердечными тѣмъ наипаче, что въ продолженіе Начальства моего устрояются желаемое издавна къ общему благу во славу Отечества просвѣщеніе и благоустройство въ здѣшнихъ дикихъ отдаленныхъ, но единому всероссійскому скиптру принадлежащихъ предѣлахъ, честь имѣю служить отъ собственныхъ избытковъ моихъ, Вашему Преподобію пять сотъ рублей, и еще двѣсти рублей на тѣхъ первой статьи школьниковъ, кои болѣе имѣютъ способностей во изученіи преподаваемыхъ отъ васъ въ наукахъ правилъ, и могутъ другихъ обучать тому, поколику сами достигли въ свѣдѣніяхъ. Поручаю награду сію вамъ же соразмѣрно способностямъ раздѣлить тѣмъ вещами, какіе разсудите и есть въ наличности, отъ лавки на счетъ мой, о чемъ и прикащику сообщится; равно и къ Вашему Преподобію отпускать, ежели здѣсь заблагоразсудите получать вещами. Но буде не нужно и деньгами отъ Охотской или Иркутской конторы, когда разсудите по предметамъ вашимъ выбывать отсель; на счетъ же мой онъ такъ же въ таковомъ случаѣ поручится открытое вамъ сообщеніе. — На таковой же предметъ награды отличающимся въ наукахъ школьникамъ Господинъ Акціонеръ Василій Ивановичъ Малаховъ отъ лавки же асигнуетъ въ ваше распоряженіе сто рублей. Пребываю впрочемъ съ должнымъ почтеніемъ имѣи

Вашего Преподобія
Покорнымъ слугою Александръ Барановъ.

23-го Апр.
1807-го года.
Кадыяк. Павл. гавань.

12 Маія пришло изъ Ситки вновь построенное изъ
душнаго дерева или Американскаго кипариса судно
Ситка; а 15 увѣдомилъ я Правителя о возвращеніи мо-
емъ въ Россію:

Копія.

Ваше высокоблагородіе!
Милостивый Государь!

По предѣтамъ моимъ имѣю необходимость отпра-
виться въ Охотскъ на суднѣ Ситкѣ; то покорно прошу
васъ, Милостивый Государь, приказать изготovitъ для
меня мѣсто, снабдить какъ меня на означенное путеше-
ствованіе провизіею и прочими нужными потребами, такъ
и будущихъ при мнѣ двухъ большихъ учениковъ Про-
копія Лаврова и Царамона Чумовицеаго, да одного на-
лолѣтнаго Алексѣя Котельникова; чему здѣсь прилагается
реестръ. Относительно жъ нужныхъ по духовной части
дѣлъ сообщить вашему высокоблагородію не умедлю,
пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

На другой день Правитель объясня мнѣ многія за-
трудненія и дорогое содержаніе въ доставленіи выше-
упомянутыхъ учениковъ, между прочимъ просилъ от-
крыть на то волю Его Превосходительства Николая
Петровича Г. Резанова, общаваясь при томъ здѣлать
мнѣ удовлетвореніе. На такое его объясненіе отвѣт-
ствовалъ я слѣдующимъ:

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Объясненіе Вашего Высокоблагородія я имѣлъ честь
получить. Прописываемые въ ономъ совѣты, какъ плоды

долговременной опытности Вашей, тѣмъ болѣе пріятны и любезны моему сердцу, что острое и дальновидное ума Вашего зрѣніе ограждаетъ меня въ толь дальнеишъ путешествіи осторожностію къ большому моему спокойствію. Почему я, пользуясь сими важными напутствіемъ, сознаю себя обязаннымъ ко всегдашнему Вамъ, Милостивый Государь мой, благодаренію. — Воля жъ Его Превосходительства попечительнаго образователя здѣшнихъ областей, Николая Петровича Г. Резанова въ части сей такова: — Олѣ изволилъ въ сношеніи ко мнѣ прописывать, что по Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества былъ возложенъ, какъ него, такъ и на меня лестный подвигъ къ лучшему усовершенствованію края сего. Посему во многихъ совѣтахъ и писменныхъ и словесныхъ съ особливимъ почтеніемъ къ Духовному званію, признавалъ меня быть ревностнымъ при исполненіи важныхъ его въ томъ усовершенствованіи предприятий поборникомъ. А я оправдывая толь великое Его Превосходительства обо мнѣ мнѣніе, съ моей стороны со всевозможнымъ усердіемъ старался распространить общія выгоды, между коими за нужное почиталъ, чтобъ чрезъ большее просвѣщеніе сихъ учениковъ въ С.-Петербургѣ оказать мою услугу Отечеству, сдѣлавъ ихъ полезными для края сего, а для большей чести Благодѣющей имъ Россійско-Американской Компаніи. Открывъ Вамъ и волю Его Превосходительства и образъ моихъ мыслей, явлю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

и проч.

Маія 16-го дня 1807-го года.

17 увѣдомилъ я Правителя о препорученіи Начальства Духовной Миссіи Преподобному Отцу Герману.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Небезызвѣстно, думаю я, Вашему Высокоблагородію, что весьма прискорбно было слышать Попечительному Образователю Россійско-Американскихъ Областей, какъ онъ самъ изволить выражать въ своемъ ко мнѣ сношеніи: „что развратъ и буйство допущены на Кадьяхъ послабленіемъ Начальства, и что онъ къ строгимъ мѣрамъ приступить долженъ, чтобъ искоренить навсегда зло сіе; такъ же съ сожалѣніемъ увѣдомляетъ и почти невѣроятнымъ поставяетъ, что и между духовными посѣялись личныя неудовольствія“. Дошли до него вѣрныя слухи, что іеродіаконъ Нектарій не повиновался моему Начальству, равно и іеромонахъ Аеанасій. Безначаліе введѣ вредно, да и Республика ли въ какой части Его Императорскому Величеству не угодна — А какъ изъ прежде бывшихъ предписаній Епископа Кадьяскаго Іоасафа ясно видно, что іеромонахъ Аеанасій, яко не имѣющій нужныхъ къ начальствованію способностей и по неосновательности своего разсудка и по малограмотству, былъ подчиненъ іеродіакону Нектарію такъ, что не велено ему даже „до островка отлучаться изъ гавани, развѣ прогуляться въ лесъ, кольми паче въ объѣзды ни подѣ какимъ видомъ, а за ослушаніе и дерзость приказано наказывать разнообразно, какъ-то: поклонами, постомъ и другимъ образомъ, какъ разсудится; до буйствъ не допускать, какъ случалось многаяжды и здѣсь, то приковавъ на цѣпи до тѣхъ поръ держать, пока исправившись въ погрѣшности просить будетъ извиненія“. — Что самое іеромонахъ Аеанасій под-

твердилъ своимъ упрямымъ, своенравнымъ, не основательнымъ и дерзкимъ поведеніемъ и въ мое здѣсь пребываніе. — Смотрѣнію жъ монаха Германа отъ бывшаго Епископа какъ вѣрепы были весь домъ, имущество и экономія; равно поручены были его попеченію и оставшіеся здѣсь Духовные, велѣно поступать съ ними по его разсужденію, рѣшительно отказывать въ ихъ прихотяхъ и располагать всею, особенно предоставлено его волѣ сообразно обстоятельствамъ, какія встрѣтятся могутъ. По таковымъ притчинамъ и я при настоящемъ моемъ отъѣздѣ въ С.-Петербургъ съ особливимъ почтеніемъ обращая взоръ мой къ великимъ достоинствамъ и рѣдкимъ ума и сердца качествамъ сего просвѣщеннаго, опытнаго, трудолюбиваго и пречестнѣйшаго отца, въ полномъ увѣреніи, что отъ равногости, бдительности и проницательности ничего упущено не будетъ, съ вождѣннымъ и совершеннымъ удовольствіемъ поручаю ему начальство Здѣшней Духовной Миссіи, къ коему да благополите вы, Милостивый Государь, что только надлежать имѣеть до духовной части, относиться и дѣлать ему всевозможное пособіе къ пресѣченію какихъ-либо могущихъ случиться неблагопристойностей. О такомъ моемъ неліцепріемномъ избраніи не премину я по долгу моему довести Святѣйшаго Правительствующаго Синода первенствующему члену Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту и Ковалеру Аивросію; а болѣе, признаюсь Вамъ искренно, меня въ ономъ избраніи то утѣшаетъ и ободряетъ, что я о семъ кротости, тихости, и смиренномудрія исполненномъ и миролюбномъ старцѣ весьма часто имѣлъ удовольствіе слышать великую похвалу и отъ Вашего высокоблагородія — мужа опытнаго, достойнаго великой чести — мужа проведеннаго вѣкъ свой

въ похвалѣ по притчинѣ многихъ трудовъ для пользы Отечества. Сія-то похвала важнѣе для него прочихъ похвалъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
имѣю честь быть
и проч.

17-го Маія 1807-го года.

18 Маія нужная для путешествіи моего провізія Правителенъ ко мнѣ прислана, а 19 просилъ я его о нижеслѣдующемъ:

Копія,

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Его Превосходительство въ сношеніи ко мнѣ упомянулъ, что онъ по Высочайшей волѣ Государя Императора приступая къ образованію Американскаго края, имѣлъ нужду знать: сколько въ которомъ мѣстѣ жителей? Но, какъ самъ изволилъ онъ выразить: „въ Конторѣ Кадыякской не нашелъ вѣрной переписи народа, кромѣ свѣдѣній въ 1800-мъ году полученныхъ“. Для того просилъ меня о числѣ родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся ежегодно сообщать вѣдомости въ Кадыякское Правленіе Компаніи.—Вашему жъ Высокоблагородію извѣстно, что Духовная Миссія не имѣетъ писмоводителей; въ таковомъ случаѣ при крещеніи и бракосочетаніи благоволите вы, Милостивый Государь мой, іеромонаху Аелнасію отъ Конторы Вашей дѣлать вспоможеніе. Относительно бракосочетанія тѣхъ Россіяняъ, кои здѣсь остаются пожелають навсегда или имѣющихъ быть здѣшними гражданами отъ меня На

чальнику Америко-Кадьякского Духовенства Его Преподобію Отцу Герману предписано быть имѣть. Что жъ касается до умершихъ, то Духовной Миссіи свидѣнія имѣть никакъ не возможно. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

и проч.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Волею Его Императорскаго Величества, по словамъ Его Превосходительства, возложенный на насъ съ нимъ купно, извѣстный вашему высокоблагородію подвигъ, равно и его на меня въ доборничествѣ моемъ упованіе, принуждаютъ меня напомнить вамъ, Милостивый Государь мой, образъ попечительнаго образователя мыслей къ большому исполненію Высочайшей воли, что образованіе края сего занимало всѣ душевныя и тѣлесныя его силы, (чему я самъ очевидный свидѣтель), и множество частей въ составѣ семъ находящихся развлекали ихъ иногда такъ, что онъ самъ терялся въ способахъ. „Ибо въ жительствующихъ здѣсь Россіянахъ образъ мыслей, изволилъ онъ въ иномъ ко мнѣ сношеніи открыть, доселѣ на несовѣстныхъ человѣчеству правлахъ существовалъ.—Развращенные умы, продолжалъ въ другомъ сношеніи, вѣдать понынѣ въ Америку обогащаться только для того, чтобъ возвратясь разсыпать какъ прахъ въ нѣсколько дней то, что многими годами на слезахъ чуждыхъ стяжала. Столь отчаянные люди уважать ли ближняго? Удалясь они навсегда сѣмейственной жизни, не

имѣють въ глазахъ добраго прииѣра. По тому бѣдные американцы къ стыду Россіи приносятся въ жертву распутству ихъ. Промышленные суть такой народъ, котораго большая часть изъ нихъ по сіе время и для Отечества и для Америки, можно сказать, къ единому вреду существовала“. Почему Его Превосходительство просилъ меня искренно въ отсутствіе его напрягать умы всѣхъ къ положеннымъ имъ въ основаніе тремъ началамъ: 1) Земледѣлію, 2) Просвѣщенію и 3) Размноженію народа, посредствомъ которыхъ мыслить онъ скорѣе облагодѣлывать край сей.

А хотя я поборникомъ названный, бывъ тѣми же чувствами одушевленъ, и какъ волею человеколюбивѣйшаго Монарха, такъ наиболѣе закономъ Царя Царствующихъ и имже сильніи пишутъ правду, къ человеколюбію обязанный, имѣлъ по мѣрѣ силъ моихъ стараніе во всемъ ономъ тяжкомъ бремени подвига дѣлать вспоможеніе; однако Его Превосходительство, придавая еще большую къ общепользнымъ трудамъ силу, не упустилъ въ одномъ ко мнѣ сношеніи просить и всѣхъ находящихся здѣсь Духовныхъ мужей такимъ же образомъ приложить ревностное ихъ стараніе поспѣшествовать великимъ симъ предметамъ; да и лично, а болѣе при своемъ отсюда отъѣздѣ къ острову вашего высокоблагородія, просилъ преподобнаго отца Германа по воли Государя Императора о край семъ особенное имѣть попеченіе.

Уже я имѣлъ честь сообщить вамъ, Милостивый Государь мой, что по отъѣздѣ моемъ сему трудолюбивому старцу поручено начальство здѣшней Духовной Миссіи; а теперь во исполненіе тойже Высочайшей воли и благотворной о здѣшнихъ областяхъ Попечительнаго Образователя ревности, отъ меня предписано ему и въ рассу-
 19*

деніи трехъ вышеупомянутыхъ началъ, основаніе которыхъ еще до прибытія Его Превосходительства на Кадыакъ подѣ бдительнымъ руководствомъ отца Германа съ желаемымъ успѣхомъ произведено. 1-ое. Касательно земледѣлія во многіе годы на различныхъ земляхъ дѣлаемы были разныхъ сѣмянъ опыты. 2-ое. Касательно просвѣщенія Его Превосходительство изволило признать необходимымъ водвореніе хотя нѣсколько сѣмействъ, которыя бы добрымъ примѣромъ благонравія и хозяйственной жизни смягчали дикость жителей.—и дали бы тѣмъ первый шагъ къ просвѣщенію. Ласковымъ же отца Германа обращеніемъ по долгу проповѣдника въ диконравномъ народѣ, нѣкоторые изъ американцевъ къ трудолюбію, дружественной связи, и хозяйственной жизни приучены, и за таковое ихъ къ нему послушаніе лично отъ уполномоченной Особы награждены.—На все то съ великимъ вниманіемъ взирая благосклоннымъ окомъ, Попечительный Образователь не только самъ изволилъ уважать не ожидаемое таковыхъ началъ основаніе, но и еще просилъ меня доставить ему о опытахъ, успѣхахъ и замѣчаніяхъ свѣденіе для того, дабы еще и при всеподданнѣйшемъ Его Императорскому Величеству донесеніи его о сой столь нужной хозяйственной въ Америкѣ части за отличные въ земледѣліи труды и упражненія отцовъ Духовной Миссіи, могъ отдать всю достодолжную имъ и главному ихъ путеводцу справедливость.

Къ сему второму началу такъ же принадлежитъ и образованное мною Россійско-Американское Училище. Мнѣ, не безызвѣстно вашему высокоблагородію, что оно по пріѣздѣ моемъ на Кадыакъ съ 1805-го года марта 20-го дня свое основаніе получило изъ остатка почти издыхающаго прежде бывшей кадыакской школы. Тогожь

года къ 15 дню августа оно возрасло до 50-ти человекъ, съ каковымъ числомъ нѣло удовольствіе показать плоды свои на публичномъ экзаменѣ въ воздѣлѣнномъ присудствіи Попечительнаго Образователя Россійско-Американскихъ областей Николая Петровича Г. Резанова и любезныхъ посѣтителей какъ Г. морскихъ оберъ-офицеровъ, пѣкоторой неизвѣстной Духовной Особы, равно и Кадьяскаго Гражданства почетныхъ людей. Отличившіеся ученики за прилѣжаніе, успѣхи въ наукахъ, и благопріиѣрное поведеніе удостоены личнаго награжденія отъ щедрой уполномоченной Его Превосходительства десницы. Вскорости по отбытіи Попечительнаго Образователя къ острову вашего высокоблагородія въ портъ Ново-Архангельскъ возрасло оно съ отрядомъ учениковъ школы практическаго земледѣлія до 80-ти человекъ разныхъ племянъ. По прибытіижъ вашемъ на Кадьякъ 1806-го года съ октября при благотворномъ о бѣдныхъ сиротахъ вашемъ попеченіи уже нечувствительно паки возрасло оно до 100 человекъ, въ числѣ коихъ даже обучались и колюжскихъ народовъ аманаты, пріавшіе охотно и добровольно нашу Греко-Россійскую православную иѣру 23-го ноября тогожъ 1806-го года; которыхъ аманатовъ имена суть сіи: 1) Никостратъ Лѣкайна 25-ти лѣтъ, 2) Никтополіонъ Тыгике 19-ти, 3) Нирсъ Шукка 19-ти, 4) Наркисъ Елькъ 18-ти и 5) Неонъ Кашкинатъ 17-ти лѣтъ. Въ таковомъ вышеупомянутомъ числѣ учениковъ Россійско-Американскаго Училища нѣлъ я пріятный случай произвести и второй публичный экзаменъ 1807-го года 21-го апрѣля еще въ присудствіи какъ вашего высокоблагородія—яко главнаго Попечителя благотворительныхъ въ Америкѣ заведеній и вашего сотрудника почтеннаго отца Германа и прочихъ духовныхъ мужей, равно

иностранныхъ морскихъ капиталовъ и почетныхъ Кадьякскаго Новоучрежденнаго Общества гражданъ. Въ полной мѣрѣ доказало мнѣ, какъ благотѣльное вамъ сообщеніе отъ 23-го апрѣля тѣ великія чувства, коими пренеполнена была ваша душа при обозрѣніи плодовъ сихъ, равно и благородное великому примѣру вашему подражаніе Г. акціонера Василя Ивановича Малахова къ пользѣ края сего. — Теперь (скажу вамъ откровенно) нѣжному Попечительнаго Образователя сердцу любезно будетъ принять сладкое увѣдомленіе, что изъ воспитанниковъ Россійско-Американскаго Училища заступили уже учительскія мѣста. Начать такъ же по особому Его Превосходительства предписанію быть собираемъ словарь алеутскаго языка подъ руководствомъ старшаго ученика Парамона Чумовицкаго, да и Грамматикѣ тогожъ языка основаніе положено; котораго ученика яко способнѣйшаго къ сему предмету по совѣту вашего высокоблагородія я оставляю здѣсь подъ особымъ надзираніемъ здѣшняго духовнаго начальника отца Германа. Вы же, Милостивый Государь мой, съ своей стороны, покорнѣйше о томъ прошу, не отлучайте его отъ Россійско-Американскаго Училища. Въ осеннее время, по малости здѣсь кормовыхъ припасовъ, можетъ онъ на цѣлую зиму для общей пользы отлучиться съ особымъ отрядомъ учениковъ въ алитатскую артель къ крестному своему отцу и благотѣлю, почетному Байдарщику Тимоѣю Леонтьевичу Чумовицкому, а весною къ 1-му маю долженъ представить свой отрядъ къ публичному экзамену, и пакн продолжать дѣло свое до осени въ С. Павловской гавани, т. е. исправлять словарь, заниматься переводами при начальникѣ Духовной Миссіи отцѣ Германѣ, каковыя онъ изволитъ признать полезными по притчинѣ встрѣтившихся обстоя-

тельствъ. Такъ же и малолѣтний ученикъ Грамматики Алексѣй Котельниковъ остается здѣсь при учителѣ Иванѣ Кадьякскомъ и при товарищѣ его Христофорѣ Прянишниковѣ; кои всѣ поручены отъ меня подъ непосредственный призоръ Благочестіемъ украшеннаго мужа—отца Германа для наученія страху Божию, яко началу премудрости истинной.

3) Относительно 3-го начала, т. е. размноженія народа по той же Всевысочайшей воли благотворительная попечительнаго образователя воля Духовнымъ совѣтами своими о сбереженіи народа чинить вспоможеніе Кадьякскому Правленію Компаніи.

При окончаніи сего всепокорнѣйше прошу васъ, какъ особеннаго здѣшняго края любителя, Духовному Начальнику Отцу Герману по двумъ вышеписаннымъ началамъ для большей общей пользы дѣлать всевозможную помощь, а по третьему благоволите въ отсуствіе ваше предписать, кому отъ васъ поручено быть имѣть Свѣтское Начальство, дабы въ случаяхъ необходимыхъ совѣты во исполненіе вышеупомянутой образователя воли принимать не отрицаться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
и проч.

Маія 26-го дня
1807-го года.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Его Превосходительство ревностный попечитель здѣшняго края, обращая благотворный свой взоръ во всѣ по-

дробности, изволилъ ко мнѣ писать тако: „привода, говорить, во устройство всѣ части Американскаго края изъ первыхъ моихъ обязанностей поставляю вникнуть въ настоящее состояніе пребывающей здѣсь Духовной Миссіи и положить прочныя мѣры къ отвращенію нужды Отцовъ ея“. Осыпая многими лестными похвалами усердіе ихъ, продолжаетъ: „отдавая съ достолюбіемъ почтеніемъ всю принадлежащую ревностнымъ успѣхамъ ихъ справедливость и главному ихъ путеводцу свидѣтельствуя искреннѣйшую свою признательность“, просилъ меня увѣдомить о ежегодно—нужномъ содержаніи Духовенства и благолѣпія храма Вожія, для того, чтобъ оныя могъ преподать къ тому зависящія отъ него способы; А по полученіи отъ меня отвѣта изволилъ увѣрять, что ежегодное содержаніе по ихъ требованію имѣетъ быть выполняемо отъ главнаго Правителя Россійско-Американскихъ областей, о чемъ и предпримется Кадьякскому Правленію Компаніи: того ради ваше высокоблагородіе всепокорнѣйше прошу снѣзъ (какъ самъ высокоуполномоченный изволилъ назвать) „благочестивымъ мужамъ, кои удались мірскихъ попеченій, грядутъ во имя Господне просвѣщать и образовывать невѣжествующее человѣчество“, относительно пищи, одежды и всѣхъ домашнихъ надобностей по обѣщанію Его Превосходительства отпускать, дабы могъ я со извѣстною въ ономъ надеждою по долгу моему донести Святѣйшаго Синода Первенствующему члену Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту и Кавалеру Амвросію. Относительножъ благолѣпія храма Вожія я отвѣчалъ Его Превосходительству, что оно зависитъ отъ усердія Благодѣтелей и Боголюбимцевъ. Необходимы для церкви: мука на просвиры, вино, ладонъ,

свѣчи и деревянное масло; необходимѣ же всего унять въ церкви течь.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
и проч.

Маія 27-го дня
1807-го года.

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Помощію Всевышняго по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ необходимо нужно донести мнѣ по долгу моему Святѣйшаго Синода Первенствующему Члену Митрополиту и Ковалеру Амвросію, какъ о бѣдственныхъ приключеніяхъ бывшаго здѣсь Преосвященнаго Епископа Іоасафа, равно и о выкидахъ признаковъ судовыхъ и другихъ какихъ-либо изъ имуществъ: гдѣ, сколько, когда и какія именно найдены были? То благоволите Ваше Высокоблагородіе дать мнѣ о семъ подробное свѣденіе. А я съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

и проч.

Маія 27-го дня
1807-го года.

На послѣднія два получила я 28-го дня отъ Правителя Г. Баранова объясненіе, (коего прилагаю здѣсь подлинникъ), гдѣ Его Высокоблагородіе, упомянувъ о бывшихъ приключеніяхъ и выкидахъ Компанейскаго судна Финикса, поставляетъ за удовольствіе подкрѣплять духовныхъ во всѣхъ ихъ надобностяхъ до рѣши-

тельнаго о Кадьякской Духовной Миссіи положенія; а между тѣмъ просить меня здѣлать разрѣшеніе: по требованіямъ ли только Начальствующаго Отца Германа производить отпуска, или каждаго изъ нихъ порознь? На что я отвѣтствовалъ ему снѣзь:

Копія.

Ваше Высокоблагородіе,
Милостивый Государь мой!

Желаете вы, Милостивый Государь, знать для повѣрки отчетовъ Старосты и Прикащика, на оставшихся здѣсь Духовныхъ производить отпуска по требованіямъ ли Начальствующаго или каждаго порознь? На сіе имѣю честь сказать вамъ кратко: конечно по правиламъ субординаціи должны быть чинимы отпуска на одно лицо Главно-Начальствующаго Отца Германа. А если нарушены будутъ правила порядка, то выдетъ извѣстная руская пословица: *Лыко за ничало, а голова за мочало.* — Съ непрережѣннымъ почтеніемъ во всю мою жизнь имѣю честь быть,

и проч.

29-го дня
1807-го года
Павловская гавань.

1-го Іюня поручено отъ меня Отцу Герману слѣдующее:

Копія.

Преподобный Отецъ Германъ!

По благодѣтельному ко мнѣ сообщенію Его Высокоблагородія Александра Андрѣевича Г. Баранова отъ

23-го Апрѣля сего года, поручаю вамъ получить для награды опредѣленную на воспитанниковъ Россійско-Американскаго Училища, отличившихся какъ примѣрными успѣхами въ наукахъ, такъ въ благоповеденіи примѣрнымъ и показавшія довольныя способности въ обученіи другихъ учениковъ при бывшемъ экзаменѣ 21-го тогожь мѣсяца сумму триста рублей, раздѣливъ имъ слѣдующимъ образомъ: Ивану Кадьякскому девяносто рублей, Парамону Чумовицкому девяносто рублей, Христофору Прянишникову восемьдесятъ рублей и Алексѣю Котельникову сорокъ рублей.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть.

и проч.

1-го Іюля
1807-го года

11-го отдано Начальстающему Отцу Герману слѣдующіе наставленіе:

Копія.

Преподобный Отець Германъ!

Отправляясь теперь въ С.-Петербургъ по долгу моему непремѣнно-нужнымъ призналъ поручить вамъ Начальство Америко-Кадьякской Духовной Миссіи; о чемъ я уже увѣдомилъ Его высокоблагородіе Г. Коллежскаго Совѣтника и Главнаго Правителя здѣшнихъ областей Александра Андрѣевича Баранова; вамъ же сверхъ личныхъ моихъ съ вами объясненій къ лучшему устроенію и на письмѣ объявить мои мысли обязанностію поставляю:

1) Отдавая всю достодожную вашимъ достоинствамъ и вашей благотѣльной о пользѣ здѣшняго края рев-

ности мою признательность, лестною питаю себя надеждою, что не оставите вы опытными своими наставленіями вкоренить въ сердца Россіянъ и Американцовъ правила истиннаго Богопознанія, любовь къ Отечеству и дружественную между обоими племенами связь. — Извѣстно вамъ, что Духовныхъ есть первый долгъ показывать образъ Христіанской святости въ житіи своемъ, то я не сомнѣваюсь, что вы употребите должное въ томъ руководствѣ. Особенно вашему Преподобію подлежитъ, да всякъ въ должности, въ какую онъ призванъ, пребываетъ радѣтельно, честно и благородно.

2) Во всей адѣшней церкви находится великая течь, о чемъ и прежде отъ меня была увѣдомлена Кадьякская Контора; то вашъ долгъ еще настоять теперь о прекращеніи ея. — Ризницу, утварь и книги для отправленія службы Божіей необходимыя отъ васъ зависить поручить смотрѣнію или іеромонаха Аѳанасія или монаха Юасафа, и о тщательномъ всего того сбереженіи особое имѣйте попеченіе.

3) По пріѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга съ удовольствіемъ примѣтилъ я въ экономіи вашей рѣдкую уѣренность и примѣрное хозяйство, — какъ вѣрные способы къ сохраненію хлѣба, за который даже Его Превосходительство отдать вамъ истинную признательность, быть долженъ сорокою суммами для подкрѣпленія его плаванія; то и оставляю уже излишнимъ напоминать вамъ о наблюденіи подобнаго прежнему хозяйству какъ въ оставшемся хлѣбѣ, равно и въ прочемъ имуществѣ, бывъ совершенно увѣренъ, что вы не опустите всего того, что только по сему предмету можетъ зависить отъ ревности вашей.

4) Его Превосходительство сообщилъ мнѣ, чтобъ

„впредь до воспріятія Его Императорскаго Величества воли не сочетать бракомъ иныхъ, кромѣ тѣхъ, кои здѣсь остаться пожелають, и въ такомъ случаѣ брать съ нихъ подписки, засвидѣтельствованныя Правительствомъ и съ поручительствомъ трехъ челоѣкъ изъ тѣхъ, которые объявили себя навсегда здѣшними гражданами“. — О чемъ уже заведенный въ Конторѣ порядокъ и впредь продолжайте. — Относительно доставленія ежегодной народной переписи въ Контору о рожденіи, бракосочетаніи и умершихъ выполнить не возможно какъ по тому, что народъ Компаніею и мужескій и женскій полъ отъ своихъ жилъ разсылается въ разныя далѣйшія стороны, не дая о томъ Духовной Миссіи никакого свѣденія, такъ и потому, что Духовная Миссія имѣетъ только одного іеромонаха, коему такъ же отъ Церкви и Гавани отлучаться далеко не возможно; оставшіяся же по жиламъ люди распоряжаются Компанейскими Байдричиками, отъ коихъ такъ же Духовные никакого о рожденіи и умершихъ свѣденія не получаютъ. А поселику Духовная Миссія не имѣетъ у себя писмоводителей; то въ случаѣ крещенія и бракосочетанія для записки требовать вамъ отъ Конторы вспоможеніе. О чемъ отъ меня уже сообщено Его Высокоблагородію здѣшнему Правителю.

5) По прибытіи моемъ на Невѣ въ дико-образный и уделенный сей край, первое возрѣніе какъ на суровость климата, такъ на нагую грубость природы, сотрясало всѣ мои чувства ужасомъ; Но, когда увидѣлъ вожделѣнные плоды ревностныхъ вашихъ успѣховъ въ ласковомъ съ Американцами обращеніи и въ производимомъ чрезъ нихъ земледѣліи и хозяйственной экономіи; то такая неожиданная пріятность наполнила Духъ мой

сладкимъ спокойствіемъ. Да и Его Превосходительство по прїѣздѣ своемъ съ подобнымъ взирая удовольствіемъ на таковыя ваши въ дико-видной сей странѣ произведенія, къ большему еще поощренію лично при васъ наградишь при ласканныхъ вами Американцовъ за ихъ къ вамъ послушаніе въ трудолюбіе. По томъ для образованія края сего призналъ за лучшіе во основаніе положить три начала: 1-ое Земледѣліе, 2-ое Просвѣщеніе, 3-ье размноженіе народа, и просилъ меня напрягать къ тому всѣхъ умы, чтобы скорѣе можно было облагодѣтельствовать край сей. То и я съ своей стороны при отѣздѣ моемъ вамъ, какъ оныя начала уже положившимъ, напоминаю имѣть еще наибольшее о томъ попеченіе, впротчемъ почитаю излишнимъ о сихъ подробностяхъ объяснять вамъ, какъ довольно въ томъ опытнымъ. Помощь же въ ономъ можете получать отъ Компаніи. О чемъ отъ Его Превосходительства уже Конторѣ предписано, и отъ меня сообщено Его Высокоблагородію Александру Андреевичу Г. Баранову.

6) Съ удовольствіемъ поручаю особенному Вашего Преподобія попеченію заведенное мною Россійско-Американское Училище. Установленный въ ономъ порядокъ долженъ быть и впредь охраняемъ. Наставленіе въ Училищѣ отъ меня оставлено. Учителемъ признанъ Иванъ Кадьякскій, Товарищемъ его Христофоръ Прянишниковъ и Помощникомъ при нихъ Алексѣй Котельниковъ. Парамону Чумовицкому при сломоществованіи другихъ ввѣрено собраніе словаря Алеутскаго языка, такъ же и сокращенное начертаніе Грамматики тогожъ языка; онъ долженъ быть и переводчикомъ при васъ. Такъ же за отрядомъ Учениковъ земледѣлія имѣйте должное смотрѣніе и прилежаніе. Зависяшіе къ тому способы Ком-

панія долгъ имѣть доставлять вамъ. Больше всего потщитесь напоить юныя сердца ихъ правилами вѣры, страха Божія и всей нравственности; за преступленія наказывайте. Любовь ваша ко всему благому не дозволяетъ мнѣ сунѣваться, что все сіе отъ васъ наилучшамъ образомъ исполнено быть имѣетъ.

7) Содержаніе ваше по увѣренію Его Превосходительства (какъ и вамъ извѣстно) предоставлено попеченію здѣшняго Правителя; о чемъ и я съ моей стороны просилъ его. Для лучшаго жъ порядка требованія ваши должны быть на одно ваше лице.

8) Паче всего старайтесь сохранить между братствующими миръ, тишину и согласіе. Я жъ съ моей стороны прошу и молю Всевышняго Даровъ-Дателя, да ниспослетъ вамъ силу и крѣпость, во еже творити и дѣяти о благоволеніи Его.—Алекса́ндро-Невской Ла́вры Собо́рныи Іеромона́хъ Гедео́нъ. Іюня 11-го дня 1807-го года. На Кодьякъ. Павловская гавань.

Точная копія собственноручнаго письма Александра Андреевича Баранова къ іеромонаху Гедeonу.

Вывшему при кадыяцкой Духовной Миссіи, Александронеvской лавры Соборному иеромонаху Отцу Гедeonу
Правителя Баранова.

Милостивый Государь мой.

Насообщенія Ваши 27-го числа сего Маія мне доставленные честь имею объяснить.

на 1-е касательно разбитія компанейскаго фрегата Финикса, инаономъ потери бывшаго пресвященнаго иоасафа Совсею Его Свистою, и судовымъ экипажемъ.

Помянутое Судно отъ правилась изъ оходка въ осень 1799 года пряма сюда накадыкъ, а Видели Ево 28 числа Октября того году недалеко отъ уналашки, противъ острова умнака русскіе и алеуты тамошніе. когда оное разбилося ипося поръ неполучено никакихъ Верныхъ сведеній, причиноюже нещастію сему полагають бывшіе приотправленіи ихъ въ оходке ту, што тамъ свирепствовало тогда смертаносное поветріе кашля, кровавыхъ янисовъ и горячки, много народу помѣрло, аможетъ быть ись следующихъ при сѣмъ транспортѣ болѣе 70-ть человекъ промышленныхъ некоторые заражены были теми же болѣзнями и распронили напрочихъ. иштался могло што имореходъ коллежской ассесоръ Господинъ шильдъ отъ той же скончался, а другога небыло. апотому иисудно можетъ быть безуправлѣнія осталась въ беспрепятствее-

номъ дѣйствиі Стихіи Волнъ и Ветровъ. однакожъ Видимо было въ близіи уналашки подпарусами присильной погоде къ кадыаку путь направляемъ.

Выкиды судовые показались здѣсь накандыаке ивъ окруженныхъ Вюцке мѣся и Вначале іюня м-ца послѣдующаго уже 1800 года. искоихъ мѣсяцовъ въ первомъ Во заратился исподситки по прозимовке тамъ. Выкидывало судовые доски, бисисы, бусприть и брашпиль, натугидаке тун-тай берестяной съ масломъ на шугаке укамоке ипоразнымъ мѣстамъ даже поколо уналашки Восковые свечи и несколько порозжихъ, инапытками смешанными сросоломъ флягъ, каковую и около мыса Силин нашли же партовщики, а наострове Сюкле въ чугацкой Губѣ 2 облочки коженные съ большихъ кнѣйгъ; итоже несколько Восковыхъ свечъ среднихъ малыхъ кои сколько получено потдамыи были въ церковь здешнюю.—Въ томъ же 800 году осенью найденъ подситкою тово судна руль, а далѣе недалѣко отъ острова румянцова въ бухтѣ две товоже судна мачты около 56° северной широты; но болѣе никакихъ выкидовъ неизвесно и Верныхъ слуховъ оиѣсте разбитія неперенято, сказывалъ только одинъ изъ американскихъ капитановъ носифъ окепъ; якобы слышалъ отъ другихъ будто около бухты бокорело или бобровой, где приставалъ прежней беринговой экспедиции капитанъ Чириковъ, Видели у тамошнихъ дикихъ народовъ въ 801 году платье целое и въ доскутъе подбитое лѣсьими мѣхами, каковаго народы те неимѣють ни торгующіе пришельцы неоставляютъ, то иполагають быть росѣйскому. Но правда ли то Заверное утвердить неможно.

На 2-е Относящеѣся къ удовольственному содержанію остающихся примисіи трехъ духовныхъ особъ.

Въ первобытное прошѣдшее посіе Время, духовной миссіи отъ цамъ поколику позволяли избытки и обстоятельства, компанейскихъ продуктовъ ипрочаго ни Вчомъ отказывано небыло. Впретъ заудовольствіе поставляю подкреплять Вовсехъ надобностяхъ, Вчомъ послѣдуютъ недостатки ихъ авкомпаніи состоитъ то вналичности. Притомъ же исама компанія въ долгу еще состоитъ духовной миссіи, Взятыми Его Превосходительствомъ 40-ю сумами ржанаго провіанта, и на довольную сумму прежде полученныхъ живообразно же таварныхъ вещей. И хотя таперь иненаходится въ наличности ни фунта перваго, нодовольно есть сорочинскаво пшена кониъ и замѣнить пудъ запудъ Есть Возможность, истоварнаго же какіе Есть и Впретъ вступать также безпрепятственно отпущатся будетъ лоихъ требованіямъ. амежду тѣмъ по обнадеживанію Его Превосходительства ожидать должно прешительнаго о духовной миссіи ограниченнаго штатомъ впрочемъ въ извѣсность Введеннаго положенія. — Но прошу покорно зделать также иразрешеніе по требваніямъ ли только Начальствующаго Отца Германа производить отъ пуски или каждому изъ нихъ порознь? итакъ же для по Верки отъчотовъ старосты и прикащика нужно Вканторѣ имѣть исостороны духовной Вполучаемомъ свидѣтельство.

Пробываю съ должнымъ Почтеніемъ имовъ

Вашего Преподобія

Покорнымъ слугою.

Александръ Барановъ.

№ 32-й.

Маія 28 дня

807 года.

Ф. Кадьякъ.